

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 4 (76), 2025

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст. науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкина (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН А.В. Сиренов;
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть воспроизведена без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

- D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEARAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof., Corresponding Member of the RAS A.V. Sirenov;
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.:+7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Белова А.В.</i> Женская семейная память как предмет социальной антропологии повседневности	5
<i>Болокина Л.А.</i> Из истории развития гражданской авиации в Калининской области в 1945–1951 годы	20
<i>Горлов В.Н.</i> Москва пятиэтажная как символ эпохи оттепели	37
<i>Лисицына О.И.</i> Нормы взаимодействия мужчин и женщин в российской дворянской культуре в конце XVIII – середине XIX века	52
<i>Мищук Н.А.</i> Вклад М.К. Тенишевой в организацию частных лазаретов в Смоленской губернии во время Первой мировой войны	70
<i>Сафонова Ю.А.</i> Рукописный журнал «Развитие» воспитанников Архангельской духовной семинарии: диалоги издателей и читателей (1873–1874 гг.).....	85
<i>Филина Ю.С.</i> Формирование советского историко-революционного нарратива в 1930-е гг.: анализ фильма М.И. Ромма «Ленин в Октябре»	99

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ермаков А.М.</i> «Восточные евреи» в письмах немецких солдат (по материалам еженедельника «Штурмер»).....	114
--	-----

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

<i>Худавердян А.Ю.</i> Медицина древней Армении: опыт исторической реконструкции.....	129
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Свирин К.М.</i> Комплекс документов о деятельности Калининского пединститута в 1942–1944 гг. (по материалам фонда Калининского обкома ВКП(б))	146
--	-----

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Пелягина П.А.</i> Женщина-издательница в публичном дискурсе второй половины XIX в.: механизмы категоризации и границы профессионализации (часть 1)	168
---	-----

<i>Тарасов С.М.</i> Революционное движение 1870–1880-х гг. в освещении церковной периодики (на примере «Тверских епархиальных ведомостей»)	176
--	-----

СООБЩЕНИЯ

<i>Богданов С.В.</i> О дате приезда в Москву митрополита Фотия (о возможной причине происхождения одной хронологической ошибки в отечественных летописях XV века)	189
---	-----

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Зеленская Ю.Н.</i> Рецензия на монографию С.В. Сливко «У высоких берегов Амура: хроника музыкальной жизни Хабаровского края (1941–1945)». – Хабаровск: Хабаровская региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Мир говорящих машин», 2025. – 195 с. : ил.	201
--	-----

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	206
-----------------------------------	-----

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

A.V. Belova Women's Family Memory as a Subject of Social Anthropology of Everday Life	5
L.A. Bolokina From the history of civil aviation development in Kalinin region in 1945–1951	20
V.N. Gorlov Five-Storey Moscow as a Symbol of the Thaw Era	37
O.I. Lisitsyna Norms of Interaction between Men and Women in Russian Noble Culture of the Late 18th – Mid-19th Centuries	52
N.A. Mitsyuk The contribution of M.K. Tenisheva to the organization of private hospitals in the Smolensk province during the First World War	70
Ju.A. Safronova Handwritten journal <i>Razvitie</i> (Development) of the students of the Arkhangelsk Theological Seminary: dialogues between publishers and readers (1873–1874)	85
Julia Philina Formation of the Soviet Historical-Revolutionary Narrative in the 1930s: Analysis of M. I. Romm's Film «Lenin in October»	99

GENERAL HISTORY

A.M. Ermakov «Eastern Jews» in the Letters of German Soldiers (Based on the Stürmer Weekly)	114
ARCHAEOLOGY. ETHNOGRAPHY. HISTORICAL GEOGRAPHY	
A.Yu. Khudaverdyan Medicine in Ancient Armenia: An Attempt at Historical Reconstruction	129

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY.

METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

K.M. Svirin A Set of Documents on the Activities of the Kalinin Pedagogical Institute in 1942–1944 (Based on the Materials of the Kalinin Regional Committee of the CPSU(b))	146
---	-----

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

P.A. Peliagina The Woman Publisher in the Public Discourse of the Second Half of the 19 th Century: Mechanisms of Categorisation and Limits of Professionalisation	168
S.M. Tarasov The revolutionary movement of the 1870s and 1880s as covered by church periodicals (using the Tver Diocesan Gazette as an example)	176

THE REPORTS

S.V. Bogdanov About the date of Metropolitan Photius's arrival in Moscow (About the Possible Reason for the Origin of one Typical Chronological Error in Russian Chronicles of the 15th Century)	189
---	-----

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

Yu.N. Zelenskaya Review of S. V. Slivko's monograph «At the High Banks of the Amur: A Chronicle of the Musical Life in the Khabarovsk Territory (1941–1945)». – Khabarovsk: Khabarovsk Regional Public Organization "Cultural and Educational Center "The World of Talking Machines", 2025. – 195 p. : ill.	201
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.005–019

Женская семейная память как предмет социальной антропологии повседневности¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена проблеме женской семейной памяти как предмету исследования социальной антропологии повседневности. Основное внимание уделено выявлению вклада женской семейной памяти в кинкипинг в дворянских семьях в XIX в. Автором уточняются понятия женской автобиографической, семейной и социальной памяти, традиционный характер женской дворянской повседневности, значение источников по истории женской семейной памяти. Рассматриваются вопросы о соотношении практик меморизации и социального опыта женщин, памяти и забвения в женском автобиографическом нарративе, презентации дворянской повседневности в женской семейной памяти. Выясняются возможности этнологического изучения женской семейной памяти, перспективы ее концептуализации для исследований социальная антропология женской повседневности. Автор приходит к выводу о функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта.

Ключевые слова: женская семейная память, исследования семейной памяти, кинкипинг, женская социальная память, женская автобиографическая память, гендерные особенности памяти, женская история, социальная антропология, женская повседневность.

Антропология женской семейной памяти – новая дисциплинарная область в социальной антропологии повседневности. Трансляция женщинами наиболее значимого социального и культурного опыта сообщества обусловлена их традиционной ролью в воспроизведстве поколений, социализации и инкультурации, организации повседневного пространства семейного бытового уклада. Ключевые задачи самоорганизации сообщества в качестве важнейшего механизма включали сохранение этнокультурной памяти, масштабируемой на уровне семейных групп до фреймов семейной памяти.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

В современных обществах выявлена особая функция по поддержанию родственных связей и семейных традиций, для обозначения которой существует специальный термин – кинкипинг (*kinkeeping*) («сохранение родства»). Кинкипинг считается важной эмоциональной и организационной работой и существенным вкладом в сохранение целостности семейной группы и материализацию семейной памяти. Как показывают современные демографические и социологические исследования, эта функция, как правило, либо возлагается на женщин, либо они по умолчанию добровольно принимают ее на себя². При этом кинкипинг – настолько време- и энерго затратная деятельность, далеко не всегда приносящая личный эмоциональный фидбэк исполнительницам, что это позволило назвать её «ещё одной работой для женщин»³. Объявленный в апреле 2024 г. онлайн-словарем Dictionary словом дня термин «*kinkeeping*» стал достоянием массовой культуры после того, как видео об этом явлении завирусились в TikTok и появились публикации в СМИ, в т. ч. русскоязычных⁴. Стоит отметить, что речь идёт в данном случае не о хорошо известном антропологам традиционном для женщин домашнем труде, включавшем неоплачиваемую работу по дому, уход за детьми, содержание родственников и заботу о них, а о труде, связанном с укреплением семейных связей, включая организацию общесемейных мероприятий, встреч и выездов, празднование дней рождения или иных ритуалов, отправку подарков, приготовление традиционных праздничных блюд для семейных посиделок, распространение новостей, телефонные звонки, написание писем, посещения и визиты, уход за немощными членами семьи или оказание экономической помощи, представление семьи и др. Термин «*kinkeeping*» введён в науку в 1985 г. социологом К. Дж. Розенталь⁵, которая концептуализировала его как важный, но менее часто изучаемый аспект разделения домашнего труда⁶.

Кинкипинг как усилия по поддержанию связей между членами семьи характерен не только для современных, но и в ещё большей степени для традиционных обществ, в которых родственная и семейная консолидация обеспечивали структурные элементы самоорганизации сообществ.

² Hornstra M., Ivanova K. Kinkeeping Across Families: The Central Role of Mothers and Stepmothers in the Facilitation of Adult Intergenerational Ties // Sex Roles. 2023. Vol. 88. P. 367–382.

³ Иванова Д. Ещё одна работа для женщин: что такое кинкипинг и как он помогает сохранить семью // Forbes Woman. 25.06.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/515431-ese-odna-rabota-dla-zensin-cto-takoe-kinkiping-i-kak-on-pomogaet-sohranit-sem-u> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ Иванова Д. Указ. соч.; Кагая Я. Кинкипинг: необходимость или эксплуатация // Альманах «Наследие». 03.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie.digital/articles/kinkiping-neobhodimost-ili-ekspluatatsiya/> (дата обращения: 25.09.2025).

⁵ Rosenthal C.J. Kinkeeping in the familial division of labor // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47(4). P. 965–974.

⁶ Hornstra M., Ivanova K. Op. cit.

Цель статьи – выявить вклад женской семейной памяти в кинкипинг в дворянских семьях в XIX в. При объективной невозможности проведения опросов субъективные источники – мемуары, воспоминания, записи устных историй, автодокументальные нарративы, принадлежавшие образованым женщинам, – служат одновременно документальной базой по истории женской социальной памяти и практик женской повседневности. Выявление на основе их изучения исторического содержания, функционального предназначения и роли женской семейной памяти в аккумулировании ключевых составляющих развития семьи выступает фундаментальной исследовательской задачей.

Изучение памяти в социальной антропологии повседневности. Современные memory studies – динамично развивающееся в начале XXI в. междисциплинарное поле, воплощающее новые подходы как в историографии, так и в антропологическом знании. Эристический потенциал женской автобиографической, семейной и социальной памяти делает целесообразным её исследование в контексте истории женщин и социальной антропологии женской повседневности (См.: Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51). Профессор когнитивной нейронауки Лондонского университета Э. Магуайр усматривает связь «автобиографических воспоминаний о личном прошлом людей и их способности представлять фиктивные и будущие сцены и события»⁷, т. е. считает предназначением памяти проецирование человека в будущее. Выбор оптимального образа действия из точки будущего становится обусловленным содержательными и структурными аспектами автобиографической и социальной памяти личности, что придает ее изучению особую научную значимость. В этой связи миссия женской семейной памяти сводится к запечатлеванию и межпоколенческой трансляции pragматически и символически значимых паттернов поведения и эмоциональных реакций, поддержанию целостности группы для выработки сопричастности к ней и последующей самоидентификации представителей будущих поколений, рефлексии и учёту личного и коллективного опыта, который в будущем может иметь существенное значение.

Если конструкторами доминирующей национальной «исторической памяти» выступали мужчины-историографы, то женщины становились носительницами альтернативной социальной памяти. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в конструировании национальной идентичности, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива. Это приобретает особое значение в контексте существующего в историографии различия соци-

⁷ Hassabis D., Maguire E. The construction system of the brain // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences. 2009. Vol. 364, Issue 1521. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fil.ion.ucl.ac.uk/Maguire/> (дата обращения: 25.09.2025).

альной памяти как продукта общественного воображения и профессионально написанной истории как результата деятельности ученых⁸.

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов цивилизационной модели. В частности, основы российской государственности исторически формировались в условиях родовой памяти поколений, приоритета семейной организации, широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зрения общественных когорт.

Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и высокая степень женского участия в общественно-политических и частно-правовых процессах, которое усиливалось от средневековья к новому и новейшему времени. Исторически женщины выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской государственности, но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого следует считать жизнеспособность общества как социальной системы и сохранение его этнокультурной специфики. Имеются в виду представительницы не только традиционных групп с бесписьменной передачей опыта, но и образованных дворянских слоев, структурно определяемых замкнутой родовой организацией и традиционным семейным ethosом.

Женская семейная память как проблема исследования. Концепт женской семейной памяти определяет одно из актуальных направлений в современной исторической науке. Исследования семейной памяти (*family memory studies*) – перспективная область в изучении памяти на стыке с нарративными исследованиями – обращены к семейным воспоминаниям как ресурсу в самых разных условиях, касающихся индивидуальной и коллективной идентичности, национальных воспоминаний, процессов передачи данных из поколения в поколение, а также миграционных, транснациональных и диаспорических исследований⁹. Значение семейной памяти как аналитического инструмента и исследовательской концепции связано с выявлением ее роли в передаче социальных и политических ценностей из поколения в поколение. Исследования женской семейной памяти изучают исторический опыт женских нарративов в формировании и трансляции личных и коллективных представлений прошлого, стратегий запоминания и забывания, соотношения моделей повествовательной коммуникации и социальной практики (См.: Белова А.В. «За честь сестры»: история несосто-

⁸ Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 14.

⁹ Family Memory: Practices, Transmissions and Uses in a Global Perspective / Ed. by R. Švaříčková Slabáková. Abingdon, 2021.

явшейся помолвки как эпизод женской семейной памяти в России середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2024. № 1. С. 53–68).

В российском дворянском сообществе XIX в. семейная память воплощалась в женском нарративе. На это указывают не только частные и семейные архивы, но и литературные свидетельства, например документальная повесть «Старина. Семейная память» Н.С. Кохановской, упоминавшей в качестве «источников» своих «сведений» рассказы матери, тетушки, «бабки с материнской стороны», «бабки с отцовой стороны»¹⁰.

Женщины, выступая хранительницами и трансляторами традиционного дворянского этоса, воспроизводили его, помимо прочего, через механизмы семейной памяти. Важное замечание сделано М. Игнатьевым, канадским историком и писателем русского происхождения, потомком древних дворянских родов Мещерских и Игнатьевых: «в прошлом реально лишь то, что сохранилось в памяти живущих людей»¹¹. Поскольку в дворянской повседневности, по его словам, «весь уклад жизни определялся нормами семейного этикета»¹², прошлое дворянства сохранялось как семейная память. Но возникает вопрос: почему именно женская? Обратившись к прошлому своей семьи в XIX в. «как историк», «абстрагировавшись от родственных связей и рассмотрев их лишь как исторических персонажей, как объекты исторического изучения», М. Игнатьев сравнил воспоминания бабушки, названные им «искренним и правдивым отражением её собственной натуры», отмеченные «эмоциональной достоверностью», и деда, охарактеризованные «рассказом о карьере», «чём-то вроде официального отчёта», в котором тот «обошёл всё личное»¹³. По его мнению, отсутствие личного и эмоционального аспектов мужских воспоминаний обесценивало и их событийность, которая сама по себе не являлась уникальной.

Это замечание можно сопоставить со сделанным мною выводом о том, что «в женских письмах реже, чем в мужских, можно встретить упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описания повседневных реалий и личных переживаний» (См.: Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 6). Вокруг женщин концентрировались коммуникативные связи семьи, о чём свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянства. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности в синхронном срезе. В диахронном же измерении именно женская семейная память обеспечивала преем-

¹⁰ Кохановская Н.С. Старина. Семейная память // Отечественные записки. 1861. № 3 (март). С. 209.

¹¹ Игнатьев М. Русский альбом: Семейная хроника / Пер. с англ. и примеч. А. Вознесенского. СПб., 1996. С. 6.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 13.

ственность семейного социума и осознание сопричастности внутрисемейной идентичности.

Женская семейная память реализует себя в нарративах, воспроизведящих, как правило, наиболее драматические аспекты жизни членов семьи. Автобиографические воспоминания фиксировали отрефлексированные переживания и социальный опыт дворянок в качестве своеобразного резервуара женской семейной памяти. Именно такие ретроспекции, отобранные как наиболее значимые и повторенные публично, стали основой консолидации женской памяти о травматическом жизненном опыте семьи.

Гендерные особенности запоминания и семейной памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, вносявших коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с другой – позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской. Личная память, транслируемая в мемуарах женщин, становится системообразующим дискурсом в повседневной жизни семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Изучение гендерных особенностей исторической памяти представляет бесспорный научный интерес для проникновения в механизмы меморизации и выяснения их роли в конструировании нарративной идентичности личности. По прошествии времени дворянки пытались целостно осмыслить прожитые годы, «перебрать в голове пережитое», представить мысленно логику жизненного пути и оценить целесообразность встречавшихся на нем перепитий, даже если воспоминания бабушки интерпретировались внуком как «нечто напоминающее мемуары – поток бессвязных ассоциаций» и «двести пятьдесят страниц беспорядочных записок»¹⁴. Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными повседневными заботами и эмоциональными ощущениями не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

При этом автобиографическая память неверифицируема в принципе, и даже память об одном и том же событии может с полным основанием отличаться у разных людей, по-своему его переживших. Возникает ряд вопросов: каким образом происходит отбор событий для запоминания, какие гендерные особенности меморизации, как работает механизм женской памяти об общественно-политических событиях, породивших в прошлом травматические опыты, существует ли мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания? Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления истори-

¹⁴ Игнатьев М. Указ. соч. С. 13.

ческих и семейных коллизий позволит выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.

Память и забвение в женском автобиографическом нарративе. Автобиография предполагает воспроизведение собственной жизненной истории, при этом может иметь расширенное толкование. По одной из версий, «автобиографические произведения имеют множество разновидностей – от глубоко личных записей, делавшихся в течение всей жизни и не всегда предназначавшихся для публикации (в т. ч. письма, дневники, мемуары и воспоминания), до формальной автобиографии»¹⁵. При таком понимании они совпадают с автодокументальными источниками, иначе называемыми источниками личного происхождения, или субъективными источниками как своеобразным дисплеем женской субъективности.

Определение автобиографической памяти включает женский авторский нарратив, выполнивший функцию конструирования идентичности. Женская семейная память фиксирует способы конструирования своей принадлежности к семье, семейной общности.

В процессе написания автобиографии происходит переконструирование собственного прошлого на уровне нарративной идентичности. Рассказанная во всех подробностях история позволяет устраниТЬ негативные аспекты восприятия и травмы. Вместе с тем даёт возможность воссоздать это иначе, чем оно переживалось. Происходит создание мифа о себе через «намеренное словесное искажение запомненного»¹⁶.

Автобиографическая память относится к самовосприятию собственной идентичности и имеет незначительное отношение к достоверности передаваемых событий. Она нацелена на воспроизведение субъективных переживаний автора, ментальную переработку повседневных опытов прошлого с целью не просто перерассказать о нём, а мысленно создать (смоделировать) будущее.

Механизмы бытования и действия автобиографической памяти напоминают отчасти способы функционирования эпической традиции, относимой к проявлениям этнокультурной памяти. Эпос не нацелен на историческую достоверность. Его смысл – посредством воспроизведения значимого социального опыта прошлого обеспечить устойчивое существование сообщества в будущем. Автобиографическая память за счет воссоздания нарратива о прошлом призвана обеспечить устойчивый эмоциональный статус женщины-автора в будущем.

Проблемы, с которыми в определенном возрасте автор-женщина не могла справиться, удается переосмыслить и иначе интерпретировать по прошествии времени. Обращение к воспоминаниям о собственной прожи-

¹⁵ Автобиография // Britannica: Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2009. С. 8.

¹⁶ Ekman P. Telling lies: clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. N.Y., 1985.

той жизни – это взгляд на себя из «точки будущего». Безвыходная ситуация в прошлом может быть оценена как невозможность взглянуть на себя из «точки будущего». Позднее, когда это «будущее» наступило и прошло, и, миновав статус «настоящего», обрело статус «прошлого», сознание способно обращаться с ним произвольно, переосмыслить в пользу комфортного принятия. Часто, находясь в том, что когда-то было будущим, человек с большим недоумением обращается к образу себя в прошлом, эмоциональному статусу и не понимает, зачем было потрачено определенное количество эмоций и сил на ситуации, которые этого не заслуживали. Но в моменте это было не понятно.

Можно выделить следующие виды автобиографической памяти: инструментальную, экспрессивную (эмоциональную), событийную. Также могут быть выявлены основные функции автобиографической памяти, такие как идентификационная (ресурсная), которая служит ресурсом идентификации себя с родом, семьей, социальной группой; коммуникативная; транслирующая; мифологизирующая; смыслобразующая.

Подлежат различению способы легитимизации женской автобиографической памяти, обеспечивающие право на память, право помнить что-либо, варианты официальной или альтернативной памяти и забвения. Возникает вопрос – в какой исторический момент женщина сама выбирает, что ей помнить, а что забывать? В какой мере женщина признается в сообществе экспертом памяти?

Будучи лишенными доступа к производству символического господства в виде запечатленной реальности, женщины на протяжении веков не могли ни создать, ни легитимизировать собственную версию исторического прошлого. Женская автобиографическая память становится, таким образом, способом обретения исторического измерения бытия женщин, конструирования будущего посредством проявленного прошлого, их собственной версией придания значимости своему социальному опыту, его фиксации и закрепления в структуре символического миропорядка.

Дворянская повседневность в женской семейной памяти. Повседневные привычки и устои российских дворянок подлежат исследованию в контексте анализа их специфического традиционного образа жизни, их жизненных миров, реконструируемых на основе их собственного голоса, исходя из самоописания женских дворянских идентичностей в субъективных источниках, это-документах. Судя по ним, женская повседневность в провинции отличалась плюральностью практик, направленных на кинки-пинг («сохранение родства»): участием в обычаях гостевания для поддержания коммуникации между родственниками, координированием хозяйственной жизни дворянской усадьбы для обеспечения экономического ресурса семьи и управления совместным имуществом, попечением об образовании детей из родственных семей, их общем воспитании для усвоения ими родственных чувств и сохранения их в будущем, следованием требованиям религиозного благочестия в отношении себя и детей (в частности, дочерей), проведением совместно с родственниками религиозных и семейных

праздников, ведением регулярной обширной переписки с представителями семейно-родственного круга.

Значительная доля в каждодневном ресурсе времени уделялась обеспечению родственных взаимодействий в той или иной форме (включая ежедневные приёмы пищи, домашние молебны и церковные службы, периодические встречи представителей родственных семей, семейные обряды и ритуалы), поддержанию социальных контактов между членами многочисленных семей. Именно женщины в устном общении и частной переписке становились обладательницами информации о состоянии здоровья и каждодневной событийности родственников и представителей родственных семей, обменивались ею для оказания необходимой помощи и поддержки. Главное – они обеспечивали символическое единство семейно-родственного сообщества, выражая причастность к нему в устной и письменной коммуникации.

Гендерная специфика провинциальной повседневности в XIX в. была обусловлена фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин, позволяющим ассоциировать усадебную повседневность с женским миром. Факт того, что московские дворянские семьи часто были «многодевичими», подметил в своё время ещё князь П.А. Вяземский (1792–1878)¹⁷. Это подтверждается, в частности, духовными завещаниями и распоряжениями, передававшими «законные по праву наследства части»¹⁸ и «наличные деньги»¹⁹, как было, например, в семье княгини Агафоклеи Николаевны Горчаковой, урождённой Бахметевой (1801/02 – не ранее 1883), и князя генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Горчакова (1793–1861), «четырём дочерям...: Варваре, Наталье, Софии и Ольге»²⁰.

В Тверской губернии – провинции, расположенной между Санкт-Петербургом и Москвой, – упомянутое выше наблюдение современника также подтверждается документальными, генеалогическими и эпистолярными свидетельствами²¹. Уже в XVIII в. нередки были случаи, когда в дворянских семьях не просто дочерей было больше, но вообще при выяснении потенциальных наследников недвижимой собственности «сыновей и племянников и внучат родных сыновьих детей... не имелось»²². Симптоматично и щепетильное прописывание подобных ситуаций законодателем²³. У антропологов есть на этот счёт мнение о большей «затратности» мужчин

¹⁷ Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н.Г. Охотина; Вступ. ст. и прим. А.Л. Зорина и Н.Г. Охотина. М., 1988. С. 315.

¹⁸ Центральный государственный архив города Москвы, Отдел хранения документов до 1917 года (далее – ЦГА Москвы, ОХД до 1917). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1890. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1 об. – 2, 12 об., 15–15 об., 23 об. и др.

²² Там же. Л. 12 об.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. V. № 2789. П. III.2, III.7; ГАТО. Ф. 103. Д. 2255. Л. 1–8 об.

в сообществе²⁴. Правда, на рубеже XVII–XVIII вв. встречались многодетные дворянские семьи, в которых были, напротив, одни сыновья. Например, в семье помещиков Холмского уезда Анны и Ивана Челищевых было семеро сыновей: Яков, Лука, Иван, Василий, Артемий, Макар, Сергей²⁵.

Наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений – это была старшая женщина: бабушка²⁶, мать²⁷ или старшая сестра²⁸. Мотивацией могли служить разные обстоятельства объективного и субъективного характера, например, отсутствие мужа²⁹ или, при наличии, длительное нахождение его вне дома³⁰, проживание вдали от семьи в связи со служебной занятостью, отсутствие «времени заняться семейственными делами»³¹ или другие особые обстоятельства, в силу которых дворянка могла занимать лидирующую позицию в семье.

Женское главенство, как и мужское, основывалось на обладании недвижимой собственностью и, прежде всего, на возможности самостоятельно (единолично) распоряжаться экономическими ресурсами семьи: «... с присовокуплением доверия любезнейшей сестре нашей Вере Логгиновне и нашего уполномочия как по означенному имению так и по другим округам состоящему... во всем ей поручаем имением нам принадлежащим разпоряжать...», – писали в верящем письме на имя старшей сестры дворяне Вышневолоцкого уезда Тверской губернии полковник Н.Л. Манзей, подпоручики И.Л. и А.Л. Манзеи, девица М.Л. Манзей³². Вера Логгиновна Манзей, как старшая среди пятерых сестёр и четверых братьев, стала преемницей матери в качестве главы многочисленной семьи и хранительницы родственных связей дворянского рода, предки которого были выходцами из Шотландии. Не состоя в браке и не имея собственных детей, в отличие от матери и трёх сестёр, она сосредоточилась на поддержании единства родительской семьи, выполнении функций кинкипинга всех Манзеев – братьев, сестёр, племянников, племянниц, живших в Вышневолоцком уезде, Бологом, Москве, Санкт-Петербурге, Царском Селе. Вера Логгиновна унаследовала от матери, Прасковьи Ильиничны, не только право на управление общим именем, но и особую роль в семье – ответственной за поддержание родственных связей. Это находило отклик у других сестер, проявлявших взаимное уважение и эмоциональную привязанность, молитвенное участие и поддержку друг друга³³, стремление к организации встреч в родовом

²⁴ Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004. С. 166.

²⁵ ГАТО. Ф. 103. Д. 1597. Л. 27 об., 33 об.

²⁶ Там же. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–23 об.

²⁷ Там же. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 3; Д. 92. Л. 1–1 об.

²⁸ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2 об.

²⁹ Тверской государственный объединенный музей – Кашинский филиал. Рукописная коллекция «Кашинское дворянство». КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1–1 об.

³⁰ ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 65 об.

³¹ Там же. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 31; Ф. 1407. Оп. 1. Д. 46. Л. 1 об.

³² Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

³³ Там же. Д. 45. Л. 20 об., 84 об.

имени³⁴, совместное проведение религиозных праздников³⁵, что объединяло представителей дворянского рода Манзей.

Наряду с сосредоточением в руках дворянок хозяйственных функций, ими же организовывались и воспроизводились коммуникативные связи семьи. Именно женские письма преобладали в составе семейной переписки провинциального дворянства. Эпистолярные «сети влияния» были частью кинкипинга и способствовали внутренней консолидации дворянской общности в пределах семейно-родовой группы. Для женщин было характерно установление горизонтальных связей, создание «сети отношений» с многочисленными родными, знакомыми (в т. ч. и заочными), и, вместе с тем, написание писем означало для них постоянно возобновлявшееся переживание собственной субъективности (одновременно и конструирование идентичности). Женские голоса «озвучивают» субъективные восприятия повседневного измерения жизни российских дворянок, их собственные ощущения своего возраста, пола, статуса в семье, осмысление связанных с этим, иногда конфликтующих, предписаний и самооценок.

Изучение традиционных аспектов дворянской культуры способствует решению существенной проблемы ее функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей. Родовое начало и начало соборности, т. е. представление социальной общности как религиозного единства, относимые обычно к атрибутам народной культуры, в не меньшей степени определяли повседневную жизнь провинциальных дворянок. Наиболее явно это проявлялось в культуре религиозных праздников, в свадебной, родинной и крестильной обрядности. Именно исходя из внутренней родовой, этической природы дворянского сообщества, ядро которого составлял ограниченный круг родовитого («древнего») дворянства, оберегавшего свою замкнутость недопущением мезальянсов, а не из внешней юридической формы его описания как служилого сословия мужчин, обладавших в силу этого рядом привилегий, можно выявить и проанализировать те многообразные роли, которые играли в этом сообществе женщины, их участие в трансляции иrepidурировании различных жизненных этно- и социокультурных опытов, включая структурирующий, хозяйственный, религиозно-нравственный, коммуникативный, опыт социализации детей обоего пола и др. В совокупности с прочими характеристиками это позволяет интерпретировать дворянскую культуру XIX в. как традиционный тип культуры.

Рефлексия негативных воспитательных практик в дворянских семьях появляется у мемуаристок второй половины XIX в. (А.П. Керн, А.В. Щепкина, А.Г. Достоевская, С.В. Ковалевская), которые, вспоминая собственное детство в первой трети – середине XIX в., не просто сожалели о своих печальных детских опытах, а пытались оценить педагогические стратегии и отношение взрослых как бы с точки зрения распространившегося позднее «помогающего, или эмпатического стиля воспитания детей». Зарожде-

³⁴ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 84, 84 об.

³⁵ Там же. Л. 35.

ние этого стиля, признающего за ребенком лучшее знание своих потребностей, понимание со стороны родителей вместо повелительности, создание ими благоприятных условий для его эмоционального развития, Л. Демоз усматривает только в середине XX в. Тем не менее мемуаристка А.П. Керн, урожденная Полторацкая (1800–1879), в возрасте 70 лет обращается к событиям и эмоциям своего детства и в качестве осознанно последних своих воспоминаний выбирает запись именно детских впечатлений. Детство оказывалось тем этапом жизненного цикла, о котором она сознательно и добровольно хотела вспомнить и написать, а значит, «оживить» в себе, «прокрутить» назад, «вернуться», «прожить» снова. При этом А.П. Керн прямо противопоставляла «счастливое детство»³⁶ последующему «несчастливо-му» супружеству, о котором, наоборот, сознательно не желала вспоминать и писать в конце жизни³⁷. Это, в числе прочего, представляет процесс письма для дворянки как своего рода «проживание заново» минувших ситуаций. Прошлое вытесненное, запрятанное глубоко в недрах памяти, – как бы и не прошлое, оно становится таковым, когда о нём написали и вновь «присвоили» порождённые им эмоции.

Подавляющие воспитательные практики были настолько интегрированы в структуру семейной организации, что при негативном к себе отношении воспринимались как обычные, привычные, «законные». Тем не менее дворянки по прошествии многих лет идеализировали детство, что наглядно показывает, как депривированный индивид превращает репрессивные практики в приемлемые. Конструирование в воспоминаниях собственной идентичности возвращало их к началу жизни, к ранним впечатлениям и опытам, в том числе к таким, о которых сами они не могли помнить, но знали по рассказам близких. Переживания детства, даже печальные, играли важную роль в осознании целостности и полноты прожитой жизни и оценивались как «счастливые» именно по отношению к ней. Записывая детские воспоминания как часть истории своей жизни, взрослые женщины с позиции уже иного жизненного опыта пытались «другими» глазами взглянуть на особенно болезненные эмоциональные травмы детства и на этот раз успешно «пережить» их, убеждая себя в том, что тогда они были счастливы.

Женская семейная память как способ принятия собственного индивидуального прошлого. Женская семейная память, фиксируемая в автобиографическом дискурсе, представляет значимый источниковедческий ресурс для изучения не только практик меморизации, но и механизмов переосмыслиния и принятия собственного индивидуального прошлого. Перецитый женщинами жизненный опыт связан и с персональной историей, и с событиями «большого масштаба», в контексте которых разворачивались перипетии их повседневной жизни. В женской автобиографической памяти переплетаются свидетельства как о наиболее влиятельных процес-

³⁶ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. С. 358.

³⁷ Там же. С. 372.

сах и выдающихся деятелях эпохи, так и об обыденном, привычном, повседневном, определявшем их жизненные условия, сами возможности выживания в непростых исторических обстоятельствах. Изучение проблем женской меморизации позволяет понять, как происходившие в обществе «большие» изменения отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных «маленьких людей», какие социальные связи определяли коммуникативный контекст их существования.

Для многих образованных дворянок заключительный «возраст жизни» становился временем воспоминания о прожитом и пережитом³⁸. Ведя диалог с воображаемыми читателями, они отстаивали конструктивные возможности собственной памяти, преодолевая стереотип ее возрастной ограниченности³⁹. Женщинам «третьего возраста» в той или иной степени было присуще ретроспективное мышление: устремленность не «вперед», в будущее, а, наоборот, «назад», в прошлое⁴⁰. Отсюда – нацеленность пожилых дворянок на процесс припоминания событий собственной прожитой жизни как «бегство из унизительной старости», «попытка преодолеть власть настоящего над прошлым»⁴¹. Нежелание образованных дворянок бесследно исчезнуть побуждало многих из них записать свою историю.

Вместе с тем процесс «оживания воспоминаний» соотносится, по словам французского специалиста по аналитической психологии П. Эстрада (*Patrick Estrade*), с «настоящим обретением себя»⁴². Возможно, «обращение в слова» и запись тяжелых переживаний из собственной жизни, плохих воспоминаний, которыми, за редким исключением, «пропитаны» мемуары российских дворянок, было способом избавиться от них, «отложить» их, отодвинув от себя, в то время как хорошие воспоминания, поддерживаемые женской памятью, служили, цитируя того же П. Эстрада, своеобразными «резервуарами счастья»⁴³.

Конструирование текстов воспоминаний на склоне лет как субъективные попытки отстранения пережитой боли и душевных страданий и одновременного прорыва к внутренним источникам счастья свидетельствует о наибольшей востребованности скрытых эмоциональных ресурсов женской личности для нее самой именно в этом возрасте и вместе с тем о наличии достаточного количества разнообразных жизненных опытов, позволявших иначе (менее травматично) осмыслять и истолковывать свое прошлое. При этом нужно иметь в виду, что подлежащие записи и прочтению

³⁸ Хилкова Е.Г. Воспоминание об императрице Марии Феодоровне // Русский архив. 1873. Кн. 2. Вып. 7. Стб. 1121.

³⁹ Смирная Е.-А.В. Данила Яковлевич Земской. Один из птенцов Петра Великого / Со общ. П.В. Лобанов // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 69, 68.

⁴⁰ Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст., примеч. В.М. Боковой. М., 1996. С. 335.

⁴¹ Игнатьев М. Указ. соч. С. 36.

⁴² Эстрад П. Зачем нам нужны воспоминания // Psychologies. 2007. № 21. 03.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/zachem-nam-nujnyi-vospominaniya/> (дата обращения: 25.09.2025).

⁴³ Там же.

посторонними воспоминания в любом случае были селективными и могли соотноситься не только с внутренним образом себя, но и с образом, моделируемым для внешнего восприятия⁴⁴. Неутрата к преклонному возрасту не только конструктивных возможностей памяти, а вообще личностных дарований особо подчёркивалась, очевидно, как явление необычное, вызывавшее удивление.

Таким образом, концептуализация женской семейной памяти российского дворянского сообщества расширяет предмет изучения социальной антропологии женской повседневности, позволяет осмыслить современные тенденции этнологического знания, обозначить пространство пересечения ее с антропологией памяти. Женская семейная память играла ключевую роль в кинкипинге, в сохранении родства, поддержании родственных отношений в дворянских семьях в XIX в. Как важнейшее свойство мозга память аккумулирует социальный и культурный опыт сообщества с целью обеспечить его выживаемость в будущем. Гендерная специфика механизмов автобиографической и семейной памяти выступает существенной составляющей функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта. Вне гендерных коннотаций исследования памяти вряд ли могут носить достоверный характер, что очевидно как нейрофизиологам и психологам, так и историкам и этнологам.

Список литературы:

1. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.
2. Ekman P. Telling lies: clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. N.Y.: W. W. Norton & Company, 1985.
3. Hassabis D., Maguire E. The construction system of the brain // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences. 2009. Vol. 364, Issue 1521. <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0296>; <https://www.fil.ion.ucl.ac.uk/Maguire/> (дата обращения: 11.07.2019).
4. Hornstra M., Ivanova K. Kinkeeping Across Families: The Central Role of Mothers and Stepmothers in the Facilitation of Adult Intergenerational Ties // Sex Roles. 2023. Vol. 88. P. 367–382. <https://doi.org/10.1007/s11199-023-01352-2>
5. Rosenthal C.J. Kinkeeping in the familial division of labor // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47(4). P. 965–974. <https://doi.org/10.2307/352340>

⁴⁴ Дацкова Е. Записки 1743–1810 / Подгот. текста, ст. и comment. Г.Н. Моисеевой; Отв. ред. Ю.В. Стенник. Л., 1985. С. 207.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

**Women's Family Memory as a Subject of Social Anthropology
of Everyday Life**

A.V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the problem of women's family memory as a subject of research in the social anthropology of everyday life. The main attention is paid to the identifying the contribution of women's family memory to kinkeeping in noble families in the 19th century. The author specifies the concepts of women's autobiographical, family and social memory, the traditional characteristics of women's noble everyday life, the significance of sources on the history of women's family memory. The article discusses the relationship between the practices of memorization and social experience of women, memory and oblivion in women's autobiographical narrative and the representation of noble everyday life in women's family memory. The author clarifies the possibilities of ethnological study of women's family memory, the prospects of its conceptualization for research in the social anthropology of women's everyday life. The author concludes about the functional connection between the issues of the anthropology of memory and the study of the gender aspects of social experience.

Keywords: *women's family memory, family memory studies, kinkeeping, women's social memory, women's autobiographical memory, gender features of memory, women's history, social anthropology, women's everyday life.*

About author:

BELOVA Anna Valeryevna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References

Shnirel'man V.A. 2018. Sotsial'naia pamiat': voprosy teorii [Social memory: theory questions]. In *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'*, edited by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva, 12–34. Moscow: Rossijskaya akademiya nauk.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г

УДК 656.7(09)(470.331)<<1950/1951>>
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.020–036

Из истории развития гражданской авиации в Калининской области в 1945–1951 годы

Л.А. Болокина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассказывается о деятельности 232-го авиаотряда, который базировался на территории Калининской области в послевоенные годы. Приведена информация о выполнении пилотами постоянных и периодических задач, показателях транспортного, санитарного налета, а также действиях авиации специального применения. Раскрыты особенности функционирования отдельных авиалиний в регионе. Анализируется процесс реализации решения Калининского областного исполнительного комитета о благоустройстве аэропортов местных воздушных линий. Показано взаимодействие органов исполнительной власти областного и районного уровней между собой и с командованием авиаотряда. Выявлены трудности и специфика выполнения решения в различных районах. Особенno сложным оказался вопрос о возможном перемещении аэропорта в областном центре. Основой статьи стали архивные материалы.

Ключевые слова: авиационный отряд, аэродромы, аэропорты, воздушный транспорт, местные воздушные линии, посадочные площадки, райисполкомы, санитарная авиация.

Научных трудов, посвящённых истории гражданской авиации в России, не столь много. При этом преобладают публикации, освещающие эволюцию воздушного законодательства, историю самолётостроения, развертывания аэродромной сети в довоенный и даже в дореволюционный периоды¹.

---

¹ Бабкина Л.Н., Скотаренко О.В. Планирование деятельности гражданского воздушного флота СССР в период после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 2. С. 157–161; Лазуревская Ю.А. Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России // Наследие веков. 2019. № 4 (20). С. 97–105; Лебедева М.Ю., Пиджаков А.Ю. Воздушный транспорт СССР в довоенные годы // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 170. С. 55–59; Ярошенко А.А. Нормативная база деятельности советской гражданской авиации и система управления отраслью (1921–1941 гг.) // Казанская наука. 2010. № 9. С. 128–135.

В ряде работ Ю.А. Лазуревской раскрываются этапы развития отечественной гражданской авиации в целом и особенности становления авиации на юге России. Автор выделяет структурные элементы гражданской авиации как саморегулирующейся системы, приводит критерии её эффективности, называет факторы, определившие успехи и неудачи отрасли, анализирует формирование системы управления авиацией в России, разоблачает некоторые историографические мифы, возникшие при разработке темы².

В статье Л.Н. Бабкиной и О.В. Скотаренко названы некоторые нормативно-правовые акты и документы, касавшиеся перспектив развития гражданской авиации в СССР после окончания Великой Отечественной войны, принятые ещё в 1944 г. Приведены данные о количестве аэропортов, различных типах самолетов, работниках ряда специальностей, которые были в наличии к тому времени, отмечена потребность в их увеличении для эффективной работы отрасли.

Основные задачи развития гражданской авиации в принятых планах были сформулированы так: воздушный транспорт должен был стать основным видом транспорта для скоростных перевозок пассажиров, почты и срочных грузов на дальние расстояния, средством массовых перевозок в бездорожных районах; авиацию специального применения следовало широко использовать в борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства; санитарная авиация повсеместно должна развиваться как средство скорой медицинской помощи населению и способ борьбы с эпидемиями. Учёные указывают на определённую схожесть проблем гражданской авиации СССР в послевоенный период с теми, которые появились в условиях современных санкций, и считают актуальным изучение методов преодоления трудностей, использованных советским руководством³.

Особенность книги А.И. Жаворонского заключается в том, что автор много лет прослужил в саратовском авиапредприятии и являлся свидетелем части описываемых событий. В тексте рассказывается о зарождении авиации в Саратовском регионе в 1920-е гг. и её дальнейшем развитии. При описании разных видов работ с применением самолетов в народном хозяйстве в послевоенный период приведены интересные примеры. По мнению автора, первая половина 1950-х гг. ХХ в. стала началом бурного развития советской гражданской авиации. Много внимания Жаворонский уделяет судьбам конкретных людей, работавших в отрасли, их заслугам, стилю руководства, изобретениям. Ценность издания определяют также многочисленные иллюстрации⁴.

² Лазуревская Ю.А. История развития отечественной гражданской авиации: от специальных к комплексным исследованиям // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 124–132; *Она же*. Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России //Наследие веков. 2019. № 4 (20). С. 97–105.

³ Бабкина Л.Н., Скотаренко О.В. Указ. соч. С. 157–161.

⁴ Жаворонский А.И. В небесах и на земле. Очерки по истории саратовского авиапредприятия гражданской авиации в XX веке глазами участника событий. Саратов, 2003.

Исследователи приводят информацию, которая демонстрирует результаты применения авиации в различных сферах в послевоенные годы. Так, в сельском хозяйстве самолеты использовались не только в целях авиахимической защиты растений от болезней и вредителей, но и для внесения минеральных удобрений, борьбы с сорняками и древесно-кустарниковой растительностью на лугах, пастбищах, трассах высоковольтных линий электропередач. Требуемую оперативность воздушный транспорт обеспечивал при доставке мальков различных рыб, суточных цыплят. Только самые опытные пилоты управляли самолетом при проведении зимней охоты на волков, причинявших большой ущерб скотоводам некоторых советских регионов. Позднее применение авиации при охоте на хищников было строго запрещено из-за запрета посадки самолетов для подбора убитых животных вне аэродромов.

Скорая медицинская авиапомощь в СССР была организована в начале 1930-х гг., и после Великой Отечественной войны стремительно развивалась. Наряду с людьми, санитарная авиация доставляла по месту назначения консервированную кровь, бактериологические препараты, хирургические инструменты и др. Если в 1946 г. пилоты перевезли почти 70 000 больных и медицинских работников, 943 т груза, то в 1950 г. уже 112 000 медицинских работников, 32 600 больных, 970 т грузов, а в последующие два года советская санитарная авиация по объему выполненных работ вышла на первое место в мире⁵. Хотя в литературе встречаются и несколько иные цифры, показывающие большие успехи в этом направлении⁶.

Знакомство с Таблицей 1 помогает получить представление о темпах роста перевозок пассажиров и грузов в СССР за период 1940–1955 гг. Если в 1950 г. удельный вес авиации среди других видов транспорта составлял 1,6%, то в 1955 г. уже 2,3 %⁷.

Таблица 1.

Динамика авиаперевозок в СССР в 1940–1955 гг.⁸

Годы	Общий объем перевозок, млн ткм	Перевозки		
		пассажиров, млн чел.	почты, тыс. т	грузов, тыс. т
1940	38,0	0,41	14,6	47,5
1946	160,2	1,5	16,8	98,5
1950	243,2	1,5	29,5	131,5
1955	502,4	2,5	63,8	195,0

Целью данной статьи является рассмотрение событий, связанных с развитием гражданской авиации в Калининской области в послевоенные

⁵ История гражданской авиации СССР: научно-популярный очерк / П.Г. Авдеенко, В.И. Артамонов, Н.И. Васильев и др.; ред. Б.П. Бугаев. М., 1983. С. 168.

⁶ История отечественной гражданской авиации / отв. ред. И.А. Филатов. М., 1996. С. 275.

⁷ Там же. С. 292.

⁸ Там же. С. 278, 292.

годы. Публикация основана на материалах из фондов Государственного архива Тверской области (далее – ГАТО).

После завершения Великой Отечественной войны в Калининской области было сформировано подразделение гражданского воздушного флота (далее – ГВФ). В июле 1945 г. появилось Калининское отдельное авиаизвестоно, в состав которого входили Калининский и Великолукский аэропорты. До начала 1946 г. пилоты обслуживали Великолукскую и Калининскую области. В январе 1946 г. на базе авиаизвестона был организован 232-й авиаотряд спецприменения и местных воздушных линий (далее – МВЛ), в котором весной 1946 г. было создано специальное санитарное звено, укомплектованное опытными пилотами, способными выполнять внеуказанные полёты с посадкой на ограниченные площадки⁹.

В июле 1947 г. 232-й авиаотряд с Великолукским звеном был передан из подчинения Северного Управления ГВФ в Московское Управление, но в декабре 1947 г. Великолукское звено и аэропорт возвращены обратно в подчинение Северного Управления, а 232-й авиаотряд остался в составе Московского Управления ГВФ, сохраняя обязанность обслуживать только территорию Калининской области¹⁰.

Постоянными задачами, которые осуществляли пилоты, была перевозка пассажиров, почты, грузов, выполнение санитарных заданий. Периодические задачи зависели от времени года и других факторов, к ним относились, например, опыление водоёмов и посевов, авиаподкормка льна, разведка льда на Волге для выявления заторов, патрулирование лесов от лесных пожаров, облёт утильфирм, охота на волков, обслуживание выборных кампаний и др.

В Таблице 2 размещены показатели выполнения плана 232-м авиаотрядом за 1946 и 1949 гг. В обоих случаях план был в основном выполнен. Самое значительное недовыполнение в 1946 г. касалось авиации спецприменения и имело несколько причин. Например, не понадобились запланированные полёты по лесоохране, т. к. ведомство организовало собственную авиацию, а опыление водоёмов с личинками малярийных комаров осуществлялось согласно заявкам областной малярийной станции, которых оказалось меньше, чем в плане. Небольшое количество почтовых перевозок объяснялось снижением потребностей областного управления министерства связи.

По санитарному налёту часов до выполнения плана как в 1946 г., так и в 1949 г. не хватало совсем немного, и тут следует принимать во внимание сложность планирования работы санитарной авиации, ведь невозможно было заранее предусмотреть точное число больных, которым потребуется экстренная медицинская помощь, к тому же погода могла помешать срочному вылету. Например, в 1949 г. поступило 889 экстренных вызовов,

⁹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1990. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 9.

¹⁰ Там же. Д. 44. Л. 1.

выполнено 865 полетов, среди невыполненных полетов 19 не состоялось по метеоусловиям, но 5 по вине министерства здравоохранения¹¹.

Как упоминалось ранее, санитарные вылеты доверяли максимально подготовленным пилотам. Зачастую они направлялись в глубинные районы с лесистой болотистой местностью, где площадку нужно было выбрать с воздуха. Не раз пилоты проявляли настоящее мастерство. Весной 1946 г. в пос. Кудеверь Великолукской области случилась эпидемия тифа. Холмистая местность и отсутствие посадочной площадки не помешали пилоту доставить врачей с прививочными медикаментами, совершив посадку и взлёт с дороги. Выполнение задания тщательно продумывалось, был подобран более легкий самолет, не санитарного типа. В итоге полёт прошёл без происшествий, а сотни людей избежали опасности заражения¹². В те же дни другие пилоты осуществили успешные посадки на исключительно ограниченных площадках в Лесном и Нерльском районах, после чего были даны указания районным организациям о подготовке и расширении данных площадок для дальнейшей эксплуатации.

Таблица 2

Выполнение производственного плана в 1946 г. и в 1949 г.¹³

Наименование показателей	1946 г.			1949 г.		
	по плану	фактически выполнено	в % к плану	по плану	фактически выполнено	в % к плану
I. Основные показатели: общий годовой налет, час.	10 897	11 443-31	105	12 088	13 582-03	112
налет тоннно-километров, тыс.	113 000	116 620	103	107 900	120 432	112
перевезено пассажиров, чел.	7 106	8 233	115	8 291	8 704	105
перевезено грузов, кг	210 600	432 019	205	347 600	476 230	137
перевезено почты, кг	36 500	26 237	71	40 700	45 062	111
II. Распределение общего полета по видам: транспортный налет, час.	7 327	8 091-30	110	7 500	8 791-13	117%
санитарный налет, час.	2 500	2 470-19	98	2 400	2 268-49	94
налет авиации спецприменения, час.	1 070	389	36	1 413	1 818-55	128
служебный налет,	—	269-33	—	—	161-24	—

¹¹ ГАТО. Ф. 1990. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.¹² Там же, Д. 13. Л. 10.¹³ Там же. Л. 4, 5; Д. 44, Л. 3.

час.						
тренировочный налет, час.	–	225-26	–	235	276-40	141
III. Работа санитарной авиации: перевезено врачей и больных, чел.	–	891	–	1 380	1 452	106
перевезено медгру-за, кг	–	4 060	–	3 000	1 477	48
IV. Авиационно-химическая обработка площадей: общее количество обработанных гектар	–	30 691	–	70 000	85 066	121
V. Особые показатели: налет тонно-километров на 1 час налета	15	14	93	14,3	13,7	96
налет часов на 1 списочный самолет	592	676	114	480	617	149
коммерческая загрузка, %	90	–	–	80	77	96

Возвращаясь к итогам деятельности авиаотряда в 1946 г., отметим, что этот год с точки зрения метеорологической обстановки был благоприятным для лётной работы: из 366 дней использовано 287, а 79 дней оказались не-лётными или ограниченно лётными. Минимальное количество лётных дней – всего 8 – выпало на апрель, когда из-за снеготаяния аэродромы временно вышли из строя, а вот максимальный налёт был достигнут в июле¹⁴.

Среди различных видов налёта на первом месте в послевоенные годы были транспортные работы. В условиях бездорожья, отсутствия других видов транспорта для регулярной связи районов с областным центром, особенно зимой, промышленность ряда территорий региона обеспечивалась сырьём посредством самолётов. Спрос на увеличение объёма транспортных перевозок временами оказывался столь велик, что даже при полном задействовании самолетного парка его не всегда удавалось удовлетворить.

Что именно доставляли самолеты для предприятий? Мануфактуру, хром, клей, резину, каблук, подошву, кожаные товары для кимрских обувных фабрик, ткани, нитки, бумагу, тесьму для трикотажных, швейных фабрик в Бежецке и Кимрах, металлические изделия, краски, масло для райпромкомбинатов и др. Любопытно, что линия Калинин – Киверичи была самой короткой, но опережала другие по количеству рейсов и перевезённых пассажиров, демонстрировала высокий процент коммерческой загрузки. Линия Калинин – Кимры была впереди по количеству перевезённых

¹⁴ ГАТО. Ф. 1990. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

грузов и налету тонно-километров, но коммерческая составляющая оказывалась невысокой из-за частого отсутствия обратной загрузки. Наименее интенсивное движение в 1949 г. происходило на линиях Калинин – Луковниково и Калинин – Толмачи, но они открылись позднее других¹⁵. В Таблице 3 показаны объемы работы воздушного транспорта в Калининской области по основным линиям в 1946 г.

Таблица 3

**Распределение транспортной работы
по отдельным основным МВЛ в 1946 г.¹⁶**

Наименование линии	Количество выполн. рейсов	Налет, час	Перевезено			Налет, тыс км	% коммер. загрузки
			пасс.	почты	груда		
Калинин – Кимры	2 015	2 254-28	1 192	6 934	188 898	26 257	80
Калинин – Киверичи	1 955	1 300-03	3 164	5 385	25 235	19 990	95
Калинин – Бежецк	1 500	1 468-10	1 970	4 285	46 208	23 067	95
Калинин – Лесное	679	801-44	742	2 333	11 441	11 649	90
Великие Луки – Белый	68	101-55	11	273	5 152	904	58
Великие Луки – Сережино	50	64-40	65	74	4 102	975	98

Знакомство с Таблицей 4 помогает составить представление о количестве и некоторых характеристиках аэродромов, которые существовали на территории Калининской области и эксплуатировались 232-м авиаотрядом осенью 1949 г.

Таблица 4

Аэродромная сеть Калининской области по состоянию на 1 октября 1949 г.¹⁷

Расположение аэродрома от населенного пункта	Размер летного поля, м	Размер летного поля с обработанной полосой под хода, м	Возможность расширения летного поля, м
1. Калинин – на юго-восточной окраине города, на расстоянии 0,7 км	D – 600 м	1001 × 1086	Нет возможности ввиду окружающих болот
2. Кимры – к северо-западу от г. Кимры, на расстоянии 2 км	1000 × 400	1580 × 500	К юго-востоку на 500 м
3. Киверичи – западнее окраины с. Киверичи	470 × 400	170 × 400	К югу на 300 м
4. Бежецк – юго-	450 × 400	700 × 700	Невозможно, площадь

¹⁵ ГАТО. Ф. 1990. Оп. 1. Д. 13. Л. 3; Д. 44. Л. 6, 7.

¹⁶ Там же. Д. 13. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 47. Л. 7, 7 об.

восточнее г. Бежецка на 200 м			ограничена строениями
5. Красный Холм – к северо-западу от г. Красный Холм, на расстоянии 3 км	700 × 400	700 × 400	К северо-западу на 500 м
6. Толмачи – восточнее с. Толмачи на 450 м	700 × 400	875 × 500	К северу на 300 м, к востоку на 400 м
7. Лесное – к юго-востоку от пос. Лесное, на расстоянии 4 км	400 × 400	700 × 450	Вв каждую сторону до 200 м за счёт раскорчевки леса
8. Луковниково – к юго-западу от пос. Луковниково,	600 × 600	700 × 600	К северу на 500 м, к востоку на 300 м
9. Вышний Волочек	300 × 700	300 × 700	Расширение не ограничено

18 апреля 1950 г. после соответствующего постановления Совета министров СССР и распоряжения Совета министров РСФСР Калининский областной исполнительный комитет депутатов трудящихся принял решение «О благоустройстве аэропортов местных воздушных линий и улучшении обслуживания пассажиров»¹⁸.

Принятию данного решения предшествовала подготовка справки, составленной командиром 232-го авиаотряда, который, видимо, являлся и непосредственным автором проекта текста решения. Согласно этой справке, по состоянию на 1 декабря 1949 г. аэропорты местных воздушных линий в регионе имели следующие недостатки. В городах Бежецке, Красном Холме, Кимрах отсутствовали постоянные аэродромные знаки. В Бежецке, Красном Холме, Лесном, Луковникове, Толмачах (центр Новокарельского района – Л.Б.) не было помещений для продажи пассажирских авиабилетов. В Красном Холме часть лётного поля оказалась незаконно запаханной МТС, в Лесном и Толмачах не произведена планировка лётного поля, на лётном поле в Лесном не завершена расчистка кустарника и деревьев. В Луковникове на лётном поле остались не засыпанными воронки от бомб и вырытые в войну окопы. В Киверичах (Теблешский район – Л.Б.) аэродром по своим размерам был мал и не отвечал условиям безопасности полётов, требовалось расширение до размеров 700 × 400 м.; с северной стороны не закончена раскорчевка леса, который препятствовал подходу к аэродрому, а по границе аэродрома проходила дорога, которая мешала осуществлению посадки. По мнению автора справки, дорогу следовало закрыть.

Во всех перечисленных аэропортах, за исключением Кимрского, отсутствовали станционные здания для размещения радиостанций, организации пассажирских залов ожидания и других служб аэропорта. Также констатировалось, что от Волоколамского шоссе до здания аэровокзала в Калинине на протяжении полутора километров отсутствовал подъездной

¹⁸ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 155.

путь. Кроме того, руководитель авиаотряда предлагал открыть в области новые авиалинии из областного центра в районные центры Есениовичи, Нерль, Оршу, Ржев, где станционных зданий и земельных участков под аэродромы не было. В заключение он напоминал, что за последние месяцы в Калининский авиаотряд прибыли новые специалисты – пилоты, инженеры и авиатехники в количестве 12 человек, но квартирами они все ещё не обеспечены¹⁹.

Возвращаясь к тексту апрельского решения облисполкома, приведём его основные положения. Главы исполкомов Бежецкого, Кимрского, Краснохолмского, Лесного, Луковниковского, Новокарельского, Теблешского райсоветов, Бежецкого и Кимрского горсоветов обязывались к оказанию необходимого содействия и помочи в выполнении работ по приведению аэродромов МВЛ в технически исправное состояние, отвечающее безопасности полётов путём выделения рабочей силы и местных стройматериалов. Помощь следовало оказывать командиру авиаотряда Юркину, которому нужно было выполнить необходимые работы до 15 мая 1950 г.

Лесной, Луковниковский, Новокарельский райисполкомы и Бежецкий горисполком должны были выделить в срок до 30 апреля 1950 г. вблизи аэродромов необходимые помещения под агентства Главного управления ГВФ (далее – ГУ ГВФ) для обслуживания пассажиров. Теблешскому райисполку следовало обеспечить расширение площади существовавшего аэродрома до размеров 700×400 м и произвести раскорчевку леса с северной стороны, закрыть дорогу по границе аэродрома или же выделить площадку для аэродрома в новом месте размером 700×700 м. Есенивичский, Нерльский, Оршинский, Ржевский райисполкомы в срок до 1 июня 1950 г. должны были выделить земельные участки для аэродромов размером 700×700 м, провести на них все необходимые планировочные работы и отвести помещения для агентств и ожидания пассажиров. Уже в 1950 г. планировалось открыть местные воздушные линии по маршрутам Калинин – Есенивичи, Калинин – Нерль, Калинин – Орша, Калинин – Ржев. Исполкомам всех вышеупомянутых районов предписывалось привести в порядок дороги, связывавшие райцентры с аэропортами, и обеспечить регулярное движение автотранспорта по ним.

Председателям исполкомов райсоветов области в срок до 1 июля 1950 г. следовало отвести вблизи районных больниц посадочные площадки размером 700×700 м для приёма самолетов санитарной авиации²⁰.

Кроме того, облисполком обращался в ГУ ГВФ СССР с просьбой о выделении 300 000 руб. для выполнения некоторых из намеченных работ. Уточним, что уже в начале мая последовал ответ, в котором отказ в удовлетворении просьбы объяснялся ограниченным и уже распределённым лимитом капиталовложений²¹.

¹⁹ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 161, 161 об.

²⁰ Там же. Л. 155–156.

²¹ Там же. Л. 167.

В сентябре 1950 г. временно исполняющий обязанности командира 232-го авиаотряда сообщал председателю Калининского облисполкома о том, чего удалось достичь к 1 сентября в процессе исполнения апрельского решения, а именно: на всех действующих аэродромах МВЛ сделаны пограничные знаки, ветроуказатели, частичная планировка и частичная расчистка от кустарника и леса полос подхода. При этом он признавал, что в основном решение не было выполнено по независящим от авиаотряда причинам. К примеру, Теблешский райисполком дорогу не закрыл, раскорчевку леса произвёл только наполовину, расширения аэродрома не сделал, как и Лесной райисполком. Несмотря на неоднократные просьбы командования авиаотряда, райисполкомы не выделяли рабочей силы для планировки аэродромов.

Существовавшие посадочные площадки для санитарной авиации при районных больницах своими размерами не отвечали безопасности взлётов и посадок самолетов, площадки не были спланированы, на них наблюдались глубокие борозды от конной и тракторной вспашки, что грозило поломкой самолетов, а намеченные площадки не сохранялись, даже наоборот, запахивались, но районные власти не принимали никаких мер; в ряде же районов площадки и вовсе отсутствовали. В силу этого иногда пилотам приходилось отказываться от выполнения санитарных авиазаданий. Соколов просил содействия в выполнении намеченных планов²².

3 октября 1950 г. из облисполкома в 33 района области были отправлены обращения с просьбой сообщить в срок до 1 ноября, что конкретно сделано по выполнению апрельского решения.

17 февраля 1951 г. командование авиаотряда вновь обратилось к главам Калининского облисполкома и Калининского облздравотдела с просьбой принять меры для реализации решения от 18 апреля в части санавиации. Предлагалось обязать заведующих райздравотделами войти с ходатайствами в райисполкомы об отводе земельных участков под аэродромы для взлёта и посадки самолётов, размером 400×700 м, с расположением длинной стороны по направлению господствующих ветров, с выделением летного поля 400×400 м. Уточнялось, что площадки необходимо подбирать с учётом безопасных открытых подходов, с грунтом, обеспечивающим хорошую фильтрацию, и низким горизонтом грунтовых вод, с минимальными земляными и другими работами, т. к. на благоустройство площадки должны привлекаться силы местного населения в порядке массовых субботников.

Одновременно сообщалось, что после 16 января 1951 г. посадки санитарных и других самолетов вне аэродромов, т. е. на случайных необработанных площадках или сельскохозяйственных полях, категорически запрещены. С учётом этого, во избежание срыва срочных перевозок самолётами больных, следовало приступить к организации посадочных площадок при каждой районной больнице. Руководство авиаотряда выделяло районы, в которых это нужно было сделать в первую очередь. В список вошли Горицкий, Козловский, Кувшиновский, Молодотудский, Рамешковский, Ржевский,

²² ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 192, 193.

Старицкий, Тургиновский районы. Также назывались с. Сушегорица Сандовского района, с. Рождественское (возможно, Рождествено. – Л.Б) Оршинского района, д. Баталино Фировского района, а под Селижаровом, видимо, подразумевался Кировский район. В этих районах отвод земельных участков нужно было завершить к 1 июня 1951 г., тогда как в остальных – к концу 1951 г.²³

После данного обращения 12 марта 1951 г. облисполком направил в 32 района очередное напоминание о том, что нужно подобрать площадки для санитарных самолетов и оформить отвод установленным порядком, а с учётом наличия особых технических требований в комиссии по данным вопросам рекомендовалось приглашать специалистов из авиаотряда. Срок исполнения был указан 15 мая 1951 г.²⁴

В марте командование авиаотряда информировало председателя облисполкома о ситуации в нескольких районах и снова просило содействия. В Лесном и Новокарельском районах расчистка подходов к аэродромам остановилась, причём в Лесном районе начальнику аэродрома в этом деле якобы чинили препятствия работники райисполкома. Положение в Тебешском районе описывалось невнятно: вопрос о закрытии дороги и расширении аэродрома ставился дважды, «но оба раза срывался из-за саботажа 3-х – 4-х колхозников колхоза “Новая жизнь”, которых поддерживает старший землеустроитель...»²⁵. Понять из документа, в чём именно выражался саботаж, невозможно.

Знакомство с ответами от райисполкомов, которые поступали в облисполком вслед за его указаниями, позволяет представить в целом положение с аэродромами. Несколько председателей райисполкомов просто отчитались об отводе земельных участков для приема самолетов санитарной авиации. В Молодотудском районе выбрали место северо-западнее с. Молодой Туд вверх по течению р. Тудовки; в Максатихинском территории площадки граничила с пос. Максатиха; в Сандовском районе площадка находилась вблизи Сушегорицкой районной больницы. В Кашинском, Завидовском районах места были также определены. В Кесовогорском районе площадку предполагалось обустроить у д. Баждеры. Из Оленина и Луковникова сообщили, что предполагают принимать самолеты санитарной авиации на действовавших аэродромах, которые находились на расстоянии соответственно 2 км и 900 м от районных больниц²⁶.

В Конаковском районе земельный участок для площадки был выделен в западной части г. Конаково между существовавшей застройкой улицы Боровая и лесным массивом Бор, однако позднее выяснилось, что, по мнению специалистов из авиаотряда, выбранная территория не отвечала техническим требованиям и требовалось подыскать другое место²⁷.

²³ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 222.

²⁴ Там же. Л. 223.

²⁵ Там же. Л. 221.

²⁶ Там же. Л. 176, 178, 179, 182, 184–187.

²⁷ Там же. Л. 174, 194.

В Осташковском, Вышневолоцком и Медновском районах поблизости от районных больниц ровных площадей установленных размеров не было. В условиях Осташковского района для санитарной авиации предполагалось использовать ранее существовавший аэродром в Зехновском сельсовете на расстоянии 25 км от районной больницы²⁸. В Вышневолоцком районе районной больницей считалась Красномайская. Председатель райисполкома предлагал принимать самолёты на Елизаровской площадке, которая была в ведении ДОССАФ и находилась в 18 км от райбольницы. Также он обращал внимание, что участковая Ильинская больница может обслуживаться с существовавшего Домославльского аэродрома, расстояние между ними составляло 5 км²⁹. Очевидно, что главное преимущество санитарной авиации – оперативная помощь больным – в подобных обстоятельствах фактически утешалось. Что касается Медновского района, то отсутствие места для площадки в данном случае не рассматривалось областным руководством как проблема, видимо, из-за близости к областному центру³⁰.

В с. Кесьме, центре Овинищенского района, уже существовал аэродром, построенный военными инженерами. К 1950 г. он был передан одному из колхозов и использовался как сенокосное угодье. Судя по документам, председатель райисполкома проявил инициативу, лично присутствовал на общеколхозном собрании, где поставил вопрос об отводе части площади аэродрома для того, чтобы от г. Калинина до с. Кесьмы была установлена постоянно действовавшая пассажирская авиалиния, как в других отдалённых от областного центра районах. Собравшиеся колхозники согласились, было принято постановление, и глава райисполкома обратился с этим предложением уже к председателю облисполкома, который, в свою очередь, направил копию обращения командиру авиаотряда³¹.

Ещё в марте 1936 г. по заданию областного совета «Осоавиахима» в пос. Рамешки на расстоянии 0,5 км от Рамешковской районной больницы был отведён земельный участок для приёма санитарной авиации. Позднее участок находился во временном пользовании соседнего колхоза, который в ноябре 1950 г. был поставлен в известность о прекращении пользования данной территорией. В апреле 1951 г. были проведены землеустроительные работы и оформление участка, переданного под посадочную площадку³².

При отводе земель под посадочные площадки в нескольких случаях возникли определенные проблемы. Например, в Козловском районе райисполком отказал заведующему райздравотделом в рассмотрении данного вопроса, и потребовалось вмешательство облисполкома, прежде чем на территории государственного земельного фонда оказался отведен участок близи райбольницы³³.

²⁸ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 180, 227.

²⁹ Там же. Л. 170.

³⁰ Там же. Л. 168, 222.

³¹ Там же. Л. 171, 172.

³² Там же. Л. 177, 205–207.

³³ Там же. Л. 234–237.

На территории Краснохолмского района в 1935 г. был произведён земельный отвод под аэродром у д. Анисимова. Затем земельный участок ряд лет использовался под посевы сельскохозяйственных культур подсобными хозяйствами детских домов, школ, различных организаций и учреждений города Красный Холм. Кроме того, один из колхозов возбудил ходатайство о передаче территории аэродрома в их постоянное пользование, т. к. участок вклинился в территорию колхоза. Председатель Краснохолмского райисполкома просил облисполком сообщить, числится ли указанный участок за аэродромом и можно ли передать его колхозу³⁴.

Командование 232-го авиаотряда возражало против передачи земель колхозу и ссылалось на статьи Воздушного Кодекса, согласно которым все аэродромы, не используемые ВВС, переходили безвозмездно в распоряжение ГУ ГВФ и эксплуатировались одним из подразделений ГВФ, каковым в данном случае являлся авиаотряд. Более того, инженер авиаотряда напоминал о необходимости расширения существовавшей посадочной полосы до стандартных размеров с сохранением травяного покрова³⁵.

Вероятно, самая длительная переписка между разными должностными лицами велась по поводу аэродрома в Бежецком районе, точнее дома, который ранее принадлежал аэропорту, а в военное время как бесхозное имущество был передан Бежецким райисполкомом строительной конторе. Этот дом в период войны находился за чертой города, был полуразрушен, и трест Облкилинсельстрой занимался его восстановлением. Здание было перевезено в г. Бежецк, предназначалось для конторы и рабочего общежития. В 1950–1951 гг. попытки авиаотряда вернуть дом, в том числе в рамках исполнения решения облисполкома от 18 апреля 1950 г., натолкнулись на упорное сопротивление строительного треста, и из имеющихся документов неясно, за кем в итоге было признано право собственности³⁶.

Гораздо более серьёзная проблема возникла в связи с аэропортом областного центра, явившимся основным в регионе. В декабре 1945 г. правительство утвердило проект генеральной планировки г. Калинина. Согласно проекту, земельный участок в количестве 108 га, который к 1950 г. занимал калининский аэропорт, отходил под жилищное строительство, и перенос аэродрома на новое место базирования должен был произойти в течение трёх лет. Понятно, что к апрелю 1950 г. срок истёк. При этом Калининская городская архитектурно-планировочная комиссия дальнейший отвод земельных участков фактически уже должна была производить за счёт территории аэродрома, что, безусловно, помешало бы его нормальному функционированию.

Место, которое занимал аэропорт, являлось наиболее удобным и выгодным с точки зрения авиатранспортных перевозок в регионе. Хорошие подъездные пути к аэродрому, близость расположения железнодорожного

³⁴ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 231.

³⁵ Там же. Л. 233.

³⁶ Там же. Л. 188, 189, 210–216.

вокзала, города и городского транспорта обеспечивали приток пассажиров и рост авиаперевозок из года в год. Именно такое мнение выразило командование 232-го авиаотряда в феврале 1950 г., обращаясь к своему вышестоящему руководству и областным руководителям с просьбой ходатайствовать перед ГУ ГВФ и Советом министров СССР о пересмотре решения о переносе аэродрома и сохранении данного участка за авиаотрядом. В случае отказа предлагалось ходатайствовать о выделении средств на перенос и устройство аэропорта Калинин на новом месте с отводом земельного участка³⁷.

Для более ясного представления об объёмах работы Калининского аэропорта приведём данные за 1949 г.: тогда было отправлено 5 513 самолетов, а принято 5 503 самолета, отправлено и принято 8 804 пассажира и 388 т грузов и почты³⁸. Несмотря на наличие серьёзных проблем, в том числе трудностей с горючим, в течение года не было ни одного случая срыва полётов из-за отсутствия горючего или несвоевременной заправки самолетов.

В марте последовало новое обращение командования авиаотряда, где высказанные соображения были дополнены результатами осмотра мест, наиболее удобных для возможного размещения аэропорта. Комиссия авиаотряда совместно со старшим землеустроителем Калининского исполнкома райсовета рассмотрели три места, но ни одно из них не подошло по следующим причинам.

Земельный участок за д. Власьево характеризовался высоким уровнем залегания грунтовых вод, сильно пересечённым рельефом, отсутствием открытых подходов из-за окружающего леса и кустарников. Кроме того, прямо посередине участка был водораздел и проходила высоковольтная линия, а размер территории составлял всего 20–30 га вместо необходимых 160 га.

Земельный участок у д. Глазкова также оказался мал, сильно заболочен, а подходы сильно ограничены лесом и телефонными проводами, к тому же в километре располагался учебный аэродром аэроклуба ДОССАФ, а располагать аэродромы ближе 10 км не разрешалось.

Земельный участок за д. Киселево имел резко выраженный рельеф местности с проходящим посередине водоразделом, пересекался высоковольтной линией, при этом 60 % территории было заболочено. Помимо этих участков, комиссия осмотрела всю местность вокруг Калинина в радиусе 15–20 км, но территории, подходящей для устройства аэродрома, так и не нашла. Удалить же аэродром от областного центра на 30–40 км представлялось совершенно нецелесообразным, т. к. существование авиации МВЛ теряло смысл и авиаотряду грозило расформирование из-за прекращения потока пассажиров и грузов. Поэтому вновь предлагалось оставить аэропорт на старом месте³⁹.

³⁷ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 202.

³⁸ Там же. Д. 44. Л. 39.

³⁹ Там же. Л. 198–200.

Руководство облисполкома обратилось, в свою очередь, к председателю Калининского горисполкома и попросило разработать и представить на рассмотрение предложения по данному вопросу. Заключение горисполкома было следующим. В случае оставления аэропорта на прежнем месте исключалась возможность спрямления Волоколамского шоссе и его обстройка каменными капитальными домами, кроме того, в юго-западном и юго-восточном направлениях от аэродрома также исключалась возможность строительства гражданских или промышленных сооружений. Складская зона и пищевые предприятия, предусмотренные Генеральным планом в северо-восточном направлении от аэродрома, должны быть перемещены на другие участки. Не возражая принципиально об оставлении аэропорта Калинин на прежнем месте, исполком горсовета считал необходимым несколько изменить границы земельного участка, удалив его от Октябрьской железной дороги на 350–400 м и сдвинув на такое же расстояние в сторону Бурашевского шоссе⁴⁰.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. гражданская авиация на территории Калининской области использовалась достаточно интенсивно, полёты осуществлялись из областного центра в ряд районов. Осуществлялись авиационные транспортные, санитарные работы, полеты по спецприменению. В 1950–1951 гг. в регионе были проведены мероприятия, способствовавшие развитию воздушного транспорта: обустроена часть аэродромов, выделены земельные участки под посадочные площадки для санитарной авиации, открывались новые воздушные линии. Наиболее активные усилия предпринимало командование 232-го авиаотряда, для которого развитие аэродромной сети было исключительно важно. Однако полностью выполнить решение облисполкома от 18 апреля 1950 г. в части районов оказалось невозможно из-за отсутствия подходящих земельных участков, сложностей с выделением людей для выполнения различных работ, необходимостью учета интересов колхозов и иных проблем.

Список литературы:

1. Бабкина Л.Н., Скотаренко О.В. Планирование деятельности гражданского воздушного флота СССР в период после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 2. С. 157–161.
2. Лазуревская Ю.А. История развития отечественной гражданской авиации: от специальных к комплексным исследованиям // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 124–132.
3. Лазуревская Ю.А. Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России // Наследие веков. 2019. № 4 (20). С. 97–105.

---

⁴⁰ ГАТО. Ф. 2043. Оп. 19. Д. 13. Л. 196.

4. Лазуревская Ю.А. Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России // Наследие веков. 2019. № 4 (20). С. 97–105.
5. Лебедева М.Ю., Пиджаков А.Ю. Воздушный транспорт СССР в довоенные годы // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 170. С. 55–59.
6. Ярошенко А.А. Нормативная база деятельности советской гражданской авиации и система управления отраслью (1921–1941 гг.) // Казанская наука. 2010. № 9. С. 128–135.

Об авторе:

БОЛОКИНА Любовь Александровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра психологии, истории, философии, «Тверской государственный технический университет», (Россия, 170026, г. Тверь, набережная Афанасия Никитина, д. 22), e-mail: bolokinal@mail.ru

From the history of civil aviation development in Kalinin region in 1945-1951

L.A. Bolokina

Tver State Technical University, Tver, Russia

The article describes the activities of the 232nd Aviation Unit, which was based in the Kalinin Region in the post-war years. The article provides information on the performance of permanent and periodic tasks by pilots, the indicators of transport and medical flights, as well as the actions of special aviation. The features of the functioning of individual airlines in the region are revealed. The process of implementing the decision of the Kalinin Regional Executive Committee on the improvement of local airline airports is being analyzed. The interaction between regional and district executive authorities and the command of the air squadron is demonstrated. Difficulties and specific features of implementing the solution in various regions have been identified. The issue of a possible relocation of the airport in the regional center was particularly complicated. The article is based on archival materials.

Keywords: aviation squad, airfields, airports, air transport, local air lines, landing sites, district executive committees, sanitary aviation.

About the author:

BOLOKINA Lyubov Aleksandrovna – Candidate of History, Docent, Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, (Russia, 170026, Tver, Af. Nikitina embankment, 22), e-mail: bolokinal@mail.ru

References:

- Babkina L.N., Skotarenko O.V. *Planirovaniye deyatel'nosti grazhdanskogo vozdushnogo flota SSSR v period posle Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov*, Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij, 2024, № 2, S. 157–161.
- Lazarevskaya Yu.A. *Istoriya razvitiya otechestvennoj grazhdanskoy aviacii: ot special'nyh k kompleksnym issledovaniyam*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Iстория, 2022, № 77, S. 124–132.
- Lazarevskaya Yu.A. *Predposylki stanovleniya grazhdanskoy aviacii na Yuge Rossii*, Nasledie vekov, 2019, № 4 (20), S. 97–105.
- Lazarevskaya Yu.A. *Predposylki stanovleniya grazhdanskoy aviacii na YUge Rossii*, Nasledie vekov, 2019, № 4 (20), S. 97–105.
- Lebedeva M.Yu., Pidzhakov A.Yu. *Vozdushnyj transport SSSR v dovoennye gody*, Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviacii, 2011, № 170, S. 55–59.
- Yaroshenko A.A. *Normativnaya baza deyatel'nosti sovetskoy grazhdanskoy aviacii i sistema upravleniya otrasl'yu (1921–1941 gg.)*, Kazanskaya nauka, 2010, № 9, S. 128–135.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 711.4

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.037–051

Москва пятиэтажная как символ эпохи оттепели

В.Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

В статье анализируется жилищное строительство в Москве в 1950-е годы, когда жилищный вопрос становится социальной проблемой. Экономический подход в жилищном строительстве выступает приоритетным, не терпящим отлагательства, заменяя сталинский ампир. Увлеченность классическим стилем противоречила стремлению к массовому жилищному строительству, когда основными принципами строительства становятся индустриализация строительства и типовое проектирование. Автор рассматривает период середины 1950-х гг., когда острейший жилищный кризис в Советском Союзе настоятельно диктовал изменения в архитектуре жилых домов. Пятиэтажное строительство в столице позволило в короткие сроки успешно решить жилищный кризис и переселить советских граждан в отдельные квартиры, что явилось большим социальным завоеванием.

Ключевые слова: жилищное строительство, индустриализация, типовые проекты, пятиэтажные дома, советская архитектура, экономичность.

Прошло время, и проблема морального и физического старения пятиэтажек стала беспокоить не только их многочисленных обитателей, но и специалистов, архитекторов, конструкторов, инженеров и руководителей столицы.

Послевоенные годы были тяжёлыми для населения годами самоотверженного восстановления разрушенного военными действиями промышленного потенциала, многих крупных производственных и гражданских объектов. Только в Москве после войны было около шести тысяч однодвухэтажных сталинских бараков, хибар и других ветхих и малопригодных для проживания строений¹.

Уделяя особое внимание улучшению жилищно-бытовых условий населения, в 1951 г. правительство приняло десятилетний план реконструкции Москвы. В него были включены предложения по дальнейшему разви-

---

¹ Андреев П.П., Буков К.И. и др. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период 1941–1965 гг. М., 1967. С. 494.

тию и совершенствованию планировки города и застройке в первую очередь периферийных районов, основных магистралей и въездов в Москву.

Обратившись к официальным документам тех лет, документальным свидетельствам происходивших тогда событий, мы узнаем, что ещё в 1952 г., на XIX съезде были утверждены Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, предусматривающие резкое увеличение объёмов промышленного и гражданского строительства. Но только в 1954 г. Всесоюзное совещание архитекторов и строителей признало действительно необходимым быстрейший переход всего строительства на индустриальные методы².

Почти каждое министерство и ведомство, осуществляющее жилищное и культурно-бытовое строительство, выполняло проектные работы только силами своих проектных организаций, при этом в большинстве случаев каждая мастерская применяла отличающиеся от других объёмно-планировочные и конструктивные решения. Использование чрезмерного числа индивидуальных проектов и фактическое отсутствие типовых проектов вызывали значительные излишества в проектировании и строительстве, затрудняли деятельность предприятий строительных изделий и снижали их качественные показатели.

Существовавшее в то время положение не могло обеспечить дальнейшее увеличение масштабов жилищного строительства в Москве. Требовалось коренным образом изменить организационные формы строительства, возникла необходимость в объединении разрозненных ведомственных строительно-монтажных организаций, промышленных и подсобных предприятий, проектных организаций, транспорта и прочих хозяйств.

В 1954 г. была проведена реорганизация московского строительства, было создано Главное управление по жилищному и гражданскому строительству при Мосгорисполкоме (Главмосстрой). Создание Главмосстроя стало одним из важнейших мероприятий в деле дальнейшего совершенствования капитального строительства в Москве.

Одновременно с созданием Главмосстроя были осуществлены мероприятия по улучшению использования и дальнейшему развитию производственной базы строительства – промышленности строительных материалов и деталей, а также по улучшению организации проектирования жилищного строительства в Москве.

Основным направлением деятельности вновь созданной крупнейшей строительной организации стало решительное повышение организационного и технического уровня застройки Москвы путём превращения строительного производства в механизированный поточный процесс возведения зданий и сооружений из сборных элементов с высокой степенью их заводской готов-

² Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций: 30 ноября – 7 декабря 1954 г. Сокращенный стено-графический отчет. М., 1955. С. 393.

ности. Перед московскими строителями была поставлена сложная задача – решительно перевести все строительство на индустриальные рельсы.

Проведённый технико-экономический анализ деятельности ряда строительных организаций показал, что наиболее высокие результаты имеют, как правило, крупные строительные организации: в них выше производительность труда, ниже накладные расходы, шире применение новых высокопроизводительных машин, полноценнее использование основных фондов и оборотных средств, большие возможности маневрирования материально-техническими ресурсами и в итоге ниже себестоимость строительно-монтажных работ.

Поэтому с первых дней создания Главмосстроя началась работа по улучшению структуры организаций, вошедших в его состав. Прежде всего было проведено укрупнение организаций путём их объединения и взят твёрдый курс на их специализацию по основным видам строительно-монтажных работ: фундаментостроение, возведение надземной части зданий, санитарно-технические, электромонтажные, отделочные работы и т. д.

В 1955 г. в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» архитекторам предписывалось, что главными признаками советской архитектуры должны быть «простота, строгость форм и экономичность решений»³.

Изменение творческой направленности в советской архитектуре последовало незамедлительно. После известной разгромной речи Н.С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей в 1954 г. многие, даже известные зодчие, пребывали в шоке. Ликвидировать излишества в проектировании постановил XX съезд КПСС⁴.

Новые, указанные партией и правительством, методы проектирования и строительства вошли в противоречие с традиционным подходом к архитектуре массового жилища.

В известной мере и степени эта задача была созвучна поискам в области массовой жилищной архитектуры конца 1920-х – начала 1930-х гг., прогрессивное наследие которой стало всё более активно привлекать к себе внимание московских зодчих с середины 1950-х гг. Однако этот процесс не затронул поиска внешней формы, силуэта, облика типовых зданий, а ограничился всего лишь сугубо утилитарными вопросами планировочного характера⁵.

Диапазон архитектурных средств и приемов объемно-планировочной композиции чрезвычайно сузился, жилые и даже общественные здания невольно получали однозначную, элементарную форму простого параллелепипеда или куба. Понятно, что в такой «благоприятной» атмосфере творче-

³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Правда. 1955. 10 нояб. С. 1.

⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 2. С. 470.

⁵ Матусевич Н.З., Тоббин А.Б., Эрмант А.В. Ориентиры многообразия. Л., 1976. С. 38–39.

ский труд стал делом неблагодарным и очень скоро важная, определяющая роль архитектора в процессе жилищного строительства отошла на второстепенные позиции молчаливого деятеля.

Положение усугублялось ещё и тем, что не сомневавшиеся в законности своей власти функционеры строительного комплекса, в угоду мало-компетентным указаниям сверху, неизменно отворачивались от поисков нового, непривычного, иногда многотрудного и невыгодного, но интересного по форме и содержанию. Пользуясь правом «вето», они без сомнения отклоняли множество проектов, достойных реализации, препятствовали проявлению профессиональной фантазии зодчих, подчиняли все глобальному процессу типизации и унификации архитектурных сооружений.

Перестраивалась система проектирования. Место Академии архитектуры заняла Академия строительства и архитектуры. Перерабатывались под нажимом сверху проекты, запущенные в производство, например, дома на проспекте Мира, которые создавались в мастерской И. Ловейко, и этот опыт широко рекламировался в журнале «Строительство и архитектура Москвы». С фасадов убирались всяческие детали, ломали возведённые уже портики, лоджии⁶.

Радикализм и нетерпимость власти в лице Н.С. Хрущёва привели к тому, что перелом, назревший в сталинской архитектуре, превратился в серию решительных, но не до конца обдуманных мер. Энергично и быстро оказались развернуты домостроительные производства, на которых были освоены почему-то именно жёсткие строительные системы, обладающие большой инерционностью.

Здесь уместно упомянуть, как понятие тектонической правдивости применительно к полнособорному строительству трактовал И.В. Жолтовский – признанный мастер классического стиля в отечественной архитектуре, в то время творческий руководитель одной из проектных мастерских Моспроекта, принимавший участие в конкурсе на фасады крупнопанельных зданий. «Массовое, типовое может и должно быть прекрасным, но для этого нужны хорошие проекты, в которых должно быть преодолено однобразие, неминуемо возникающее, если верх возьмут технология и стандарты, не обладающие высоким качеством... Если мы правильно решим проблему индустриализации, то сможем по-настоящему поднять нашу архитектуру на более высокую ступень, еще более поможем быстрейшему становлению советского стиля архитектуры. На этом пути у нас имеется полный простор для новаторства», – писал он ещё в 1953 г.⁷

Первые серии типовых проектов крупноблочных и крупнопанельных жилых домов для массового строительства были утверждены в 1957–1959 гг. До этого времени индустриальное жилищное строительство носило главным образом единичный, экспериментальный характер, необходимый

⁶ Журавлев А.М. Архитекторы и типовое проектирование // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 4; Власть и творчество. М., 1999. С. 178.

⁷ Жолтовский И.В. Архитектура крупнопанельных зданий // Архитектура СССР. 1953. № 3. С. 5.

для создания оптимальных и экономичных объемно-планировочных решений зданий. Массовому внедрению в строительную практику Москвы полносборных типовых домов предшествовало опытное строительство каркасно-панельных зданий на Соколиной горе, Хорошевском шоссе, 1-й Хорошевской улице и др.⁸

Советский архитектор А.К. Буров ещё в предвоенные годы в своём известном экспериментальном блочном доме на Ленинградском проспекте на практике утвердил разделявшийся многими мастерами тезис: индустриализация – только метод строительства, который не лишает здания индивидуальности и художественной выразительности⁹.

Организация индустриального строительства требовала единства конструктивно-планировочного приема для всего набора входящих в серию домов. Только это условие могло обеспечить единство и ограниченные размеры номенклатуры индустриальных деталей: плит перекрытий, перемычек, перегородок, лестничных маршей и т. д.

Разработка качественно новых решений началась с наиболее эффективного использования того, что уже было сделано. А больше всего достижений в деле типизации к этому времени было накоплено в области промышленного строительства. Это был метод проектирования на основе применения унифицированных взаимозаменяемых конструктивных узлов и деталей, разработанный в Промстройпроекте (институт по проектированию промышленного строительства).

Привлечение отработанного механизма общественного проектирования промышленных предприятий оказалось необходимым и потому, что в нём были наложены организационные связи между типовым проектированием, привязкой проектов к конкретной ситуации, крупносерийным промышленным производством строительных деталей и поточным индустриальным строительством. Госстрой СССР (центральный орган государственного управления, осуществлявший руководство строительным комплексом СССР), образованный в 1938 г., сумел соединить все эти элементы проектно-строительного конвейера достаточно надёжными управлеченческими связями, построив для этого типовые организационные структуры проектного института и строительного треста¹⁰.

Мощный организационный механизм, столкнувшись с решением задач жилищно-гражданского строительства и архитектуры, привносил в эту новую для него область сложившееся понимание проблем, свою специфику мышления.

В 1953 г. перед Моспроектом (Институт по проектированию жилищно-гражданского строительства) была поставлена задача – подготовиться к проектированию всего жилищно-гражданского строительства в Москве,

⁸ Астафьева-Дlugач М.И., Волчок Ю.П. Москва строится. М., 1983. С. 56.

⁹ Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры. М., 1986. С. 112.

¹⁰ Бархин М.Г. Город 1945-1970. Практика, проекты, теория. М., 1974. С. 7–9.

обеспечить проектами все строительные организации столицы независимо от их ведомственной принадлежности¹¹.

Дальнейшее развитие советской архитектуры зависело от того, насколько быстро и успешно архитекторы сумеют овладеть новой технической базой строительства. Эпоха перестройки стала для каждого мастера архитектуры временем испытания верности профессиональным идеалам.

Наиболее прогрессивными и индустриальными, наряду с кирпичными, крупноблочными, каркасными, были всё-таки признаны наиболее быстро возводимые пятиэтажные крупнопанельные дома – аналоги домостроительной продукции известной в то время французской фирмы «КАМЮ».

В Москве в течение нескольких лет появилось несколько разных вариантов серий типовых проектов таких жилых зданий, которые теперь нам известны как серии 1-515, МГ-300, К-7 и др. В основу практически всех проектных решений пятиэтажек были положены четырёхквартирные унифицированные секции с очень ограниченным набором квартир (1-, 2- и 3-комнатные), который и определил в дальнейшем структуру и облик строящихся домов¹².

Качественная характеристика архитектурно-планировочных решений пятиэтажных жилых домов первого поколения (как и всех последующих) была прямо связана с изменением Строительных Норм и Правил (СНиП) «Жилые здания», которые были утверждены Госстроем СССР 31 декабря 1957 г., и введены в действие с 1 марта 1958 г. Они довольно существенно отличались от предыдущих в сторону снижения целого ряда важных нормативов, параметров и качества многоквартирного жилища. Ведь главной задачей на этом этапе был переход от давно узаконенной практики покомнатного, «коммунального» заселения квартир к посемейному их заселению. При этом стоимость квартир максимально приближали к стоимости комнат в коммунальных квартирах¹³.

За счёт уменьшения габаритов передних, кухонь, санузлов и других помещений были максимально сокращены площади квартир. Они стали малогабаритными. Жилые комнаты тоже следовало проектировать площадью поменьше – от 6,0 кв. м. В погоне за наибольшим выходом жилой площади, комнаты в квартирах делались проходными, вход на кухню был решен через заём в общей комнате, в жилую площадь включалась даже площадь кладовых и встроенных шкафов, раскрываемых в жилые комнаты. Ради скорости и количества экономили на конструкционных и отделочных строительных материалах, занижали нормативы и качественные характеристики – в общем делали многоквартирные жилища дешево¹⁴.

¹¹ Карпов С.В. Мастер архитектуры в проектном институте // Строительство и архитектура Москвы. 1986. № 6. С. 21.

¹² Градов Г.А. Город и быт: Перспективы развития системы и типов общественных зданий. М., 1968. С. 76–77.

¹³ Этмекджиян А.А. Снижение стоимости жилищного строительства в Москве. М., 1957. С. 20–28.

¹⁴ Дихтер Я.Е. Многоэтажное жилище столицы. М., 1979. С. 61–63.

Поскольку в Москве, как известно, господствуют юго-западные ветры, эта окраина столицы и стала главной экспериментальной строительной площадкой. Она получила название «Черемушки», по имени подмосковного села и раскинувшейся рядом с ним усадьбы, некогда принадлежавшей Меньшиковым. На садово-огородных и пахотных угодьях этого села спланировали первые жилые пятиэтажные кварталы и начали невиданный градостроительный эксперимент, изменивший облик не только Москвы, но и многих других городов страны.

Проведение этого эксперимента способствовало переводу на новые приёмы застройки жилых кварталов и внедрению в массовое жилищное строительство ряда новых прогрессивных архитектурно-планировочных и конструктивных решений, а также новых форм организации строительства.

Затем началась застройка опытного квартала № 10 в Новых Черемушках. Основными задачами этого экспериментального строительства явились поиски и отработка конструкций домов в направлении дальнейшей индустриализации, повышения заводской готовности сборных деталей и изделий решительного улучшения качества строительства.

В результате совместной работы проектных, строительных организаций и промышленности строительных материалов и деталей был подведён итог эксперимента и выбрано ограниченное число наиболее совершенных типовых проектов зданий. Каталог железобетонных изделий и других строительных деталей, применённых в этих типовых проектах, предусматривал резкое сокращение числа типоразмеров по всем видам изделий и значительное повышение сборности отдельных конструктивных частей зданий. В итоге проведённой работы объём строительства жилых зданий по типовым проектам резко возрос.

Здесь уместно напомнить, что юго-западные земли столицы начали привлекать внимание и архитекторов, и руководства государства с начала XX в., когда в 1918 г. в Москву переехало молодое Советское правительство. Именно тогда В.И. Ленин по рекомендации А.В. Луначарского встречался с И.В. Жолтовским на предмет генерального плана новой Москвы, над которым работал известный архитектор, а также будущего Юго-Запада столицы. Было предложено развивать новое жилищное строительство в юго-западном направлении, в районе Воробьёвых гор, но известные события тех и последующих лет надолго отодвинули сроки реализации этого плана¹⁵.

По существу он начал выполняться только с 1956 г., когда в 9-м квартале «Черемушек» стали проверяться планировочные, архитектурные, строительные и эксплуатационные качества домов новых, в том числе полносборных, типов; блочные и панельные конструкции несущих стен; строительные материалы и технологические методы организации строительно-монтажных работ. Экспериментальные проекты новых жилых зданий создавались в мастерской Специального архитектурно-

¹⁵ Жолтовский И.В. В 1918-м // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 2 ч. Ч. 2. М., 1957. С. 319–321.

конструкторского Бюро (САКБ), руководимой одаренным архитектором Н. Остерманом¹⁶.

Начинали с четырёхэтажных зданий из различных конструкционных материалов. Для сравнения, рядом с домом из традиционного кирпича строили такой же дом из керамзитобетонных блоков. Потом возвели первый жилой дом из железобетонных панелей, облицованных мелкоразмерной плиткой «ириской». Возможно, от него и пошло модицифированное потомство пятиэтажных полнособорных домов, которые впоследствии назовут в народе «хрущевками».

Сначала первые панели изготавливали кустарным способом. Потом стали делать на заводах, прокатывать как металл или изготавливать кассетным способом наподобие вафель. Московские строители освоили монтаж таких панелей по часовому графику, прямо «с колес» машин-панелевозов. Пятиэтажный четырёхсекционный дом на 80 квартир удавалось смонтировать за 52 дня, а через 100 дней ключи вручались ликующим новосёлам¹⁷. Каждая семья получала отдельную квартиру. Однокомнатную (общей площадью 33–34 кв. м) давали на 2–3 человека, двухкомнатную (42–43 кв. м) – на 4–5 человек, а трехкомнатную (48–50 кв. м) – на 5–6, а то и на 7 членов семьи.

Вместе с тем массовое, в том числе и индустриальное, жилищное строительство в Москве хотя и развивалось достаточно бурно, но всё-таки поэтапно, в определённой последовательности совершенствования инженерной мысли и развития технологии домостроительного производства.

Правда, многие профессиональные задачи типового проектирования (особая рациональность, экономичность объёмно-планировочных, конструктивных и инженерно-технических решений жилых зданий) не всегда определялись специалистами-исследователями и разработчиками-проектировщиками. Часто решения в жилищном строительстве принимались в высоких кабинетах малограмотным и недальновидным городским начальством, которое мало заботилось о последствиях реализации своих директивных и распорядительных документов по этому поводу. Так, в самом начале 1958 г. Исполком Московского городского Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос о дальнейшем снижении стоимости жилищного строительства и соответствующем высвобождении государственных средств для увеличения объёмов нового строительства и постановил осуществить мероприятия по применению более экономичных планировочных и конструктивных решений в проектах жилых домов типовых серий¹⁸.

В проектах пятиэтажных жилых домов необходимо было предусматривать применение прерывистых сборных железобетонных фундаментов, а при соответствующих геологических условиях допускать такие же фунда-

¹⁶ Светличный Б.Е. Город в современном мире. М., 1978. С. 17–18.

¹⁷ Иванов О.А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М., 2015. С. 359.

¹⁸ Этмекджиян А.А. Снижение стоимости жилищного строительства в Москве. М., 1957. С. 19.

менты и для 8-этажных домов. При этом фундаменты и стены подвалов должны были сооружаться, как правило, из бетонных блоков соответствующей прочности. Устройство подвалов и технического подполья в пятиэтажных жилых домах, размещаемых на участках, где по грунтовым условиям закладка фундаментов возможна на глубину не более 1,6–1,8 метра, можно было допускать только в отдельных случаях и с разрешения АПУ (архитектурно-планировочное управление); рытье грунта под фундаменты в домах, где не предусматриваются подвалы, следовало производить в виде траншей с устройством конструкции пола на первом этаже по столбикам. Облицовку фасадов домов, расположенных внутри кварталов, следовало производить силикатным или красным кирпичом полусухого прессования; облицовку главных и боковых фасадов домов, расположенных на магистралях, – керамическим лицевым кирпичом¹⁹.

В принятом Исполкомом Моссовета решении настоятельно предлагалось «сократить на внутrikвартальных участках и во дворах объём дорог и тротуаров с усовершенствованным покрытием не менее чем на 20 проц., за счет более рациональной планировки и благоустройства. При этом запретить применение кирпичных, бетонных, деревянных и прочих ограждений на внутrikвартальных территориях»²⁰.

Все изменения, вытекающие из решения Исполкома, Архитектурно-планировочному правлению города Москвы и проектным организациям (институт «Моспроект», Специальное архитектурно-конструкторское Бюро) следовало внести до 1 марта 1958 г., так как с 1 марта вводились новые СНиПы. Все задуманные мероприятия по снижению стоимости (и заметим, качества) жилищного массового строительства, естественно, были выполнены в отведенные сроки. В 1950-е гг. основным критерием оценки архитектурных решений была стоимость строительства. Экономические нормы определили массовый характер городской застройки пятиэтажными много квартирными домами.

В те далекие времена хрущевской оттепели распределение бесплатного жилья было большим социальным завоеванием. Сейчас трудно представить, что те пятиэтажные дома, которые сегодня кажутся москвичам уже устаревшими и не престижными, более шестидесяти лет тому назад вдохновляли не только новосёлов. Наш великий современник – композитор Дмитрий Шостакович написал оперетту под названием «Москва, Черемушки».

Пятиэтажный жилищный фонд, кроме Черемушек, расположен во многих районах Москвы. Это Кузьминки, Измайлово, Открытое шоссе, Перово, Москворечье, Зюзино, Очаково, Матвеевское, Хорошевское шоссе, Мневники, Медведково, Коптево, Химки-Ховрино, Дегунино, Зеленоград и др. Это были практически все периферийные районы города в пределах МКАД, что составляло почти одну треть городской территории.

¹⁹ 9-й квартал. Опытно-показательное строительство жилого квартала в Москве (район Новые Черемушки). М., 1959. С. 20–22.

²⁰ Сокова Е.Я., Стражников А.М. Пятиэтажные полнособорные здания: проблемы реконструкции. М., 1997. С. 62.

К 1961 г. в Москве уже имелась прочная материально-техническая база, дающая возможность реально перейти к строительству только полно-сборных жилых зданий и полностью отказаться от применения штучного кирпича. Таким образом, с начала 1960-х гг. в Москве следовало строить только крупнопанельные пятиэтажные жилые дома.

На ноябрьском 1962 г. Пленуме ЦК КПСС справедливо отмечались существенные недостатки в действующих типовых проектах. Н.С. Хрущёв на ноябрьском Пленуме высказал мысль об архитектурно-художественных проблемах, возникающих при развитии крупнопанельного домостроения: «Работы лучших архитекторов-новаторов показывают, что простыми средствами можно добиться большей выразительности и красоты. Более просто решать задачу помогают современные конструкции и материалы»²¹.

К 1966 г. уже более 90 % жилых зданий в городах страны (и в первую очередь в столице) возводилось по типовым проектам. В городской застройке 1960-х гг., конечно, преобладали пятиэтажки, ровными рядами заполонявшие открытые пространства бывших деревень и сёл на окраинах столицы²². Формируя из них жилые районы на свободных землях, архитекторы были увлечены идеей «пространственности», питавшейся образами космической эпохи и нашими успехами в этой сфере.

Именно таким образом к началу 1970-х гг. в Москве была выполнена грандиозная программа массового жилищного строительства, и острая нужда населения в жилье была в значительной степени удовлетворена. В среднем за пятнадцать лет в столице было построено более 20 млн. кв. м общей площади квартир или около 6 тыс. пятиэтажных жилых зданий²³. Только к середине 1970-х гг. московские домостроительные комбинаты прекратили выпускать последние пятиэтажные дома.

Однако жилищный фонд с годами стареет морально и ветшает физически. Моральное старение московских пятиэтажек наступило очень – в начале 1970-х гг., когда появилось многоквартирное жилье второго поколения, спроектированное по новым, несколько улучшенным нормам.

Наряду с несомненными достоинствами (удобное расположение по отношению к центру города, сложившаяся транспортная система, как правило, достаточная обеспеченность объектами соцкультбыта, довольно высокая степень озеленения придомовых территорий), застройка пятиэтажных жилых районов характеризовалась аскетичными, невыразительными градостроительными и архитектурно-планировочными решениями, довольно малой плотностью и другими существенными недостатками, обусловленными стремлением к экономии материально-технических ресурсов.

Но главный просчёт состоял в том, что тогда в нашей стране господствовало убеждение – земли у нас всегда и на всех хватит. Ценность её иг-

²¹ Кубарев С.Ф. Качество типовых проектов – на уровень новых задач жилищного строительства // Архитектура СССР. 1964. № 9. С. 8.

²² Промыслов В.Ф. Развитие индустриального строительства в Москве. М., 1967. С. 16.

²³ Селиванов Т.А. Планирование городского хозяйства (На примере Москвы). М., 1970. С. 109.

норировалась, когда подсчитывали экономический эффект новостроек, когда решали, какие дома строить, какой высоты, с какими стенами, потолками, санитарными узлами, с лифтами или без. Победило недальновидное мнение, что дешевле строить пятиэтажные дома без лифтов, чем многоэтажные с лифтами. Доказать это было нетрудно, так как исходили из сиюминутной выгоды и экономии бюджетных средств.

Не знали и поэтому не брали в расчёт ценности самой земли, затраты по освоению территорий и по долговременной эксплуатации зданий, да и лифтов производили в то время мало. Поэтому возобладало убеждение, что наиболее целесообразны жилые пятиэтажные дома массовых типов без лифта, с малогабаритными квартирами, с высотой помещений в 2,5 м, с крохотными кухнями, символическими прихожими, совмещенными санузлами и т. д. Что такое «снижение стоимости жилищного строительства» в реальности, жители пятиэтажных домов, построенных по указанным типовым проектам, почувствовали очень быстро и очень остро. Недостатки пространственной организации, невнимание к восприятию, экономия на жилье, уже знакомые по первым несовершенным планировочным решениям, считывались искушенным потребителем и в архитектуре 1970–1980-х гг.

Роль земли в архитектуре, особенно столичной, чрезвычайно велика. Необходимо было принципиально пересмотреть взгляды на благоустройство. Трудно переоценить значение городского благоустройства. Даже посредственная пятиэтажная застройка при хорошем решении поверхности земли выглядит хорошо. Наоборот, очень неплохие дома, стоящие в плохо благоустроенном районе, оставляют скверное впечатление.

Принципы построения архитектурных ансамблей приобретали ещё большее значение при широком применении типовых проектов, в условиях индустриализации строительства. Их правильное применение благотворно сказалось на облике ряда новых жилых районов.

Особенно важно сознательно учитывать при проектировании влияние пространственной среды на общество. Архитектура во все времена являлась важнейшим средством активного идеологического воздействия на массы.

Однако организующая роль архитектуры реализуется на практике лишь в той мере, в какой архитектор или градостроитель сумеет учесть реально существующие потребности человека и общества, т. е. удовлетворить определенные функции. Поэтому качество архитектурного или градостроительного решения во многом зависит от понимания архитектором объективных закономерностей взаимосвязи жизненных процессов и их пространственной организации, т. е. «функций» и «формы» на данном этапе развития общества.

Поэтому исследование проблемы «функция – форма» является необходимым условием совершенствования архитектурного мастерства, когда жизнь заставляет подвергать сомнению многие суждения в этой области, которые еще недавно казались непреложными.

Практика показала, что зафиксированная в структуре новых сооружений, жилых районов «идеальная» функциональная организация устаревает и перестаёт соответствовать обновляющемуся ритму современной жизни зачастую уже в процессе строительства. Поэтому в современных условиях традиционный «функционалистский» подход к архитектуре и градостроительству с присущей ему определённостью и однозначностью решений должен, по-видимому, уступить место более гибким, динамическим представлениям.

Проектируя крупный жилой район города, мы имеем дело с объектом, который по своей сложности во много раз превосходит традиционные объекты архитектурного проектирования – относительно небольшие сооружения. Этот объект имеет сложнейшую комплексную функцию, которая претерпевает непрерывные изменения, связанные с техническим и социальным прогрессом общества. В этих условиях в центр внимания проектировщика должен быть поставлен фактор времени. Вот та позиция, с которой следует переосмыслить всю логику пространственной организации объекта и методику его проектирования.

В силу экономических и политических причин такой фактор в реальных практиках проектирования в период массового жилищного строительства в СССР в полной мере учесть было невозможно. Именно поэтому так часто оказывались несостоятельными и быстро устаревали генеральные планы развития города. Тем самым размещение элементов длительной устойчивости, определяющих планировочную структуру города, ставилось в зависимость от более подвижных факторов (планировка жилых зон, типы застройки и др.), развитие которых на весь срок службы генплана нельзя было предугадать.

Можно с уверенностью сказать, что разработка методики проектирования, направленной на сознательный учёт фактора времени необходима для повышения эффективности градостроительного проектирования. Это особенно важно, когда объектом проектирования становится целостная и непрерывно обновляющаяся жизненная среда.

Возможно, как раз неудача архитектора в жилищном строительстве способствовала несомненной дискредитации профессии в глазах общества. Перед лицом принятой советским обществом программы массового жилищного строительства на индустриальной основе оказались ветхими многие творческие принципы мастеров архитектуры. Исторический опыт показывает, что отказ от сложившегося понимания творчества ради достижения новых возможностей, освобождение от привычных архитектурных стилей, устоявшихся профессиональных отношений не отрицает саму идею архитектурного мастерства, которая всегда оставалась высшим духовным принципом созидательного труда архитектора.

Первые серьезные разговоры и мнения о низком качестве пятиэтажек, построенных в конце 1950-х – начале 1960-х гг., появились в печатных изданиях с 1970-х гг., а более-менее серьёзно и комплексно заниматься

проблемой «живучести» этих зданий научно-исследовательские и проектные организации Москвы начали в 1980-е гг.²⁴

И в то же время не надо забывать, что массовое тиражирование пятиэтажек было непосредственным следствием послереволюционного уплотнения населения в коммуналки, расселения в сталинские бараки и совсем недавней военной разрухи. Не следует забывать, что переход во второй половине 1950-х гг. к массовому, индустриальному жилищному строительству позволил переселиться большинству граждан Советского Союза в отдельные квартиры. Роль первичной ячейки города – квартиры – значительно возросла, становясь тем элементом, где создается возможность одновременного удовлетворения потребности как в межличностных контактах, так и в относительно специализированном культурно-просветительном обслуживания (массовые коммуникации). Только пятиэтажки позволили переселить людей из подвалов, чердаков и бараков. Пятиэтажки подарили радость и надежду миллионам семей и стали величайшим социальным захватом.

Список литературы:

1. Андреев П.П., Буков К.И. и др. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период 1941–1965 гг. М.: Наука, 1967. – 566 с.
2. Астафьева-Дlugач М.И., Волчок Ю.П. Москва строится. М.: Московский рабочий, 1983. – 191 с.
3. Бархин М.Г. Город 1945–1970. Практика, проекты, теория. М.: Стройиздат, 1974. – 208 с.
4. Градов Г.А. Город и быт: Перспективы развития системы и типов общественных зданий. М.: Стройиздат, 1968. – 252 с.
5. Дихтер Я.Е. Многоэтажное жилище столицы. М.: Московский рабочий, 1979. – 232 с.
6. Жолтовский И.В. Архитектура крупнопанельных зданий // Архитектура СССР. 1953. № 3. С. 5–7.
7. Жолтовский И.В. В 1918-м // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 2 ч. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1957. – 740 с.
8. Журавлев А.М. Архитекторы и типовое проектирование // Архитектура в истории русской культуры. Вып.4. Власть и творчество. М.: Эра, 1999. – 192 с.
9. Иванов О.А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М.: Центрополиграф, 2015. – 528 с.
10. Карпов С.В. Мастер архитектуры в проектном институте // Строительство и архитектура Москвы. 1986. № 6. С.19–21.
11. Кибиров С.Ф. Качество типовых проектов – на уровень новых задач жилищного строительства // Архитектура СССР. 1964. № 9. С.1–10.

²⁴ Тарханов А.Ю. Пятиэтажка двадцать лет спустя // Архитектура и строительство Москвы. 1987. №3. С. 23–24.

12. Матусевич Н.З., Товбин А.Б., Эрмант А.В. Ориентиры многообразия. Л.: Стройиздат, 1976. –216 с.
13. Промыслов В.Ф. Развитие индустриального строительства в Москве. М.: Стройиздат, 1967. – 338 с.
14. Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры. М.: Стройиздат, 1986. – 376 с.
15. Светличный Б.Е. Город в современном мире. М.: Стройиздат, 1978. –216 с.
16. Селиванов Т.А. Планирование городского хозяйства:(На примере Москвы). М.: Экономика, 1970. – 230 с.
17. Сокова Е.Я., Стражников А.М. Пятиэтажные полносборные здания: проблемы реконструкции. М.: Стройиздат, 1997. – 144 с.
18. Тарханов А.Ю. Пятиэтажка двадцать лет спустя // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 3. С. 23–24.
19. Этмекджиян А.А. Снижение стоимости жилищного строительства в Москве. М.: Госстройиздат, 1957. – 64 с.

Об авторе:

ГОРЛОВ Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет, (Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д.38, стр.1), e-mail: gorlov812@mail.ru

Five-Storey Moscow as a Symbol of the Thaw Era

V.N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

This article analyzes housing construction in Moscow in the 1950s, when housing became a social issue. An economic approach to housing construction became a priority, tolerating no delays, replacing Stalin's Empire style. A preoccupation with the classical style conflicted with the desire for mass housing construction, when industrialization of construction and standardized design became the main principles of construction. The author examines the period of the mid-1950s, when the acute housing crisis in the Soviet Union urgently dictated changes in the architecture of residential buildings. Five-story construction in the capital made it possible to quickly resolve the housing crisis and relocate Soviet citizens to individual apartments, a significant social achievement.

Keywords: *Housing construction, industrialization, standard designs, five-story buildings, Soviet architecture, cost-effectiveness.*

About the author:

GORLOV Vladimir Nikolaevich – Doctor of History, Professor, the Department of Historical Sciences and Archival Science, professor; Moscow State Linguistic University, (Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka St., 38, Building 1), e-mail: gorlov812@mail.ru

References:

- Andreev P.P., Bukov K.I. i dr., *Istoriya Moskvy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i v poslevoennyj period 1941–1965 gg.* M.: Nauka, 1967. – 566 s.
- Astaf'eva-Dlugach M.I., Volchok Yu.P., *Moskva stroitsya*. M.: Moskovskij rabochij, 1983. – 191 s.
- Barhin M.G., *Gorod 1945–1970. Praktika, proekty, teoriya*. M.: Strojizdat, 1974. – 208 s.
- Gradov G.A. *Gorod i byt: Perspektivy razvitiya sistemy i tipov obshchestvennyh zdanij*. M.: Strojizdat, 1968. – 252 s.
- Dihter YA.E., *Mnogoetazhnoe zhilishche stolicy*. M.: Moskovskij rabochij, 1979. – 232 s.
- Zholtovskij I.V., *Arhitektura krupnopanel'nyh zdanij*, Arhitektura SSSR, 1953. № 3. S. 5–7.
- Zholtovskij I.V., *V 1918-m, Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine*: v 2 ch. Ch. 2. M.: Gospolitizdat, 1957. – 740 s.
- Zhuravlev A.M., Arhitektory i tipovoe proektirovanie, Arhitektura v istorii russkoj kul'tury. Vyp.4. Vlast' i tvorchestvo. M.: Era, 1999. – 192 s.
- Ivanov O.A., *Ot Krymskogo vala do Vorob'evyh gor*, M.: Centropoligraf, 2015. – 528 s.
- Karpov S.V., *Master arhitektury v proektnom institute*, Ctroitel'stvo i arhitektura Moskvy, 1986. № 6. S. 19–21.
- Kibirev S.F., *Kachestvo tipovyh proektov – na uroven' novyh zadach zhilishchnogo stroitel'stva*, Arhitektura SSSR, 1964. № 9. S. 1–10.
- Matusevich N.Z., Tovbin A.B., Ermant A.V., *Orientiry mnogoobraziya*. L.: Strojizdat, 1976. – 216 s.
- Promyslov V.F., *Razvitiye industrial'nogo stroitel'stva v Moskve*. M.: Strojizdat, 1967. – 338 s.
- Ryabushin A.V., *Gumanizm sovetskoj arhitektury*. M.: Strojizdat, 1986. – 376 s.
- Svetlichnyj B.E., *Gorod v sovremenном mire*. M.: Strojizdat, 1978. – 216 s.
- Selivanov T.A., *Planirovanie gorodskogo hozyajstva:(Na primere Moskvy)*. M.: Ekonomika, 1970. – 230 s.
- Sokova E.Ya., Strazhnikov A.M., *Pyatietazhnye polnosbornye zdaniya: problemy rekonstrukcii*. M.: Strojizdat, 1997. – 144 s.
- Tarhanov A.Yu., *Pyatietazhka dvadcat' let spustya*, Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 1987. № 3. S. 23–24.
- Etmekdzhiyan A.A., *Snizhenie stoimosti zhilishchnogo stroitel'stva v Moskve*. M.: Gosstrojizdat, 1957. – 64 s.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.1+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.052–069

Нормы взаимодействия мужчин и женщин в российской дворянской культуре в конце XVIII – середине XIX века

О.И. Лисицына

ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

На основе широкого круга литературных источников, нравоучительной литературы и источников личного происхождения в статье раскрывается специфика поведенческих норм российских дворян и дворянок. В статье затрагиваются дискурсивные различия «мужского» и «женского» письма, однако основное внимание уделяется непосредственно поведенческим различиям. Они исследуются через сравнение систем воспитания девочек и мальчиков, а также посредством анализа категории «честь», крайне значимой для российского дворянского этоса. Центральное место в статье занимают взаимодействия мужчин и женщин дворянского происхождения и та система социальных норм, которая их регулировала в Российской империи в конце XVIII – середине XIX в.

Ключевые слова: нормы поведения, честь, ментальность, женская история, эгодокументы, Российская империя, традиционный гендерный порядок.

Представления о нормах, связанных с отношениями мужчины и женщины в российской дворянской культуре в конце XVIII – первой половине XIX в., в современном сознании часто бывают сформированы произведениями русской классической литературы. Литературные произведения, безусловно, важны для понимания и мужской, и женской повседневности в данный период, но не менее важно изучить также и иные исторические источники, чтобы наше представление о прошлом было более полным и комплексным.

К исследованию были привлечены как мужские, так и женские литературные произведения конца XVIII – середины XIX в.¹, сочинения назидательного характера (сборники моральных и этикетных правил, нравоучи-

---

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. М., 1986. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С. 186–354; Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М., 2004; Сологуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 194–262; Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.10.2025); Ростопчина Е.П. Поединок // Дуэль. Повести русских писателей... С. 134–194 и др.

тельная литература)², а также многочисленные источники личного происхождения – опубликованные и архивные. Для обозначенной проблематики воспоминания, записки, дневники и письма являются одними из наиболее информативных источников (несмотря на то, что порой у исследователей возникают сомнения в их полной достоверности³), ведь при изучении поведенческих установок оказывается важным не столько точное и достоверное описание каких-либо фактов или событий, сколько переживания и чувства авторов, а также система ценностей и представлений, вписываемая ими в текст, как правило непроизвольно.

В первую очередь стоит отметить существовавшую в конце XVIII – середине XIX в. колоссальную разницу в воспитании и, как следствие, в ценностных ориентациях мужчины и женщины, что формировало у них, соответственно, две различные модели поведения. Особенно ярко эта расхождованность проявляется в ходе сватовства и в первое время супружеской жизни: «... не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жёны оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни!»⁴; «ни малейшей-таки ласки и ни малейшего приветствия не хотела она мне оказать, и сколько я к ней ни ласкался, она и глядеть почти на меня не хотела»⁵, – сетует на свою невесту А.Т. Болотов. А вот как пишет о своём женихе его современница А.Е. Лабзина: «я, увидя его, очень оробела, и так, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мне позволено было идти к себе в комнату»⁶; «... ласки моего назначенного мужа стали ко мне открыты. Но они меня не веселили, и я очень холодно их принимала... и сердце моё не чувствовало ни привязанности, ни отвращения, а больше страх в нём действовал»⁷. Следует предположить, что причина столь различных представлений и ожиданий не сводится исключительно к специфике «мужского» и «женского» письма, а кроется в разнице ценностных ориентаций, вытекающей из двойственности принципов воспитания, в том числе сексуального, основанных на соответствующих представлениях о «нормативной» женственности и мужественности.

Однако следует отметить, что существуют также и сугубо дискурсивные различия в «мужских» и «женских» источниках. С приходом в моду

² Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788; Тредиаковский В.К. Истинная политика знатных и благородных особ. 3-е изд. СПб., 1787; Трельч К. Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекрасного пола как оному в свете разумно себя вести. М., 1773 и др.

³ См.: Кошелев А.В. «Я пишу без всякого порядка...» (А.О. Смирнова-Россет и её воспоминания) // Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011. С. 5–24.

⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0110.shtml (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ Там же.

⁶ Лабзина А.Е. Воспоминания // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 17.09.2025).

⁷ Там же.

сентиментализма в 1790-е гг. мужчины начинают смело выражать свои чувства, заимствуя слог из французских романов, появляются и культивируются такие понятия, как «влюблённость», «чувствования» – и для дворянина тяга к их выражению становится нормой. Женщины же по-прежнему «демонстрируют скованность, самоограничение, погружённость в себя и значительно большую приверженность традиционным устоям»⁸, то есть различия мужского и женского восприятия другого пола охватывают не только содержательный, но и дискурсивный уровень анализируемых исторических источников.

Российский дворянин конца XVIII – середины XIX в. ни в каком возрасте не имел недостатка в общении с лицами противоположного пола – начиная с няни и кормилицы и заканчивая крепостными всех возрастов; с точностью сказать невозможно, существовала ли в дворянских семьях сколько-нибудь жёсткая система цензурных запретов и ограничений чтения для мальчиков и, если да, то насколько повсеместной она была. А.С. Пушкин в своих «Оправданиях на критики» заявляет, что «публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик»⁹, явно подразумевая, что для данных категорий литература должна быть «пристойной» – это позволяет говорить о некой исключённости мальчиков – наряду с девочками – из доступного «взрослым» дискурса сексуальности. Однако тот же Пушкин упоминает, что в Лицее он «читал охотно Апулея, // а Цицерона не читал»¹⁰, что позволяет говорить об известной условности подобных запретов.

С женским же половым воспитанием дело обстояло иначе. Это находит многочисленные подтверждения в женских эго-документах: «рядом с залом находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения»¹¹; «... лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше»¹²; «мы <...> окружали всю ночь горевший ночник, чтобы прочитать запрещенную книгу (романы нам не позволялись)»¹³. На основе этого можно сделать вывод, что подобного рода «гендерная цензура» была общим местом в системе женского дворянского воспитания, а пушкинский образ «барышни уездной» «С

⁸ Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012. С. 64–65.

⁹ Пушкин А.С. Оправдание на критики и замечания на собственные сочинения // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 6. С. 342.

¹⁰ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 314.

¹¹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.09.2025).

¹² Водовозова Е.Н. На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 07.09.2025).

¹³ Стерлигова А.В. Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.09.2025).

печальной думаю в очах, // С французской книжкою в руках»¹⁴ отражает, скорее, стереотипный «мужской взгляд» на женскую повседневность, а не реальную ситуацию. Также представления «об опасности “неразборчивого” чтения для барышень» конца XVIII – первой половины XIX в. были аккумулированы в назидательной литературе, в частности – писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, весьма популярной в России, в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий»¹⁵, что могло дополнительно способствовать распространению представлений о вреде подобного рода «просвещения» среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Кроме того, совершенно иначе, чем у дворянских юношей, у барышень обстояли дела с доступом к общению с противоположным полом. По-видимому, какие-либо контакты с мужчинами, не являвшимися родственниками девочки-дворянки, были фактически исключены либо осуществлялись под бдительным контролем и надзором со стороны старших¹⁶. В целом, женские жизненные практики регламентируются в гораздо большей степени, чем мужские, и в особенности это распространяется на незамужних представительниц российского дворянства.

По сути, дозволенным какое-либо общение с противоположным полом для дворянской девушки становилось лишь тогда, когда её официально начинали «вывозить»¹⁷ в свет. Данное событие имело большое значение как для самой юной дворянки, так и для всей её семьи¹⁸, оно тщательно планировалось заранее («На бале [у князя Щербатова] должен был состояться её выход, но это [не было устроено] мой дядя мог вам говорить свои соображения [о причинах этого]... (перевод с фр. мой. – О.Л.)»¹⁹) и вовлекало широкий круг родственников²⁰, в особенности тех, которые имели связи в «лучшем обществе»²¹. Это обусловлено тем, что подобные «вывозы в свет» служили матrimониальным целям, а вступление в брак представлялось для дворянки важнейшим событием в жизни, делившем её на «до» и «после». Весьма важным событием замужество барышни было и для всей её семьи, ведь сделав «удачную партию», дочь могла улучшить материальное положение или ста-

¹⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 250.

¹⁵ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁶ Головина В.Н. Мемуары // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Golovina/Golovina.htm> (дата обращения: 17.09.2025); Водовозова Е.Н. Указ. соч.

¹⁷ Толстой Л.Н. После бала. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0299.htm (дата обращения: 17.09.2025).

¹⁸ Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1 об.

¹⁹ Там же, Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 208–209.

тус родителей, вдобавок удачное замужество девушки являлось признаком своего рода «состоятельности» – не только для неё самой, но и для её родни.

Разумеется, степень следования дворянок строгим запретам и предписаниям могла быть несколько различной, но в ситуации тотального контроля со стороны родителей и/или воспитателей (до замужества) и общества, «света» (с начала выездов барышни в свет), а также в условиях ограниченности и известной замкнутости российского дворянского общества сколько-нибудь серьёзные отступления от общепринятых поведенческих норм могли позволить себе лишь немногие дворянские девушки.

Причиной подобных «строгостей» в отношении незамужних представительниц дворянского сословия являлась система представлений о «чести» как одной из ключевых составляющих дворянского ethos. Она, безусловно, была связана с теми отличиями в воспитании и поведении, о которых шла речь ранее, и имела существенную гендерную специфику. Так, если этические требования, предъявляемые в дворянском сообществе мужчине, были сконцентрированы вокруг его личностных качеств, таких как смелость, правдивость, учтивость, самообладание, верность слову и т. д.²², то представления о чести женщины развивались почти исключительно вокруг её целомудренности, следовательно, приобретали совершенно иное смысловое наполнение. Ключевое место в данном дискурсе отводилось понятиям «непорочность», «невинность», то есть «способность» женщины воздерживаться от сексуальных контактов вне брака.

Безусловно, требования сохранения невестой девственности до вступления в брак не являются специфической чертой российской дворянской культуры, будучи универсальными как для всех новоевропейских обществ, так и для разных сословий царской России. В то же время несмотря на то, что опыт «викторианского» Запада оказывал безусловное влияние на формирование подобной системы представлений в среде российского нобилитаризма, следует отметить факт существования феномена «теремного затворничества»²³ – практики социальной изоляции женщин благородного происхождения, существовавшей на Руси задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям западноевропейских обществ.

В результате произошедшей в XVIII в. трансформации поведенческой структуры русского общества²⁴ социальное поведение, которое и ранее было тесно связано с нравственными установками, теперь всё чаще стало считаться внешним проявлением внутреннего содержания личности²⁵. В связи с этим важно подчеркнуть и специфику данных систем табу,

²² Собеседование мудрости, или Отборные наставления предложенные в пяти вечерях. СПб., 1784; Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1787.

²³ Подробнее об этом см.: Пушкирева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 6.

²⁴ Алексеева Е.А. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007.

²⁵ Грасиан-и-Моралес Б. Грасиан придворный человек. СПб., 1742; Ле Нобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб., 1761;

характеризующих элитарную и народную культуры конца XVIII – середины XIX в., связанную с соответствующим размежеванием поведенческих норм в результате заимствования российским дворянством западных ценностей. Так, в крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал «природный натурализм»²⁶ в отношении к сексу, понятие «почестности»²⁷ девушки трактовалось буквально, т. е. факт сохранения невинности, девственности имел, в первую очередь, сугубо физиологический смысл (что, в частности, подтверждается символикой народной свадебной обрядности).

В дворянском же обществе концепт «девичьей чести» приобретает несколько иное, символическое значение, причём, если в крестьянской среде строгость запретов на добрачные связи и соответствующее поведение как юношей, так и девушек на протяжении XIX в. заметно ослабевает, то у дворянства подобные тенденции далеко не так сильны, более того, тексты конца XVIII – первой половины XIX в. демонстрируют обратный процесс: на уровне дискурсивных практик наблюдается даже некоторое ужесточение морально-нравственных норм. Безусловно, следует учитывать, что, возможно, подобная эволюция представлений происходила лишь «на бумаге», будучи связанной с гнётом государственной цензуры, особенно усилившимся как раз во второй четверти XIX в.

Можно сказать, что в контексте дворянской системы представлений о девичьей чести оказывался значимым не столько сам факт прелюбодеяния, сколько обширный ряд действий девушки (или, что бывало чаще, действий в отношении неё), устойчиво связанных в сознании представителей дворянской культуры с угрозой для чести, бесчестием, и, соответственно, маркируемых как недопустимые в рамках «нормального», социально поощряемого поведения барышни. Разумеется, это не означает, что на недозволенные половые связи дворянки (а таковыми для незамужних девиц признавались любые половые связи) закрывали глаза, но высокий уровень символизма, свойственный куртуазному дворянскому обществу, приковывал внимание к иному, более эвфемистическому пониманию категорий «честь» и «бесчестие».

Подтверждением этого могут служить отношения Алексея Николаевича Вульфа и его кузины Лизы, описанные им в широко известном «Дневнике»²⁸. В результате любовных отношений, вышедших за строгие рамки «дозволенного», девушка считает себя «полностью отдавшейся»²⁹

Добрыя мысли, или Последния наставления отца к сыну, исполненные различными разсуждениями, М., 1789; Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788.

²⁶ Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995. С. 57.

²⁷ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. <http://womentation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 28.09.2025).

²⁸ Вульф А.Н. Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 18.09.2025).

²⁹ Там же.

любовнику, хотя с физиологической точки зрения это не так: «... я провел её постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представляются роскошному воображению, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу, – ибо она сама, кажется, желала быть совершенно мою и, вопреки моим уверениям, считала себя такою»³⁰. Отчасти подобное поведение незамужней девушки следует объяснить и её полной сексуальной непросвещённостью, ведь, не взирая на то, что «смолоду» от неё требуют строго «блести себя», никого из взрослых не заботит, что она не имеет представления, от чего именно её предостерегают и что вменяют ей в обязанность (напротив, малейший доступ к информации о телесности, особенностях физиологии и сексуальном поведении и т.п. в процессе женского воспитания, как правило, полностью блокируется); поэтому, очевидно, любой физический контакт с мужчиной, выходящий за рамки «скромных» представлений юной дворянки (а в них, очевидно, входит немногое: лишь свидания, поцелуй) сразу представляется ей «потерей чести» в буквальном и символическом смыслах. Характерной иллюстрацией подобных представлений может служить следующее высказывание пушкинской «капитанской дочки» Маши Мироновой о причине её отказа Швабрину: «Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!»³¹. (Крестьянка того же возраста имела не только значительно более широкие возможности для приобретения познаний в сфере сексуальности, но и опыт более–менее «вольного» общения со сверстниками противоположного пола³².)

Характерно, что женские автодокументальные тексты аналогичной информации о добрачных связях их авторов не содержат (очевидно, в силу гендерных особенностей дискурса: для барышни такого рода признание могло быть допустимо только на исповеди, и нигде более), в то время как, судя по мужским, подобные «вольности» между влюблёнными не были редкостью («Всякой вечер... отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую её в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается. Раз до того разнежились, что оба сделались вне себя. Она потянулась, погасила свечку и сказала: «Я вся твоя», только таким тоном, что я почувствовал [и] опомнился, какие могут быть последствия, за что я [её] сделаю несчастною; встал и пошёл вон»³³). Такая разница в описании интимных подробностей объясняется существованием уже упомянутого вы-

³⁰ Вульф А.Н. Указ. соч.

³¹ Пушкин А.С. Капитанская дочка // Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М., 1986. С. 254).

³² Подробнее об этом см.: Кон И.С. Указ. соч. С. 49–52.

³³ Загряжский М.П. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.09.2025) и др.

ше двойного стандарта, имевшего место как на уровне дискурса, так и на уровне жизненных практик.

Очевидно, тем не менее, что приведённые выше «практики» для благородной девицы были скорее исключением, нежели правилом, ведь в процессе воспитания её поведение ставилось под максимально всесторонний контроль. К примеру, мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой по пути домой в имение своего отца по окончании института на станции «в первый раз в жизни с посторонним мужчиною разговаривала»³⁴, ведь институткам не только по отдельности, но даже всем классом запрещалось находиться наедине с учителем, то есть заходить в учебный класс без классной дамы, специально приставленной следить за поведением и моральным обликом девиц во время уроков.

Известные послабления делались для девушки уже «просватанной», т. е. официально считавшейся невестой. В таком случае, её могли даже оставлять наедине с женихом (обычно же все коммуникации незамужней дворянки осуществлялись в присутствии третьих лиц), иногда даже «они целовались и делали все то, что бы она долженствовала делать только с мужем»³⁵ – и именно поэтому последующий отказ жениться или расторжение помолвки женихом без видимых на то причин наносили существенный удар не только по чувствам девушки, но и по её репутации. Здесь важно отметить, что самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности, равно как и повлиять каким-либо образом на ситуацию барышня не могла. В этом случае восстановление её чести находилось в руках кого-то из её близких (разумеется, мужчин), кто определяет «тяжесть» нанесённого оскорбления и «нивелирует» его посредством дуэли. Характерным примером этого может служить нашумевшая в 1825 г. дуэль К.П. Чернова, защищавшего честь сестры, с В.Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за несогласия на брак своей матери³⁶.

Разумеется, от скандальных ситуаций не были ограждены и замужние дворянки, но следует отметить наличие некой специфики: демонстративное ухаживание за замужней, уже «отданной другому» женщиной, как правило, не являлось самоцелью (для социально одобряемых, «легитимных» практик флирта существовал строго определённый этикет, адюльтер же ни одна из сторон афишировать, безусловно, не спешила), а преследовало цель «свести счёты» с её мужем. Следовательно, в данной ситуации женщина лишь исполняет роль некоего «средства» регулирования отношений между мужчинами, и чьё-либо «ненормативное» внимание к ней, не вызвавшее даже, возможно, никакой ответной реакции, влияет уже не столько на её собственную честь, сколько на честь её мужа: ему в сложившейся си-

³⁴ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³⁵ Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. С. 92.

³⁶ Подробнее об этом см.: Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.09.2025).

туации предстоит определить «тяжесть нанесённой обиды»³⁷ и принять решение о дуэли.

В связи с этим, изучение поводов дуэлей «за честь женщины», которые, на первый взгляд, могли бы дать исключительно ценную информацию о критериях женской чести, зачастую обращает нас к плоскости сугубо мужских взаимоотношений, ведь обвинения в оскорблении женщины или, напротив, в «ношении рогов» (как это было, например, в случае дуэли Пушкина с Дантеом.) были беспрогрызным способом «придраться без всякой причины»³⁸ и составляли «минутное дело, подтверждённое на другой день письменным вызовом»³⁹.

Таким образом, социальный институт дуэли и связанная с ним щепетильность в вопросах чести, доходившая едва ли не до абсурда, оказывали немалое влияние на поведение женщины, диктуя ей крайне строгие правила пристойности, ведь её «неподобающее» поведение могло поставить под угрозу жизнь близкого мужчины (впрочем, за «обиду» женщины мог «мстить» не только тот, кто «нёс за неё ответственность» ввиду родства или супружества, не только жених или поклонник, но и малознакомый дворянин, как это сделал, например, А.С. Пушкин в Кишинёве в 1822 г.⁴⁰).

Но очевидно, что под наиболее строгие нормы сексуального поведения попадали юные дворянки – барышни, ещё не входившие в категорию невест: они не «вывозились» на балы, а следовательно, были лишены возможности участвовать в таких «легитимных» сексуальных практиках, как мода, танцы и флирт (являвшихся, по большому счёту, единственно доступными для женщины вне брака). Можно сказать, что у них в большинстве случаев даже не было возможности как-либо «распорядиться» своей «честью» ввиду постоянного контроля со стороны взрослых; их «честь» фактически «отчуждена» от их тел: её контролируют и за неё несут ответственность родственники и/или воспитатели. В этом дворянская культурная традиция имела сходство с крестьянской: в народной свадебной обрядности существовал ряд обычая, суть которых сводилась к тому, что жених или его родня благодарили родителей невесты, если та оказывалась «честной», и, наоборот, порицали и позорили, если она оказывалась «нечестной»⁴¹. То есть родители выступают в качестве неких «гарантов» и «хранителей» «чести» дочери – символической и буквальной, – и в глазах общества именно они несут за неё ответственность. Такая «функция» родителей способствовала установлению репрессивных механизмов регулирования сексуальности на уровне каждой отдельной семьи.

³⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 165.

³⁸ Волконский С.Г. «Записки» // Из «Записок» князя Сергея Григорьевича Волконского (изданных в С.-Петербурге в 1902 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/cavalier/26.htm> (дата обращения: 28.09.2025).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Гордин Я.А. Указ. соч.

⁴¹ Пушкирева Н.Л. Позорящие наказания для женщин... С. 124.

Замужняя дворянка имела, по-видимому, больше сексуальной свободы, чем барышня. Так, происходило известное ослабление упомянутой выше «гендерной цензуры» – запретов на информацию о сексе и обо всём, что с ним связано, ведь в браке она приобретает минимальный сексуальный опыт, который, однако, в подавляющем большинстве случаев был неудачным, травмирующим и приводящим к скорой беременности, исключающей дальнейшие сексуальные контакты на достаточно продолжительный период⁴². Так или иначе, в браке дворянка получает больше возможностей для реализации своей сексуальности – по меньшей мере у неё появляется «право» на флирт, считавшийся нормативной практикой межполового общения в рамках светского общества.

Кроме того, замужество могло обозначать и некоторое ослабление внешнего «надзора» за честью. Это, однако, не означает, что дворянки, выходя замуж, начинали менее нравственно себя вести, напротив, строгие внутренние установки, воспринятые с самого раннего возраста и предписывавшие асексуальность и безусловную верность мужу, оказывались так сильны, что могли сохраняться на протяжении всей жизни. Характерно, что А.П. Керн, не любившая мужа настолько, что в конечном итоге решилась «разъехаться» с ним⁴³, следующим образом реагирует на его суждение о том, что женщине «любовников иметь непростительно только когда муж в добром здравии»⁴⁴: «Какой низменный взгляд! Каковы принципы!»⁴⁵ – следовательно, и она измену мужу воспринимает как явное нарушение морально-нравственных принципов и внутренних установок.

Очевидно, рассматриваемая система запретов и предписаний, направленных, в первую очередь, на контроль и нормализацию женской сексуальности, была достаточно универсальной и фактически неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода, степень же следования данным требованиям могла быть неодинаковой. В частности, она могла зависеть от социальной среды, т. е. конкретного повседневного окружения той или иной представительницы дворянского сословия, круга её общения, ведь нормы поведения в «большом свете» и в провинциальном дворянском кругу серьёзно отличались.

В высшем свете вновь прибывшие молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания»⁴⁶ в свете («странный шёпот встретил // Её явленье: свет её заметил»⁴⁷; «все кинули на неё испытующий

⁴² Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 366–372; Пущарева Н.Л. Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. Осень, 2006. С. 23.

⁴³ Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. М., 1990. С. 156.

⁴⁴ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.09.2025)

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ган Е.А. Идеал [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴⁷ Лермонтов М.Ю. Сказка для детей // Сочинения... Т. 1. Стихи и поэмы. С. 717.

взгляд; даже старые сановники... удостоили её мгновенным одобрительным осмотром»⁴⁸), и при отсутствии соответствующих навыков использование данной «привилегии» оказывалось достаточно затруднительным. К этому следует добавить по-прежнему довлевший над девушкой контроль со стороны семьи: «батюшка продолжал быть со мною строг... Если мне случалось танцевать с кем-нибудь два раза, то он жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала»⁴⁹. Как видим, в ситуации такого жёсткого «двойного контроля» возможности реализации своей сексуальности для дворянской девушки оставались также весьма ограничены, и её положение после первого «взросления» бала существенно не изменилось.

Но в то же время нельзя забывать, что основным смыслом «вывозов» девушки в свет было её замужество, в связи с чем некоторые послабления для неё, разумеется, делаются. Так, очевидно, нормой считался регламентированный флирт молодых людей в публичном пространстве, осуществлявшийся, в первую очередь, через танцы, бывшие всеобщей социально поощряемой формой времяпрождения дворянства, в особенности дворянской молодёжи⁵⁰. Для нас танцы интересны тем, что при всеобъемлющем и массовом своём распространении, они представляют собой единственную в своём роде легитимную практику близкого тактильного контакта между мужчиной и женщиной: «молодая особы, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который её прижимает к своей груди, который её увлекает с такой стремительностью, что сердце её невольно начинает стучать, а голова идет кругом! Вот что такое этот вальс!»⁵¹ Очевидно, танцы, а особенно столь критикуемый за свою сексуальность вальс, были очень важной составляющей сексуального поведения российской дворянки, являя собой некую «компенсацию» полной непросвещённости и барышни. Исходя из источников, вальс являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи, и ждали его всегда с нетерпением⁵².

Однако этот тактильный флирт, в наибольшей степени возможный именно в вальсе, дополнялся ещё и верbalным – танцы предполагали разговор, причём манера этого разговора регламентировалась и видоизменялась в зависимости от танца: «“мазурочная болтовня” требовала поверхностных, неглубоких тем»⁵³, а вальс создавал соответствующую обстановку «для нежных объяснений»⁵⁴, но эти объяснения делались не столько вербально, сколько письменно, т. к. «соприкосновение рук позволяло переда-

⁴⁸ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 243.

⁴⁹ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Указ. соч.

⁵⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 91.

⁵¹ Жанлис М.Ф. Критический и систематический словарь придворного этикета. Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 95.

⁵² ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.

⁵³ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 96.

⁵⁴ Там же.

вать записки. Вальс танцевали долго, его можно было прерывать, присаживаться и потом снова включаться в очередной тур»⁵⁵.

Очевидно, не меньшую свободу для приватного общения, вербально-го флирта, в рамках публичных «веселостей»⁵⁶ давали и следующие практики: «Зоя сидела возле Веры Яковлевны, князь стоял за нею, прислоняясь к колонне... Они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов посматривали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шалях»⁵⁷; «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклоняясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на неё, маменька самодовольно поправляла свой чепец»⁵⁸. Известная «вольность» подобного общения молодых людей при этом нивелировалась контролем, осуществлявшимся социумом («цензорами в чепцах и шалях») через два основных механизма: общепринятые правила светского поведения и общественное мнение.

Однако даже легитимизированные подобным образом практики флирта, вовлекающие девушку-дворянку, могли восприниматься по-разному её семьёй. В этой связи А.В. Белова выделяет два типа сексуального поведения, возможные для девушки в дворянском обществе: «репрессированная сексуальность»⁵⁹, которая, предполагая максимальный контроль над сексуальным поведением дочери и подавление её сексуальности, имела место в большинстве случаев; и «контролируемая сексуальность», которую можно охарактеризовать как осуществляющее с ведома родителей «кокетство»⁶⁰. То или иное отношение семьи к флирту дочери могло определяться «взглядами» родителей («Кокетство, которое я разрешила Мари (дочери. – О.Л.), было самого невинного свойства...»; письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г.⁶¹), но значительно чаще ключевым фактором в данном вопросе всё же становилась личность избранного девушкой «партнёра» («Кокетство... Мари... относилось к человеку, который был вполне подходящей партией»⁶²).

Следует ещё раз подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной, незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринимается исключительно в контексте брака, ведь «женская жизнь в любом слое “доэмансипированного” общества чётко делилась на добрачную и замужнюю»⁶³, и, соответственно, переход из одной категории в другую являлся чрезвычайно

⁵⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 96.

⁵⁶ Ган Е.А. Указ. соч.

⁵⁷ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵⁸ Ган Е.А. Указ. соч.

⁵⁹ Белова А.В. Указ. соч. С. 279.

⁶⁰ Там же. С. 279–284.

⁶¹ Цит. по: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 284).

⁶² Там же.

⁶³ Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994, № 5. С. 32..

важным событием в жизни российской дворянки. Мужчины, безусловно, также учитывают этот фактор, выстраивая своё поведение с противоположным полом. Так, А.Н. Вульф, «преуспевший» в «волокитстве», отмечает в дневнике, что «связь с женциною гораздо выгоднее, нежели с девушкою»⁶⁴. В связи с этим внимание к барышне со стороны женатого мужчины могло восприниматься двояко. Если он уже перешагнул границу того возраста, которому в дворянском обществе атрибутируется сексуальность, то он характеризуется как старик⁶⁵ – «почтенный»⁶⁶ или «веселый»⁶⁷, возможно даже «весельчак и проказник»⁶⁸, то внимание с его стороны воспринимается лишь как часть светской галантности («Я танцевала с маркизом де Табэ, который мне сказал: “Je suis vieux pour m’intéresser aux femme et à la mode, mais ce sont des yeux que je ne sais pas à Paris!” (“Я стар, чтобы интересоваться женщинами и модой, но таких глаз я не видел и в Париже!” (перевод с фр. издателя. – О.Л.))»⁶⁹) и, по общественному мнению («Маша… была прекрасна, как майский день; молодые люди за нею бегали; старики, глядя на неё, жалели о прошедшей своей молодости»⁷⁰), не может иметь сексуальный подтекст, в противном же случае это могло вызвать крайне негативную реакцию семьи, будь то даже внимание члена императорской семьи.

Любой же другой (неженатый) мужчина, публично проявивший выходящий за рамки обычной светской любезности интерес к барышне, расценивается как потенциальный жених, поэтому сценарий, при котором он не делает ей ожидаемое предложение, может быть воспринят ею и её семьёй достаточно болезненно: «прошло несколько воскресений сряду – и стул подле M-lle Armidine не был уже занят пламенным корнетом. M-lle Armidine была расстроена и смеялась ещё принуждённее, чем прежде»⁷¹: «матерь пишет, что он («г. Плаутин». – О.Л.) получил Тираспольский конный егерский полк, и что тем разрушилась её надежда на замужество сестры… Хотя он и волочился за нею, но я не надеялся на него. Сестра не умеет себя вести и вряд ли когда-либо таким образом найдет порядочного мужа»⁷².

Существенно, что фактором дозволения или запрета флирта становилась приемлемость того или иного мужчины в качестве жениха, ведь расширение границ дозволенного в отношениях молодых людей становилось возможно лишь после помолвки, когда они официально получали статус

⁶⁴ Вульф А.Н. Указ. соч.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Головина В.Н. Указ. соч.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Андреев Н.И. Воспоминания // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Andreev/And-2.htm> (дата обращения: 14.05.2015).

⁶⁹ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 102.

⁷⁰ Погорельский А. Лафертовская маковница // Русская романтическая новелла. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/neizvesten_avtor/russkaya_romanticheskaya_novella/read_1/ (дата обращения: 17.10.2025).

⁷¹ Соллогуб В.А. Большой свет. С. 222.

⁷² Вульф А.Н. Указ. соч. См. также: Соллогуб В.А. Большой свет...

жениха и невесты (что для девушки могло быть возможно только с мужчиной, представляющим «блестящую партию» и потому «способным сделать её счастье»⁷³ – по мнению семьи, разумеется).

Если же брак оказывался невозможным или нежелательным, молодым людям, которые всё равно виделись на светских мероприятиях, не позволяли общаться и танцевать вместе: «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нём»⁷⁴; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль... между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадриль с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала <...> князь не выдержал; он завладел Зоей в глазах советника и... увел её на другой конец залы. И как он был нежен, как был любезен во всю мазурку! Как много говорили глаза его! Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больною и увезла Зою из мазурки, бросив на князя взор раздраженной Юноны»⁷⁵; «... когда, две недели спустя, Надежда Осиповна (бабушка автора по матери. – О.Л.) увидела на бале отца (отца автора, ищущего руки матери автора. – О.Л.), то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур котильона отец сделал с нею тура два. Об этом доложили Надежде Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Мать моя упала в обморок»⁷⁶.

Таким образом, для дворянской девушки флирт, подчинённый матrimониальным соображениям, часто имел мало общего с любовными переживаниями и сексуальностью, как и сам брак, по-прежнему заключающийся по экономическим и социальным мотивам. Причём подобный разрыв между понятиями любви и брака у женщины имел место практически всегда, а браки «по склонности», как правило, были возможны только при так называемом «умыкании» невесты.

Так или иначе, спустя некоторое время после выхода в свет дворянская девушка выдаётся замуж. Формально это событие лишь меняло источник власти, довлевшей над ней, однако в действительности, как уже упоминалось, вступление в брак давало ей ряд значимых преимуществ перед незамужними представительницами дворянского сословия. В первую очередь, она получает доступ к более обширной информации сексуального характера, которая была для неё под запретом до этих пор, – в значительной мере за счёт личного сексуального опыта. Не менее важно, что она, наконец, выходит «из-под прицела родителей и прочих блюстителей нра-

⁷³ Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Сочинения. В 3-х т. М., 1986. Т. 3. Проза. С. 93.

⁷⁴ Жукова М.С. Указ. соч.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Цит по: Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nnraavy_i_byt_pushkinskoi_époque.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

вов»⁷⁷ – тех лиц, которые были заинтересованы в сохранении ею морально-го облика и потому всячески ограничивали её как на уровне цензуры, так и на уровне практик.

Разумеется, отныне таким, лично заинтересованным в «чести» дворян-ки лицом становится её муж, однако, если речь идёт о светской супружеской паре (но в провинции патриархальные взаимоотношения всё ещё сильны даже в среде дворянства: Гонецкий с женой; сестра Водовозовой с мужем⁷⁸), молодой женщине не только было позволительно, но и желательно вести светскую жизнь, что предполагает известную долю свободы и самостоятель-ности от мужа: «я только вышла замуж и очень веселилась»⁷⁹, – пишет А.О. Смирнова-Россет, а из дальнейшего её повествования становится понятно, что «веселилась» она, проводя время порознь со своим мужем⁸⁰.

Отметим, что принадлежность к «свету» требует как от мужчины, так и от женщины известной непринуждённости, раскованности – не только в собственном поведении, но и в отношениях с противоположным полом. Такая игривость, своего рода «лёгкий флирт», осуществляемый всеми женщинами и всеми мужчинами по отношению друг к другу⁸¹, считался не только допустимым, но был признаком хорошего тона, разумеется, в чётко очерченных рамках, ограниченных для обоих полов. Так, более опытная губернаторша между делом замечает Николаю Ростову, что он «слишком» ухаживает за «за той, за белокурой» для человека, который собирается же-ниться на княжне Болконской⁸².

Итак, поведенческие модели в российском дворянском обществе были совершенно различными для женщины и мужчины. Это определялось разницей в воспитании и границах дозволенного, которые для мужчины были значительно шире, чем для женщины. Особенно жёсткому контролю и надзору подвергались незамужние представительницы дворянского со-словия. Совершенно иначе, чем у дворянских юношей, у них обстояли дела с доступом к информации о межполовом общении и, собственно, к обще-нию с противоположным полом. Это было связано с категорией «чести», также имевшей существенную гендерную специфику. Если для мужчины честь – это его качества и заслуги (иногда, возможно, и любовные победы, донжуанство в кругу друзей, но ни в одном из нравоучительных сборников понятие мужской чести не трактовалось как тема верности избраннице, скорее, наоборот), для женщины же честь подразумевала под собой уме-ние контролировать собственную сексуальность, соблюдая целомудрие до брака и верность супругу в браке. При этом система запретов и огра-ничений, безусловно, распространялась и на мужчин (одним из важней-ших «регуляторов» их нормативного поведения служил институт дуэли),

⁷⁷ Белова А.В. Указ. соч. С. 280.

⁷⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁷⁹ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Жукова М.С. Указ. соч.

⁸² Толстой Л.Н. Война и мир. Том четвёртый // Собр. соч. 1981. Т. 7. С. 213–214.

однако, если для мужчины модель социально одобряемого поведения была неизменной на протяжении жизни, то для женщины ключевым событием, менявшим не только её социальный статус, но и границы дозволенного, было вступление в брак. После сватовства, а затем замужества всесторонний контроль за поведением дворянки ослабевал, однако модель её поведения трансформировалась не существенно, поскольку ценностные установки и социально одобряемые модели поведения формировали жёсткую систему внутренних запретов и самоограничений.

Список литературы:

1. Алексеева Е.А. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007.
2. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.
3. Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.09.2021).
4. Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. М., 1990.
5. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ., 1995. 464 с.
6. Кошелев А.В. «Я пишу без всякого порядка...» (А.О. Смирнова-Россет и её воспоминания) // Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011. С. 5–24.
7. Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994, № 5. С. 28–34.
8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 2006.
9. Пушкарева Н.Л. Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. Осень, 2006. С. 23.
10. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. <http://womentation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 28.09.2021).
11. Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (Х–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3–18.
12. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.
13. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.09.2021).

Об авторе:

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия).

сия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail:
olglisitsyna@yandex.ru

Norms of Interaction between Men and Women in Russian Noble Culture of the Late 18th – Mid-19th Centuries

O.I. Lisitsyna

Tver State University, Tver, Russia

Drawing on a wide range of literary sources, moral literature, and personal accounts, this article explores the specific behavioral norms of Russian noblemen and noblewomen. While it touches on discursive differences between "male" and "female" writing, the primary focus is on behavioral differences. These are examined through a comparison of the upbringing of girls and boys, as well as an analysis of the concept of "honor," which was central to the Russian noble ethos. The article investigates the interactions between noble men and women and the system of social norms that governed them in the Russian Empire from the late 18th to the mid-19th century.

Keywords: *code of conduct, honor, mentality, women's history, ego-documents, Russian empire, traditional gender order.*

About the author:

LISITSYNA Ol'ga Igorevna – The Candidate of History, The Department of General History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatsky str., 16/31), e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

References:

- Alekseeva E.A. *Diffuziya evropejskikh innovacij v Rossii (XVIII – nachalo XX vv.). Avtoref. dokt. diss. Ekaterinburg, 2007.*
- Belova A.V. «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *Povsednevnaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* SPb., 2010.
- Gordin Ya.A. *Dueli i duelyanty: Panorama stolichnoj zhizni* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (data obrashcheniya: 27.09.2025).
- Guber P.K. *Donzhuanskij spisok A.S. Pushkina.* M., 1990.
- Kon I.S. *Seksual'naya kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke.* M.: OGI., 1995. – 464 s.
- Koshelev A.V. «*Ya pishu bez vsyakogo poryadka...*» (A.O. Smirnova-Rosset i eyo vospominaniya), *Smirnova-Rosset A.O. Vospominaniya.* SPb., 2011. S. 5–24.
- Listova T.A. *Po povodu stat'i T.B. Shchepanskoy «Mir i mif materinstva», Etnograficheskoe obozrenie.* 1994, № 5. S. 28–34.
- Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka).* SPb.: Iskusstvo – SPb, 2006.

- Pushkareva N.L. *Lev Tolstoj kak zerkalo russkogo seksa* // Seks i my. Osen', 2006. S. 23.
- Pushkareva N.L. *Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX v.* [Elektronnyj resurs]. <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (data obrashcheniya: 28.09.2025).
- Pushkareva N.L. *Seksual'nost' v chastnoj zhizni russkoj zhenshchiny (X–XX vv.): vliyanie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernyh poryadkov, Zhenshchina v rossijskom obshchestve.* 2008. № 2 (47). S. 3–18.
- Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny v XVIII stoletii.* M., 2012.
- Solodyankina O.Yu. *Inostrannye guvernantki i ih rol' v formirovaniis usadebnoj kul'tury.* [Elektronnyj resurs]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (data obrashcheniya: 29.09.2025).

Статья поступила в редакцию 01.10.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 61(091)(470+571).084.3
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.070–084

Вклад М.К. Тенишевой в организацию частных лазаретов в Смоленской губернии во время Первой мировой войны¹

Н.А. Мицюк

ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Россия

В статье освещается малоизвестная страница в деятельности российской просветительницы М.К. Тенишевой, связанная с организацией медико-социальной помощи в прифронтовом регионе в условиях Первой мировой войны. Ключевыми источниками явились документы Государственного архива Смоленской области, а также материалы периодической печати военного времени. Применение подходов женской и повседневной истории позволило сделать вывод о меняющихся социальных ролях женщин, складывании новых практик в условиях военного времени. М.К. Тенишева, используя многочисленные социальные, трудовые и финансовые ресурсы, не только открыла в городе первые военные госпитали, но и сформировала медико-социальную службу, включавшую услуги скорой медицинской помощи и первого в городе рентгенкабинета, ею были привлечены лучшие столичные врачи. Лазарет М.К. Тенишевой был удостоен посещения императора.

Ключевые слова: Первая мировая война, М.К. Тенишева, частные лазареты, женщины в Первой мировой войне.

В современных условиях поиска оптимальной модели взаимодействия государства и общества в организации медико-социальной помощи в условиях военных конфликтов изучение опыта функционирования частных лазаретов времен Первой мировой войны представляется актуальной темой. Вовлечение в научный оборот новых источников, связанных с повседневной жизнью населения в военное время, вносит вклад в коммеморацию памяти не только участников военных событий, но и женщин, активно вовлекавшихся в различные формы социального служения и организацию помощи армейским подразделениям и раненым воинам. За последние два десятилетия значительно возросло число исследований о роли женщин в условиях Первой мировой войны. Получили отражение такие сюжеты, как участие в патриотическом и благотворительном движении, женская служба

¹ Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

в качестве сестер милосердия, трансформация женской повседневности². Историки медицины обратили внимание на вклад горожан в организацию медико-санитарного обеспечения в российских регионах в условия Первой мировой³.

Применение подходов социальной и повседневной истории, социальной истории медицины и женской истории в освещении данных сюжетов позволяет выйти за рамки описания алгоритмов открытия медицинских учреждений, фокусируясь на трансформации женской повседневности и появлении новых форм социальной идентичности⁴. В связи с этим основная цель публикации – раскрыть женский вклад в организацию медико-социальной службы в российских регионах в период Первой мировой войны. Исследовательский фокус направлен на изучение роли М.К Тенишевой в открытии в Смоленской губернии частных военных госпиталей. Мария Клавдиевна Тенишева – известная меценатка и просветительница, чья деятельность была направлена на возрождение русских народных промыслов, создание центра притяжения значимых художников и мыслителей в организованные ею в Смоленской губернии художественно-промышленные мастерские. В то же время страница её деятельности, связанная с благотворительным движением в условиях Первой мировой войны, остается слабо изученной. В своих воспоминаниях М.К. Тенишева крайне скромно и лаконично описала собственные заслуги в организации медико-социальной

² Hubertus J.F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London: Cornell University Press, 1995; Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – нач. XX в. Тамбов, 2004; Пушкирева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей низших чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 3. № 2. С. 147–162; Stoff L. Russia's Sisters of Mercy and the Great War: more than binding men's wounds. Lawrence: University of Kansas, 2015; Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277; Поршинева О.С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 2. С. 21–31.

³ Бринюк Н.Ю., Будко А.А. «Русскую армию спасал Николай-угодник...». Проблемы медицинского обеспечения русских войск в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 3–9; Ярошенко А.А., Шок Н.П. Медицина в годы первой мировой войны: комиссия по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения русской армии (1915–1917 гг.) // История медицины. 2018. Т. 5. № 3. С. 245–258; Крайнюков П.Е., Абашин В.Г. Воронежская николаевская община сестер милосердия и медицинские учреждения Воронежа в событиях Первой мировой войны // Известия Российской военно-медицинской академии. 2018. Т. 37. № 1. С. 63–70; Киценко Р.Н., Киценко О.С. Земская благотворительность в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской губернии) // ЭНОЖ «История». 2021. Т. 12. № 2 (100).

⁴ Пушкирева Н.Л., Мицюк Н.А. Медико-социальная помощь россиянок Смоленской губернии фронтовикам Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (69). С. 104–112.

службы в условиях военного времени. Данная тема способна не только дополнить историю повседневной жизни военного времени, но и восполнить «пробелы» в репрезентации женского участия во время военных конфликтов. Обращение к данной теме усложняет понимание войны, а также последствий военных конфликтов для отдельных категорий населения.

Новизна работы состоит в том числе во введении в научный оборот новых архивных документов Государственного архива Смоленской области (ГАСО). Были привлечены фонды Смоленского губернского правления (Ф. 2. Оп. 101), Всероссийского земского союза (Ф. 369), городских госпиталей и лазаретов (Ф. 168, Ф. 864, Ф. 1058, Ф. 1055, Ф. 420, Ф. 90), а также периодическая печать (выпуски газеты «Смоленский вестник» за 1914–1917 гг.) и автодокументальные источники.

Географическая локация исследования имеет особое значение, так как Смоленская губерния – один из первых регионов, в котором стала разворачиваться мобилизация, сюда направлялись раненые и беженцы, стягивалось большое число медицинских кадров. В прифронтовой Смоленской губернии базировались одни из основных тыловых баз Западного фронта. Кроме того, Смоленская губерния являлась регионом с функционированием типичных земских и городских медицинских учреждений, что позволяет увидеть, каким образом перестраивалась гражданская медицинская инфраструктура под нужды военного времени.

Женский патриотизм в регионах Первой мировой войны. С началом Первой мировой войны и вступлением в неё России 1 августа 1914 г. (здесь и далее даты приведены по новому стилю) Смоленская губерния оказалась в эпицентре прифронтовой жизни. В губернии стали реализовываться экстренные меры по подготовке к военному времени. В самом Смоленске дислоцировался 13-й армейский корпус, возглавляемый генералом М.В. Алексеевым. Корпус состоял из Софийского, 3-го Нарвского и 4-го Копорского полков⁵. В Смоленск направлялось значительное число раненых и беженцев, так как здесь находилась важная железнодорожная развязка⁶. Медико-социальная помощь в губернии реализовывалась с участием государственных и частных учреждений. Органы городской и земской медицины не могли справиться с возникшим широким кругом задач по оказанию медицинской помощи населению, раненым и беженцам. В связи с этим ключевую роль играли общественные учреждения – благотворительные организации, комитеты, общества, деятельность которых была организована преимущественно на частные пожертвования. В Смоленской губернии, как и в других близких к фронту территориях, на протяжении 1914 г. разворачивали деятельность общероссийские общественные благотворительные учреждения, значительная часть которых была направлена на реализацию медико-социальной работы.

⁵ Смоленская губерния в Первой мировой войне / ред. Ю.Н. Шорин, Л.Л. Степченков. Смоленск, 2016.

⁶ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–5; Д. 2. Л. 1–3.

Первая Мировая война вызвала небывалый всплеск женского патриотизма в различных социальных группах и прослойках населения (см.: Мицюк Н.А. «Вера, Надежда, Любовь». Патриотизм смолянок в условиях военного времени дореволюционной России // Родина. 2013. № 9. С. 92–96) Независимо от социального статуса для многих женщин патриотическое служение стало выражением их идентичности и деятельностного участия в условиях экстремальной повседневности. Военная повседневность кардинально трансформировала женские социальные роли, наблюдался процесс поиска новых форм идентичности и самовыражения. Если в условиях прежних военных конфликтов женщины преимущественно принимали участие в сборе пожертвований для военных и их семей, записывались в корпус сестер милосердия, то в Первую мировую войну горожанки стали активно выступать в роли организаторов, администраторов, самостоятельно принимая решения, координируя деятельность различных социальных служб. В условиях военной повседневности женщины «изобретали» новые культурные традиции, вызванные стремительными изменениями повседневной жизни, складыванием общих женских практик, которые символизировали их активную жизненную позицию и адаптацию к быстро меняющейся социальной реальности.

Среди общероссийских женских организаций в Смоленске действовали местные отделения Общины сестер милосердия Российского общества Красного креста (РОКК); отделения Зеленого Креста, возглавляемого великой княгиней Милицей Николаевной; отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий; отделение комитета великой княгини Марии Павловны по снабжению воинов теплой одеждой; отделение комитета княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Никогда ранее на страницах местных газет так часто не упоминались женские фамилии. Смолянки принимали активное участие в открытии госпиталей, лазаретов, самоотверженно проводили сбор средств, организовывали пошив одежды, осуществляли встречу и транспортировку раненых. Образованный Временный комитет Красного Креста по организации в г. Смоленске помощи раненым возглавила видная в губернии дама, супруга генерала А.Н. Алексеева. Благодаря ей в короткие сроки при Комитете был открыт лазaret. Анна Николаевна обратилась к императрице Александре Федоровне с просьбой именовать госпиталь, открытый при Временном комитете, «госпиталем имени наследника Цесаревича». Её деятельность была удостоена вниманием самой императрицы, которая направила в адрес А.Н. Алексеевой телеграмму с благодарностью: «Искренне благодарю Вас, членов Временного Комитета и раненых воинов... за молитвы и поздравления по случаю Тезоименитства Наследника Цесаревича. С удовольствием даю согласие, при соизволении на то Государя Императора, на присвоение госпиталю имени Наследника Цесаревича».

ча»⁷. Смоленскую общину сестер милосердия Красного Креста самоотверженно возглавляла дворянка О.А. Вонлярлярская. В состав Общины входили именитые дамы губернии, аристократки по происхождению. В уездах стали возникать дамские комитеты и кружки по сбору средств, одежды и продуктов для действующей армии. Многие из женщин посвящали себя служению в качестве сестер милосердия, уходили на фронт боевых действий. В женских учебных заведениях были организованы пошив одежды для военных; сбор вещей, продуктов и пожертвований денежных средств на нужды армии.

Женщины активно включались в развёртывание медико-социальной помощи. Члены Временного комитета по организации в городе Смоленске помощи раненым при местном управлении Красного Креста принимали непосредственное участие в организации приема раненых на вокзале и их продовольственном снабжении. Из членов комитета председательница комитета А.Н. Алексеева установила регулярные дежурства на вокзале. Комитет открыл собственный продовольственный пункт на вокзале, из которого выделялись продукты всем прибывающим и проезжающим раненым⁸.

«С первого дня объявления войны... я решила устроить в Смоленске лазарет»: инициативы М.К. Тенишевой в организации частных лазаретов. Одним из основных направлений медико-социальной работы земских, городских и общественных организаций было открытие лазаретов, госпиталей. При Смоленской губернской больнице земством был учреждён лазарет на 60 коек для тяжелораненых⁹. Раненые поступали также в Смоленский военный госпиталь. Но вскоре лазареты были переполнены, всталась острая необходимость открытия новых госпиталей. Эта задача была выполнена благодаря общественным организациям. Именно они взяли на себя основную работу по открытию, оснащению госпиталей и транспортировке в них раненых. В первые месяцы войны были открыты лазарет отделения Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (возглавил председатель губернской земской управы А.М. Тухачевский), лазареты смоленского отделения Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского городского союза (ВГС)¹⁰.

Действующие лазареты принадлежали не только государственным органам власти и общественным организациям, но и частным лицам. М.К. Тенишева, охваченная патриотическим подъемом, предоставила в Петербурге свой дом на Английской набережной в пользовании военных, а в Смоленской губернии одной из первых основала частные лазареты. Спустя 5 дней после начала войны, 6 августа 1914 г., в собственном имении близ Смоленска в с. Талашкино она организовала лазарет на 25 коек для прибывающих раненых смолян¹¹. М.К. Тенишева не только первой из частных лиц основа-

⁷ Высочайшая телеграмма // Смоленский вестник. 1914. № 239. С. 3.

⁸ Раненый. Из дневника раненого офицера // Смоленский вестник. 1914. № 198. С. 3.

⁹ ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–боб.

¹⁰ Там же. Д. 1.

¹¹ Местная хроника // Смоленский вестник. 1914. № 164. С. 2.

ла в губернии лазарет, но и опередила в своем начинании городские, губернские власти и общественные организации. В частности, военный лазарет в губернской земской больнице был открыт только 9 августа 1914 г.

Следует отметить, что сфера медицинского призвания была знакома княгине, но её прежняя роль ограничивалась занятием попечительских должностей и перечислением пожертвований. С 1899 г. она являлась почётным членом Смоленского благотворительного общества, учредившим бесплатную лечебницу для приходящих больных, отделение для бедных рожениц. М.К. Тенишева многие годы материально поддерживала Благотворительное общество при смоленской земской уездной больнице, на свои средства содержала сельскую амбулаторию в имении Талашкино. В годы русско-японской войны она основала в своём имении лазарет для раненых, который вследствии стал больницей для крестьян. В первые же дни войны М.К. Тенишева вошла в состав Смоленского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Во многом ее стараниями в кратчайшие сроки была организована заготовка лазаретного инвентаря и перевязочных средств, шитье белья для нужд госпиталей¹².

Осознавая нехватку лазаретов и госпиталей для прибывающих раненых, 12 августа 1914 г. М.К. Тенишева совместно со своей подругой Е.К. Святополк-Четвертинской в самом центре г. Смоленска в собственном доме в помещении смоленского отделения Московского археологического института открыли второй лазарет под флагом «Зеленого креста» и покровительством комитета великой княгини Милицы Николаевны¹³. В своих воспоминаниях М.К. Тенишева писала: «С первого дня объявления войны... я решила устроить в Смоленске лазарет... Мне удалось узнать о начале войны ещё за два дня до официального её объявления. Я тот час же телеграфировала одному хорошему знакомому, петербургскому врачу, чтобы он купил для меня все необходимое оборудование для лазарета... Спустя неделю лазарет уже был устроен, и 12 августа прибыла туда первая партия раненых»¹⁴.

О значимости события свидетельствует присутствие на открытии лазарета самого губернатора. Новость об этом событии была опубликована в местной периодической печати. В частности, в газете «Смоленский вестник» сообщалось: «Вчера в 4 часа дня состоялось освящение оборудованного княгиней М.К. Тенишевой лазарета. Чин освящения совершил епископ Феодосий. На освящении присутствовали: губернатор Д.Д. Кобенко, вице-губернатор В.Ю. Фере, начальник запасной бригады А.Н. Токмачев, Алексеева, правитель канцелярии губернатора Н.Ф. Яблонский, полицмейстер В.А. Семенов»¹⁵. При открытии лазарета в Смоленске в него поступи-

¹² Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Вып. 1. Ноябрь 1914. Смоленск, 1914. С. 10.

¹³ Лазарет княгини М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 184. С. 2; Лазарет княгини М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 267. С. 3.

¹⁴ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Ленинград, 1991.

¹⁵ Объявление // Смоленский вестник. 23 августа. 1914.

ли 6 раненых, но уже спустя несколько недель лазарет был заполнен, в нем разместились более 24 раненых¹⁶. В лазарет привозили «особо тяжелых больных... у одного пуля переломила кость руки, у другого прошла в теле около позвоночника»¹⁷.

Новой практикой для женщин-благотворительниц явилось не только финансирование социальных учреждений, но и активное участие в их непосредственной работе. М.К. Тенишева скрупулезно подходила к организации медицинской части госпиталя, просчитывая оптимальные пути снабжения новейшими техническими средствами, самостоятельно изыскивая квалифицированные кадры. Она активно использовала свои социальные связи, переписываясь с организаторами госпиталей в Москве, с принимающими решения чиновниками и известными врачами. Не имея медицинского образования, она взяла на себя роль заведующей лазаретами, для того чтобы не упустить ни малейших деталей в функционировании учреждения и сделать работу госпиталя максимально эффективной. Для удобства работы М.К. Тенишева поселилась на верхних этажах организованного в Смоленске лазарета, это давало ей возможность контролировать все рабочие процессы и в кратчайшие сроки реагировать на любые нужды лазарета.

Сохранившиеся архивные материалы позволяют раскрыть особенности внутренней организации лазаретов, специфику медицинского обслуживания и основные проблемы, с которыми сталкивались содержатели подобных учреждений.

«... делают все, что только в силах»: женское участие в организации медицинской части лазаретов. Открытый в Смоленске лазарет размещался на первом этаже двухэтажного особняка, располагавшегося в самом центре города. Первоначально он вмещал 20 коек, но в дальнейшем количество мест было увеличено. Согласно замыслу основательницы, лазарет состоял из двух палат, по 10 коек в каждой. В прессе указывалось на то, что лазарет был оборудован и обеспечен всем необходимым. В одном из номеров «Смоленского вестника» корреспондент отмечал: «Комната очень просторны. Много свету вливается в многочисленные окна. Лучи солнца играют на покрытых масляной краской стенах... Везде идеальная чистота»¹⁸. При входе в лазарет находились комната фельдшерицы и ванная, куда направлялись прибывавшие раненые воины. В отдельной комнате разместилась операционная, а также место для приготовления материалов. Операционная была оснащена современными медицинскими инструментами, которые были приобретены на средства М.К. Тенишевой. Извлечённые осколки из тел раненых было решено оставлять в лазарете для будущего музея, который, по замыслу врачей и основательницы, напоминал бы о трагедиях войны¹⁹.

¹⁶ Сведения о числе раненых в Смоленских лазаретах // Смоленский вестник. 1914. № 266. С. 2.

¹⁷ В лазарете княгине М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 187. С. 2–3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Мария Клавдиевна, осознавая важность передовой техники в эффективном лечении тяжелораненых, выступила с крайне важной инициативой для лечебных учреждений города – необходимостью покупки рентгеновского аппарата и обустройства первого в городе рентгеновского кабинета. Открытие кабинета было чрезвычайно дорогой задумкой, поэтому М.К. Тенишева организовала сбор пожертвований. Самым крупным стал взнос самой княгини – 1500 руб., 500 руб. удалось получить от смоленского губернского земства и 500 рублей от В.А. Хлудовой, жены известного промышленника. Всего была собрана сумма в 3200 руб. Рентгеновский кабинет был открыт в конце сентября в помещении лазарета М.К. Тенишевой²⁰.

Следует отметить, что приобретённый ею аппарат был диковинкой для смоленских больниц и госпиталей. Основанный М.К. Тенишевой рентгеновский кабинет служил делу выздоровления раненых солдат. Снимки изготавливались для городских лазаретов, команд выздоравливающих в Смоленске и воинских частей, расположенных в Смоленске и Рославле. Уже в октябре 1914 г. было сделано 105 снимков. С 1 января по 1 ноября 1915 г. через кабинет прошло 1942 пострадавших, было сделано 558 рентгеноскопий и 1849 рентгенограмм (наименьшее число больных было в январе – 132, наибольшее – в сентябре – 288). В своих воспоминаниях М.К. Тенишева указывала, что в общей сложности было сделано около 3000 снимков с ранеными других лазаретов и госпиталей Смоленска.

Медицинский персонал лазаретов формировался при непосредственном участии княгини. Нехватка хирургов, среди которых в подавляющем большинстве были мужчины, приводила к привлечению женщин-хирургов, к которым прежде медицинское сообщество относилось скептически. На должность хирурга, по рекомендации столичного профессора хирурга Г.Ф. Цейдлера (он также занимался устройством госпиталей в столице), М.К. Тенишева пригласила одну из лучших его учениц Нину Виссарионовну Сергиевскую, что само по себе было смелым поступком, так как в то время в провинции всё ещё с предубеждением смотрели на женщины-врачей, особенно хирургов. Н.В. Сергиевская в 1912 г. закончила Петроградский женский медицинский институт и получила специальность хирурга²¹. В помощники ей был определён студент Московского университета – Александр Генрихович Гржбовский, который специализировался на проведении рентгена и был единственным в городе специалистом в данной области. После того, как в ноябре 1914 г. А.Г. Гржбовского призвали в действующую армию «зауряд-врачом» «в деле рентгенирования раненых Смоленским лазаретам пришлось переживать тревожные дни»²². М.К. Тенишева лично обращалась к верховному начальнику санитарно-эвакуационной части Е.И.В. принцу А.П. Ольденбургскому с просьбой ос-

²⁰ Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. С. 10.

²¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 667. Л. 1.

²² Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Вып. 2. Январь 1915. Смоленск, 1915. С. 18.

тавить врача в Смоленске. Ей удалось добиться того, что А.Г. Гржбовский был откомандирован в Смоленск, и он продолжил работу в рентгеновском кабинете. Обязанности сестёр милосердия взяли на себя ученицы старших классов гимназий. Сёстры милосердия кормили особо слабых раненых, писали за них письма. В лазарете несли службу не только врачи, сестры милосердия, фельдшерицы, но и женщины, не имевшие отношения к медицине. В частности, ежедневно посещала раненых в лазарете М.К. Тенишевой генеральша Ю.А. Пестич. Она беседовала с ранеными, читала им газеты, сводки с полей сражений.

М.К. Тенишева, имея в своём подчинении два лазарета, решила разграничить их сферы деятельности, выделяя их специализации. Лазарет в Смоленске она отвела исключительно для тяжелобольных, в то время как лазарет в с. Талашкино определила для «выздоравливающих» и слабо раненых.

Одной из проблем в функционировании лазаретов была доставка раненых от железнодорожной станции. Снятие больных и раненых с санитарных поездов и их дальнейшая эвакуация производились на круглосуточном при железнодорожной дороге перевязочном пункте Всероссийского земского союза. Здесь воины сортировались и после оказания необходимой медицинской помощи распределялись по смоленским лазаретам. Однако в первый год войны в губернии не был наложен процесс транспортировки раненых. От станции военных доставляли на случайных повозках, выделенных теми или иными органами местной власти, общественными организациями или частными лицами. Свою технику предоставило пожарное общество, в транспорте которого перевозили тяжелораненых. Случалось так, что легкораненые шли до лазаретов пешком²³. Позже помочь стало оказывать трамвайное предприятие, выделив для этой цели специальные трамваи.

М.К. Тенишева совершила гражданский подвиг, переоборудовав собственный автомобиль и предоставив его для транспортировки раненых. Автомобиль для провинциального города был редкостью, к тому же известно, что её автомобиль был чрезвычайно дорогостоящим. М.К. Тенишева указывала, что за 13 месяцев на автомобиле было перевезено более чем 600 раненых не только в организованный ею лазарет, но и другие лазареты и госпитали города. Она наладила своего рода службу доставки раненых, по любому звонку направляя авто на вокзал или в другие лазареты для доставки больных в рентгеновский кабинет. Кроме всего прочего М.К. Тенишева обустроила салон своего автомобиля так, что он стал единственным в городе, приспособленным для транспортировки лежачих больных, что фактически делало его «каретой скорой медицинской помощи». Княгиня, в связи с острой потребностью города в транспорте, отказалась от езды на автомобиле по личным вопросам, ради общественной пользы.

М.К. Тенишева не только организовывала лазарет, но принимала самое непосредственное участие в повседневной жизни раненых солдат и офицеров. Корреспондент, прибывший в лазарет, описывает, как она само-

²³ Раненые // Смоленский вестник. 1914. № 236. С. 3.

стоятельно совершила обход, подходя к наиболее тяжёлым больным, успокаивая их и поднимая им дух: «Голос раненого становился все более прерывистым. Рука княгини М.К. Тенишевой ласково опускается ему на лоб... Княгиня просит отдохнуть раненого»²⁴. С ранеными, независимо от происхождения, социального статуса общались на равных, чрезвычайно внимательно и обходительно.

Первоначально предполагалось, что в лазареты будут направлять исключительно раненых смолян, но уже в первые недели функционирования среди раненых лазарета оказались люди различных национальностей: русские, с восточным происхождением, литовцы, из разных уголков России – Ставропольской, Воронежской, Кутаиской, Тамбовской, Тульской губерний²⁵. Очевидец отмечал: «Помогают во всем, делают все, что только в силах, чтобы окрасить тяжелые дни... Эти старания, эта заботливость создают такую живительную атмосферу для раненых»²⁶.

Вероятно, именно благоустроенность и тёплая атмосфера лазарета повлияли на тот факт, что по прибытии в Смоленск 20 ноября 1914 г., Николаю II «угодно было» посетить единственный частный лазарет, принадлежавший княгине. М.К. Тенишева вместе с хирургом Н.В. Сергиевской встречала императора на крыльце лазарета. Она проводила государя в палаты лазарета, где он беседовал с ранеными, «останавливаясь у постели каждого больного и подробно расспрашивая о месте, где последний был ранен и о ходе его болезни»²⁷. Император посетил операционную, где осматривал рентгеновские снимки пациентов и осколки снарядов, извлечённых у раненых. После обхода Николай II собственноручно наградил медалями на Георгиевской ленте 13 офицеров и солдат лазарета. Сама М.К. Тенишева об этом событии вспоминала: «Его (лазарет. – Н.М.) посетил Государь и остался им очень доволен, выразив мне свою благодарность»²⁸.

За всё время своего существования в тенишевском лазарете была оказана помощь пяти офицерам и 209-ти нижним чинам; не было отмечено ни одного летального исхода. Всего больными и ранеными было проведено в стенах госпиталя 8030 дней, процент использования коек составил 85,2 %.

Инициативы М.К. Тенишевой были поддержаны общественностью губернии. М.К. Тенишева принимала участие в открытии других частных лазаретов в Смоленске. Известно, что она оказывала помощь своему давнему другу и единомышленнику по собирательской деятельности А.И. Успенскому, директору императорского Московского археологического института, при открытии им в Смоленске лазарета под эгидой Зеленого креста. В частности, М.К. Тенишева помогала специалистами, на-

²⁴ В лазарете княгини М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 187. С. 2–3.

²⁵ Лазарет княгини М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 184. С. 2.

²⁶ В лазарете княгини М.К. Тенишевой . С. 2–3.

²⁷ Пребывание государя императора в Смоленск // Смоленский вестник. 1914. № 284.

С. 1.

²⁸ Тенишева М.К. Указ. соч.

правляя врача-хирурга своего лазарета Н.В. Сергиевскую в основанный госпиталь Зеленого креста²⁹.

По примеру М.К. Тенишевой в губернии стали появляться лазареты, принадлежавшие частным лицам. Значительная часть лазаретов была открыта на средства благотворителей, зачастую в имениях, усадьбах, в собственных домах и принадлежавших им зданиям (см. табл.). В 1914 г. в Смоленской функционировали 8 частных лазаретов, среди которых два принадлежали М.К. Тенишевой, а также лазарет на «даче» Н.Н. Лопатина по Рославльскому шоссе, в имении «Дугино» князя А.Н. Мещерского, в усадьбе «Николаевское» дворянина А.А. Синягина, в имениях М.И. Синягиной и В.В. Букина Духовщинского уезда, один лазарет был основан «Товариществом Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А.И. Хлудова»³⁰.

Частные лазареты в Смоленской губернии в 1914–1918 гг.

Лазарет	Численность раненых и больных	Месторасположение
Княгини М.К. Тенишевой (1-й)	18	Смоленск
Княгини М.К. Тенишевой (2-й)	214	Талашкино, Смоленский уезд
Н.Н. Лопатина	Нет данных	Смоленский уезд
М.И. Синягина	54	Духовщинский уезд
И.А. Герн	Нет данных	С. Морево Духовщинского уезда
А.Н. Мещерского, лазарет «Дугино»	533	Сычевский уезд
М.С. Синягина А.А. Синягин	121	Имение Никольское, Сычевский уезд
А.В. Попова	39	Гжатский уезд
В.П. Муромцов	77	Гжатский уезд
В.В. Букин	Нет данных	Духовщинский уезд

Несмотря на значительное число открывшихся лазаретов, в том числе частных, действующих не только в больницах, но и в учебных заведениях, ощущалась острая нехватка свободных больничных коек. Это привело к тому, что власти обращались к населению с просьбой разместить раненых в собственных домах³¹. Архивные документы свидетельствуют, что в 1914–1915 гг. население даже среднего достатка обращалось в комитеты с предложением в принадлежавших им комнатах открыть «кровати» для раненых³².

²⁹ В лазарете княгине М.К. Тенишевой // Смоленский вестник. 1914. № 187. С. 2–3.

³⁰ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 334–335; Ф. 1205. Оп. 1. Д. 1; Новиков А. Лопатинский лазарет // Смоленский вестник. 1914. № 306. С. 2–3; Лазареты в Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1914. № 254. С. 3; Сычевка (Лазареты) // Смоленский вестник. 1914. № 253. С. 4.

³¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 689. Л. 80.

³² Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 7. 1914. Л. 1–20.

В сентябре 1915 г. ввиду приближения вражеских войск лазарет М.К. Тенишевой был закрыт, её дом перешёл в пользование авиационного штаба великого князя Александра Михайловича. Это событие явилось ударом для М.К. Тенишевой, она писала: «То, что меня духовно поддерживало в течение этих тринадцати месяцев войны, безжалостно и сразу было вырвано из моих рук. Я вдруг и сразу окунулась во все ужасы общего раз渲ла»³³. С закрытием лазарета М.К. Тенишева покинула Смоленск.

Подводя итоги, следует заметить, что в условиях Первой мировой войны получила широкое распространение частная инициатива в формировании медико-санитарной службы в прифронтовой губернии. Наряду с государственными госпиталями организовывались лазареты, принадлежавшие частным лицам. Это демонстрирует наличие широких форм гражданского участия населения России в первые годы войны и сосуществование различных моделей социальной помощи. В условиях военной мобилизации мужской части населения, вовлечение их в процессы милитаризации повседневной жизни горожан, именно женщины принимали активное участие в решении вопросов, связанных с обеспечением социально-медицинской помощи в регионе. Их вклад выражался не только в осуществлении благотворительных сборов, но и в активной организаторской работе. Архивные материалы показывают, что М.К. Тенишева, являясь известной просветительницей, принимала активное участие в формировании системы медицинских служб в условиях Первой мировой войны. Ею были использованы новейшие технологические достижения и логистические решения при открытии медицинских учреждений для раненых и выздоравливающих воинов. Она проявила невероятные организаторские способности, в короткие сроки основав частный лазарет, оснащённый новейшим оборудованием. В обстановке повышенной неопределенности, мало разбираясь в вопросах функционирования медицинских учреждений, она смогла наладить деятельность лазаретов, пригласить лучших специалистов, открыть первый в городе рентгеновский кабинет. Инициативы М.К. Тенишевой, её деятельностное участие явились вдохновляющим примером для других жителей губернии, что позволило сформировать сеть частных лазаретов и госпиталей в губернии, внесших серьёзный вклад в обеспечение медико-социальной помощи раненым воинам. Важно также отметить, что различные формы женского участия в условиях военного времени были способами их адаптации, позволявшими находить смыслы и мотивацию в быстро меняющихся условиях экстремальной повседневности.

Список литературы

1. Бринюк Н.Ю., Будко А.А. «Русскую армию спасал Николай-угодник...». Проблемы медицинского обеспечения русских войск в годы первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 3–9.

³³ Тенишева М.К. Указ. соч.

2. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. – 266 с.
3. Киценко Р.Н., Киценко О.С. Земская благотворительность в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской губернии) // ЭНОЖ «История». 2021. Т. 12. № 2 (100).
4. Крайнюков П.Е., Абашин В.Г. Воронежская николаевская община сестер милосердия и медицинские учреждения Воронежа в событиях Первой мировой войны // Известия Российской военно-медицинской академии. 2018. Т. 37. № 1. С. 63–70.
5. Поршинева О.С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 2. С. 21–31.
6. Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А., Медико-социальная помощь россиянок Смоленской губернии фронтовикам Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 104–112.
7. Пушкарёва Н.Л., Щербинин П.П. Организация признания семей низших чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 3. № 2. С. 147–162.
8. Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277.
9. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII–нач. XX в. Тамбов: Юлис, 2004. – 507 с.
10. Ярошенко А.А., Шок Н.П. Медицина в годы первой мировой войны: комиссия по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения русской армии (1915–1917 гг.) // История медицины. 2018. Т. 5. № 3. С. 245–258.
11. Hubertus J.F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London: Cornell University Press, 1995. – 229 p.
12. Stoff L. Russia's Sisters of Mercy and the Great War: more than binding men's wounds. Lawrence: University of Kansas, 2015. – 375 p.

Об авторе:

МИЦЮК Наталья Александровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая», РАН, (Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а), e-mail: nmitsyuk@gmail.com

The contribution of M.K. Tenisheva to the organization of private hospitals in the Smolensk province during the First World War

N.A. Mitsyuk

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS, Moscow, Russia

The authors of the article reveal a little-known page in the activities of the Russian educator M.K. Tenisheva, related to the organization of medical and social assistance in the frontline region during the First World War. The key sources were documents from the State Archive of the Smolensk Region and the wartime periodical press. Using the approaches of women's and everyday history allowed us to draw a conclusion about the changing social roles of women in wartime conditions. Tenisheva, using numerous social, labor and financial resources, opened the first military hospital in the city. She established an emergency delivery service for the arriving wounded to the infirmaries, opened the first X-ray room in the city, and attracted the best doctors in the capital. M.K. Tenisheva's infirmary was honored with a visit from the emperor.

Keywords: World War I, M.K. Tenisheva, private hospitals, women in the First World War.

About the author:

MITSYUK Natalia Alexandrovna – Doctor of History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclaya, RAS, (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a), email: nmitsyuk@gmail.com

References:

- Briniuk N.Ju., Budko A.A. «*Russkiju armiju spasal nikolaj-ugodnik...*». *Problemy medicinskogo obespechenija russkih vojsk v gody Pervoj mirovoj vojny*, Voenno-istoricheskij zhurnal, 2014, № 11, S. 3–9.
- Churakova O.V. «*Dusha chelovecheskaja razrushaetsja ot vojny...*»: pis'mennye istochniki perioda Pervoj mirovoj vojny kak resurs genderno orientirovannoj istorii jemocij, Vestnik RUDN. Serija: Istorija Rossii, 2019, T. 18, № 2, S. 246–277.
- Hubertus J.F. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1995. – 229 p.
- Ivanova Ju.N. *Hrabrejshie iz prekrasnyh: Zhenshhiny Rossii v vojnakh*. M.: ROSSPJeN, 2002. – 266 s.
- Jaroshenko A.A., Shok N.P. *Medicina v gody Pervoj mirovoj vojny: komissija po peresmotru norm sanitarnogo i medicinskogo snabzhenija russkoj armii (1915–1917 gg.)*, Istorija mediciny, 2018, T. 5, № 3, S. 245–258.

- Kicenko R.N., Kicenko O.S. *Zemskaja blagotvoritel'nost' v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Saratovskoj gubernii)*, JeNOZh «Istorija», 2021, T. 12, № 2 (100).
- Krajnjukov P.E., Abashin V.G. *Voronezhskaja nikolaevskaja obshchina sester miloserdija i medicinskie uchrezhdenija Voronezha v sobytijah Pervoj mirovoj vojny*, Izvestija Rossijskoj voenno-medicinskoj akademii, 2018, T. 37, № 1, S. 63–70.
- Mitsyuk N.A. «Vera, Nadezhda, Ljubov'». *Patriotizm smoljanok v uslovijah voennogo vremeni dorevolucionnoj Rossii*, Rodina, 2013, № 9, S. 92–96.
- Porshneva O.S. *Gendernyj faktor politicheskoy mobilizacii v Rossii v uslovijah Pervoj mirovoj vojny: metodologija i istoriografija*, Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. mezhdunarodnye otnoshenija, 2022, № 2, S. 21–31.
- Pushkareva N.L., Mitsyuk N.A. *Mediko-social'naja pomoshh' rossijanok Smolenskoj gubernii frontovikam Pervoj mirovoj vojny*, Ural'skij istoricheskij vestnik, 2019, № 1 (62), S. 104–112.
- Pushkareva N.L., Shherbinin P.P. *Organizacija prizrenija semej nizhnih chinov v gody Pervoj mirovoj vojny*, Zhurnal issledovanij social'noj politiki, 2011, T. 3, № 2, S. 147–162.
- Shherbinin P.P. *Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshhiny v XVIII–nach. XX v.* Tambov: Julis, 2004. – 507 s.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(470.11):316.343.33”18”+37.014.521:271.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.085–098

**Рукописный журнал
«Развитие» воспитанников Архангельской духовной
семинарии: диалоги издателей и читателей (1873–1874 гг.)**

Ю.А. Сафонова

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего об-
разования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

В центре внимания статьи – рукописный журнал «Развитие» как феномен социальной жизни Архангельской духовной семинарии. Сосредоточившись на реакции анонимных рецензентов из числа учеников, автор выделяет наиболее волновавшие их вопросы. Автор показывает, что тексты, посвящённые внутренним проблемам семинарии (плохой пище, исключению за пьянство и т.п.), вызывали меньше откликов, чем суждения об экономических вопросах и положении «простого народа». Последние провоцировали критику читателей, основным посылом которой была несамостоятельность суждений членов редакции, опиравшихся на работы Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева. В заключение делается вывод, что журнал не послужил точкой сборки сообщества радикально настроенных семинаристов, как на это надеялись члены редакции, а выявил раскол в их среде.

Ключевые слова: православные духовные семинарии, поколение 1870-х, история чтения, рукописные журналы, народничество.

Ученические рукописные журналы как феномен социальной жизни детей и подростков в дореволюционной школе систематически привлекают внимание исследователей, поскольку дают редкую возможность увидеть тексты, написанные подростками для подростков. Особенно это касается проектов, созданных не в рамках педагогического процесса, а самостоятельно, зачастую втайне от учителей. В монографии 2007 г., посвящённой школьным журналам начала XX в., Ю.Б. Балашова обратила внимание на то, что школьные журналы были инструментом социализации своих издавателей¹. А.Б. Лярский подчёркивает, что рукописный журнал – это не только текст, но и «социальный факт»: «Текст, опубликованный в журнале, читаемом одноклассниками, сам журнал, создаваемый в дружеской среде, –

---

¹ Балашова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб., 2007.

это социальный опыт, опыт деятельности, формирующий и навыки, и идеи, сплачивающий или раскалывающий сообщество...»².

Несмотря на интерес к дореволюционной школьной журналистике, исследователи в основном работают с изданиями начала XX в., т. к. произошедшая после революции 1905–1907 гг. либерализация среднего образования способствовала всплеску ученической самодеятельности. Более ранние издания составляют большую редкость, в основном они известны в цитатах и пересказах современников³. Возможно, такое впечатление создаётся, поскольку исследователи ищут школьные издания в архивных фондах учебных заведений. Между тем большим потенциалом обладают фонды вещественных доказательств Особого присутствия Правительствующего Сената (Государственный архив Российской Федерации) и Министерства юстиции (Российский государственный исторический архив), где представлены рукописные издания 1870-х гг., изъятые в ходе обысков по делу о революционной пропаганде в империи. Статья посвящена одному из них – рукописному журналу архангельских семинаристов под названием «Развитие», издававшемуся весной 1874 г. в местной духовной семинарии. В фокусе внимания – взаимоотношения издателей журнала со своими читателями.

Следует подчеркнуть, что издание рукописного журнала архангельцами не было уникальным явлением: во многих семинариях такие проекты существовали более или менее открыто, иногда даже с разрешения педагогического собрания правления. Ревизор учебного комитета И.К. Зинченко, обнаруживший подобный журнал с характерным названием «Деятельность» в Харьковской духовной семинарии в 1870 г., писал в отчёте, что подобные проекты неоднократно возникали среди духовных воспитанников, но они «недолговечные и почти не оставляют по себе следа в педагогической жизни заведений»⁴.

Осенью 1873 г. ученики третьего класса Архангельской семинарии Платон Иванов и Михаил Колчин, а также поступивший вместе с ними в 1871 г., но оставленный на второй год в первом классе, а потому учившийся классом младше Иван Денежников, почувствовали «тоску». Год спустя, в сентябре 1874 г., Платон Иванов, испытывая то же состояние духа, писал, что причиной всему было несоответствие семинарского воспитания потребностям юности: «Не у нас ли воспитание такая штука, которая в самой себе заключает такое зло, которое уничтожает цель, к которой оно стремится»⁵. Учителя, с его точки зрения, демонстрировали «апатию к науке и нравственности», программа обучения – «пустоту и бессодержательность»,

² Лярский А.Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 119.

³ Там же. С. 117.

⁴ Зинченко И. К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). СПб., 1875. С. 12.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 9 об.

а весь смысл духовного образования сводился к тому, чтобы «занять известное положение в обществе»⁶. В недатированном черновике письма, относящегося, по-видимому, к весне 1874 г., Иван Денежников описывал своё «недовольство жизнью жалкою, гадкою, окружающей полуспящей жизнью» в «неуклюжей, скучной, казенной семинарии»⁷. В программной статье журнала «Развитие», ставшего ответом на жажду деятельности, он писал: «Мы преступно спим, убаюкиваемые о. Ректором и его клевретами. Умственная спячка вошла в плоть и кровь нашу (за исключением немногих). Несмотря на это, многие из нас понимают, что нам чего-то не достает, мы жаждем умственной жизни – развития»⁸.

Иванов, Колчин и Денежников поступили в семинарию осенью 1871 г. из Архангельского духовного училища, где до этого также учились вместе. В первый класс вместе с ними поступило всего 16 человек и ещё два ученика были оставлены в нём на второй год. К осени 1873 г. 13 из них были в 3-м классе, и ещё два во 2-м⁹. Связь между классами обеспечивали не только второгодники, но и редкое для духовных семинарий этого времени проживание почти всех учеников в семинарском общежитии, в котором было 8 спален, где ученики проводили и дневное время¹⁰. Весной 1874 г., когда Иванов, Колчин и Денежников решили создать семинарский рукописный журнал, чтобы «пробудить других к деятельности, к труду»¹¹, они смогли привлечь в редакцию первоклассника Михаила Усердова. Платон Иванов патетически писал о своих отношениях с Денежниковым: «1873/4 года сблизили нас, и мы никогда не разъединимся. Вот мое мнение»¹². На этом этапе журнал действительно выглядел как предприятие группы друзей, сплочённых общими взглядами.

Журнал был не только ответом на «тоску», но и попыткой возродить время «общинно-разумной жизни», пришедшейся на 1870–1872 гг., когда в семинарии учился старший брат Платона Пётр Иванов. В это время семинаристы активно читали радикальную литературу, общались с политическими ссыльными и готовились к поступлению в высшие учебные заведения. К 1873 г. этот «благородный отросток самым варварским способом был вырван», а старшеклассники отчислились из семинарии, и уехали из Архангельска. Затеяв журнал, его создатели в первом номере пригласили всех читателей стать сотрудниками: «Просим все писать, и писать и хорошее, и дурное, что нас волнует, о чем мы думаем. Стыдиться нечего. Кто

⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 9 об.

⁷ Там же. Л. 42.

⁸ Там же. Л. 151.

⁹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф 73. Оп. 1. Д. 450. Л. 338 об.–339.

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 75.

¹¹ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 42.

¹² Там же. Л. 10.

виноват в том, если худо написано. Тебе не дали хорошего развития. Значит, виноват не ты, а начальство, словом воспитатели»¹³.

Редакция не предполагала, что семинаристы могут собираться и устроно обсуждать волновавшие их вопросы, но отнюдь не из-за дисциплинарных мер. Денежников писал: «... мы, семинаристы, люди застенчивые даже между собой - застенчивость запрещает нам обратиться, даже если и знаешь к кому. Обмениваться [мыслями] можем на бумаге»¹⁴. В этом случае мы видим отличие от опыта светской школы, где создание журнала было «... увлекательным, опасным и захватывающим предприятием, связанным с тайными собраниями по вечерам, с ночными переписываниями статей, с трепетным ожиданием критических отзывов товарищеских и попытками убедить свое детище от начальства и т. д.»¹⁵. Все номера журнала были переписаны набело Иваном Денежниковым, который в качестве редактора оставлял комментарии к статьям соиздателей. Например, к статье Михаила Колчина «Очерки строения и отправления человеческого тела» в № 2 он оставил примечание «Об этом у Писарева в X т.»¹⁶. Это может свидетельствовать о том, что предварительного обсуждения текстов единомышленниками не было, а по ночам работал один Денежников.

В программной статье, из которой состоял первый номер, цель журнала была заявлена исключительно как просветительская. Предполагалось компенсировать недостатки семинарского образования саморазвитием. На пути к реализации этой цели стояло отсутствие книг и времени на их чтение из-за изучения обязательных предметов. Редакция предлагала обмениваться имеющимися знаниями, сумма которых была бы больше прочитанного одним человеком: «у каждого из нас есть экстракт, составленный из разных книг по всем отраслям науки». Предполагалось, что, если кого-то из читателей заинтересует помещенная в журнале статья, дальше он сможет сам обратиться к «более научным источникам»¹⁷. Таким образом, в первом номере издание позиционировалось как популяризаторское, хотя уже было наполнено риторикой, направленной против «воспитателей». Если верить письму Платона Иванова 1874 г., первоначальной целью журнала была «Борьба с началами воспитания нашего и орудиями этого воспитания»¹⁸.

Во втором номере под псевдонимами были опубликованы четыре статьи, полностью реализовавшие обе цели. «Наши черёдные» Иванова и «Несправедливо обиженный» Усердова были посвящены проблемам семинарии: имитация ученического представительства в лице «черёдных», плохая пища, исключение за пьянство. Последней теме Усердов посвятил также статью «Самолюбие», вышедшую в № 3. При расследовании дела об издании журнала осенью 1874 г. он доказывал, что писал заметки для себя,

¹³ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 154 об.

¹⁴ Там же. Л. 154 об.

¹⁵ Лярский А.Б. Школьные рукописные журналы. С. 119.

¹⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 164 об.

¹⁷ Там же. Л. 154.

¹⁸ Там же. Л. 9 – 9 об.

а в журнал они попали без его ведома¹⁹. Поверить в это сложно, т. к. статьи Усердова размещены в № 2 и 3 «Развития». Едва ли вторая статья могла быть обнародована, если автор был против публикации первой. Однако идеи Усердова, как будет показано ниже, не полностью совпадали с программой журнала. Также для издания была запланирована статья «Рецепт, по которому из человека можно сделать машину (правила поведения, составленные для учеников Арх.д.сем)». Лист с таким заголовком, но без текста был отобран у Михаила Колчина²⁰.

Статьи, посвящённые семинарским проблемам, вызвали не так много откликов, как статьи на другие темы. К «Нашим черёдным» было оставлено карандашом два комментария, оба противоречивших тексту Иванова. Он утверждал, что черёдные неэффективны, т. к. не видят смысла сообщать ректору о затруднениях учеников: «Часто бывали случаи, что доносили отцу ректору о несправедливостях, худой пище – ничего не воспоследовало». Аноним внёс уточнение, подрывавшее основной тезис: «2 раза – 1 несправедливо, другой верно и сделано распоряжение»²¹. Он же высказался в защиту ректора, которого Иванов описал как «врага всяких реформ»: «НВ нет. Дело не том»²². Таким образом, расчёт издателей на объединение учеников для борьбы с начальством сразу же не оправдался: у ректора нашёлся анонимный защитник. Столь же лаконичной и негативной была реакция на первую статью Усердова об ученике III класса Иване Фиделине, исключённом в апреле 1874 г. за пьянство²³ («...возвратился из города в семинарское общежитие до такой степени пьян, что не мог ни прямо стоять, ни свободно говорить»²⁴). Автор статьи оправдывал пьянство семинаристов отсутствием «всякой радости», утверждая, что не всем дано углубиться в самообразование настолько, чтобы чтением подавлялась «всякая блажь или менее сильные страсти». «Надоедят чтение учебных книг и посторонних. Дисциплина говорит, что ничего не делай, как только занимайся, т. е. все учи», и ученик покупает «косушку»²⁵. Неизвестный автор подчеркнул в тексте карандашом слова «дисциплина» и «только занимайся», приписав к первому слово «нет». Хотя эти подчёркивания можно интерпретировать по-разному, скорее всего комментатор хотел сказать, что можно «заниматься» и не вследствие требования начальства, а по собственному желанию. В целом статья Усердова не совпадала с программной статьёй, в которой внеучебное чтение объявлялось панацеей от всех бед. Её включение в номер свидетельствует, что издатели не были сплочённой группой с об-

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 349.

²⁰ Там жк. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 142а.

²¹ Там же. Л. 156 об.

²² Там же. Л. 157.

²³ Там же. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 349.

²⁴ Григоревский М.Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 год). СПб.: 1876. С. 24.

²⁵ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 159 об.

щими взглядами, которые обсуждали вместе своё детище и координировали усилия по написанию текстов.

Больше всего откликов вызвала статья Платона Иванова «Наше ученье», помещённая в № 3, датированном 6 мая. К ней оставлены комментарии тремя разными почерками, не совпадающими с почерком заметок на втором номере. Статья также была посвящена теме пьянства, но уже как общественной проблеме: «Кто пьяницы – простой народ или привилегированный?» Возможно, реакция читателей была вызвана обращением автора к ним, начавшего текст вызовом к «братьям-семинарам»: «Что, надумали и рассудили? Если рассудили, то отвечайте на следующие вопросы»²⁶. Статья, открывавшаяся осуждением пьющих от праздности «аристократов», в итоге превратилась в политический памфлет, разоблачающий «капиталистов» и экономическое неравенство. В ней были процитированы Н.Г. Чернышевский и Д.И. Писарев.

Все три читателя высказали несогласие с тезисами автора. При этом критики обращали внимание на разные моменты. Первый из них, по-видимому, разделял с редакцией веру в облагораживающую силу самообразования. В ответ на рассуждения Иванова о том, что экономический гнёт, а не невежество доводит крестьян до преступлений («тем с меньшим и меньшим уважением вы начинаете относиться к личности ваших близких»), читатель возразил: «образование и есть та сила, которая не позволяет человеку огрубеть под влиянием дурной обстановки»²⁷. Тут следует отметить, что третий номер журнала был гораздо более радикальным, чем первые два. После разгрома издания Платон Иванов писал об ошибочности эволюции журнала в сторону социальных вопросов: «... дураки мы были, что отступили от этой цели (самообразования. – Ю.С.)»²⁸. Анонимный рецензент, по-видимому, оставался верен первоначальным идеям редакции, что целью деятельности семинаристов должно быть просвещение себя, а после – простого народа.

Второй комментатор оставил заметку к следующему за этими рассуждениями фрагменту: «Когда я получу тяжелое оскорблечение от кого-нибудь, то я готов выместить на первом попавшемся человеке и даже веши... Удивительно ли после этого, что крестьянин в каждый день ходит сердитый и злой и иногда эту злость изливает на спину своей жены (здесь и далее подчёркивания в источнике. – Ю.С.)». Он не только подчеркнул возмущившую его фразу о домашнем насилии, но иставил вопрос, прямо обращенный к автору: «Это по рецензенту тоже самозащита?»²⁹ Ему также принадлежат подчёркивания и комментарии к заключительной части текста, касавшейся устройства экономических отношений. Иванов, ставя вопрос о необходимости участия капиталиста в производстве, писал: «Капиталист без работников не может произвести никакой работы, а работники

²⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 167.

²⁷ Там же. Л. 169.

²⁸ Там же. Л. 9 об.

²⁹ Там же. Л. 169 – 169 об.

могут обойтись и без него». Далее он утверждал, ссылаясь на Чернышевского, что труд важнее капитала, следовательно, присвоение капиталистом большей части дохода является преступлением. Комментатор возражал именно против теоретических посылок. В размышлениях о ненужности капиталиста он подчеркнул перечисление средств производства «топоры, лопаты, машины, материала для производства и пр.», добавив: «для всего этого нужен капитал. Следовательно работники никак не могут обойтись без капитала»³⁰. Он также обратил внимание на несамостоятельность идей Иванова, далеких от реальной жизни. «При какой угодно работе главный бывает капиталист. Он нанимает за какую-нибудь ничтожную плату работников и заставляет их производить ту или другую работу», – писал автор статьи. Его читатель оставил подпись «теория» на полях возле подчёркнутых им двух слов³¹.

К фразе Иванова, что закон не называет капиталиста «вором», была сделана ещё более длинная приписка: «Работники вольны наниматься и не наниматься к капиталисту. Правда, к первому побуждает их необходимость и если капиталист пользуется этой необходимостью, то он грешит против нравственного закона, но юридически он нисколько не виновен»³². В этих комментариях мы видим, как обсуждение политэкономических идей, почерпнутых из демократической литературы, сочетается с рассуждениями о нравственных максимах. Очевидно, читатель не одобрял эксплуатацию рабочих, но и социалистический идеал, основанный на отрицании сложившегося экономического порядка, был ему не близок. Именно этот комментатор вникал в текст Иванова глубже всего, тон его высказываний был нейтральным, а аргументы, особенно последний, развёрнутыми.

По контрасту третий комментатор реагировал на статью Иванова за пальчиво и не стесняясь в выражениях. Как и второй читатель, он отмечал несамостоятельность суждений Иванова. Однако, если предыдущий читатель ограничился словом «теория», этот последовательно выделил все ссылки автора к авторитетам. Возможно, его спровоцировал сам Иванов, грубо отзаввавшийся обо всех, кто не умеет мыслить самостоятельно, что, по-видимому, было воспринято читателем на свой счёт. Иванов писал: «Слепые, которые ничего не видят, что совершается в мире, или какие-нибудь нравственные уроды, бестолковые бараны, которым, что скажет начальство, так они этому и вторят без всякой с своей стороны поверки и без всякого основания. Горько обманываются те, которые верят чему бы то ни было без рассуждения, без доказательства и оснований, полагаясь на авторитет». Читатель обратился напрямую к автору на полях: «А ты-то? неужели все это плод твоих собственных размышлений?»³³. Задавшись целью вывести автора на чистую воду, он при первом же появлении цитаты из Писарева приписал «а вот и авторитет», повернув риторику Иванова против него. Там, где вто-

³⁰ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 172.

³¹ Там же. Л. 171 об.

³² Там же. Л. 172 об.

³³ Там же. Л. 170 об.

рой читатель отреагировал на суть идей о большей важности труда, чем капитала, третий зацепился за фразу, что эти мысли принадлежали «лучшим политико-экономистам». Он оставил к ней комментарий, отсылавший к процитированным выше словам про «баранов»: «Тоже полагается на слово авторитетов. Почем знать, может быть, не основательно они говорят. По твоим воззрениям, и ты животное, а не человек»³⁴.

В обсуждении следующей статьи номера, написанной Михаилом Колчиным, приняли участие первый и второй читатели. Визионерская статья «Будущее» была посвящена идеальному устройству будущего мира и должна была ответить на вопросы, «каким способом достигли люди до такого положения, в чем заключается сущность их социальной жизни»³⁵. Инспектор семинарии на основании сочинения, а также беседы с учеником, установил, что оно было написано под влиянием книги английского экономиста В.Т. Торнтона «Труд: Его ложные требования и законы права, его настоящее положение и возможная будущность», а также сочинений Н.Г. Чернышевского³⁶. Заключение было вызвано желанием доказать независимость ученика, сведя его текст к «заблуждениям рассудка, усиливающегося утверждать свои мысли на авторитете других»³⁷. Колчин в статье не скрывал, что его идеи основаны на трудах «далеко зорких мыслителей (не метафизиков, а реалистов)»³⁸, но свести их список к двум указанным инспектором авторам невозможно. Влияние «Четвертого сна Веры Павловны» и поэтической «Утопии труда» Торнтона, переданной в русском переводе в прозе, сказалось скорее на форме статьи, чем на содержании. «Будущее» Колчин увидел во сне, как героиня «Что делать?». У Чернышевского Колчин позаимствовал также представление об идеале как о пасторальной идиллии, где основное занятие – это сельское хозяйство. Идеал был достигнут с помощью «всемирного социального переворота», имевшего насильтственный характер: «Начался далеко не равный бой. В нем обыкновенно не обошлось без кровопролития. Народ восторжествовал. Многие из аристократов желали лучше умереть, чем отдавать свои будто бы законные права и имение – и умерли, т. е. были убиты»³⁹. Статья не была закончена, автор обещал продолжение в следующем номере, но на допросе в губернском жандармском отделении показал, что сбежал его.

Первый читатель оставил только личный выпад против автора рядом с его рассуждениями о неравенстве: «предкам наших сливок удалось ограбить бедных и бессильных». Он язвительно написал «напр[имер] твой отец»⁴⁰. При этом отец семинариста Андрей Колчин был приходским свя-

³⁴ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 172.

³⁵ Там же. Л. 175.

³⁶ Там же. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 345 об.

³⁷ Там же. Л. 346 об.

³⁸ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 174.

³⁹ Там же. Л. 174.

⁴⁰ Там же. Л. 173.

щенником Холмогорского уезда Пиньшигенского прихода⁴¹, и, хотя его сын учился за счёт родителя, едва ли он принадлежал к «сливкам», о которых писал автор. В этом случае мы имеем дело с укоренившейся среди семинаристов 1870-х гг. неприязнью к духовному поприщу, спровоцировавшей массовый выход учеников духовных семинарий из сословия и выбор светских профессий⁴².

Второй читатель продолжил ту же линию обсуждения статьи, которой он придерживался ранее. Он отмечал слабые места и несамостоятельные суждения, не переходя на личности. Сначала его внимание привлекли описание гостиной, полной «разодетых дам», противопоставленной «маленькой лачужке». Подчеркнув пассаж о дамах, рецензент задал справедливый вопрос: «Видел ли это автор?»⁴³ Следующий комментарий касался революционной риторики автора, вопрошившего, как долго народ будет терпеть «тупоголовых выродков человечества, которые, благодаря своему происхождению, занимают первые места в обществе». В отличие от автора статьи, надеявшегося, что, избавившись от привилегированных классов, народ будет жить «по-человечески», читатель предсказывал: «дикарями станет»⁴⁴. Устройство будущего общества, в котором «Все люди пользуются одинаковыми правами, никто ни над кем не начальствует, никто никому не повинуется», он назвал «туманным»⁴⁵. Наконец, самым слабым ему показался механизм правового регулирования общества будущего. По Колчину, высшим наказанием за любое преступление было изгнание из общины, ставшей главной единицей общественной жизни. Читатель резонно спрашивал про изгнание: «Куда? а если их будет большинство?»⁴⁶ Как и в первом случае, он не спорил с базовыми идеями, но отмечал слабость конкретных аргументов. В тексте также было много подчеркиваний и знаков вопроса, по-видимому,ставленных им же, т. к. они относятся к слабым местам. Например, в рассказе о том, как была достигнута социальная идиллия, выделено два слова, с которыми читатель был не согласен: «... явились вопросы об устройстве социальной жизни. Вопросы эти решила сама жизнь», после чего поставлен знак вопроса.

Наконец, у журнала был ещё один читатель, оставивший длинное рассуждение после последней статьи третьего номера «Сельские учителя», написанной Иваном Денежниковым. Статья была посвящена критике семинаристов, поступавших в сельские школы, «чтобы выждать выгодное поповское место. От них нечего ждать, чтобы серьезно занялись делом, да и головы-то у них наполнены только богословскими науками»⁴⁷. В черно-

⁴¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 17. Л. 7.

⁴² См.: *Манчестер Л.* Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

⁴³ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 173.

⁴⁴ Там же. Л. 173 об.

⁴⁵ Там же. Л. 176.

⁴⁶ Там же. Л. 177 об.

⁴⁷ Там же. Л. 183 об.

вой версии этой статьи Денежников был ещё более резок. Он утверждал, что идея стать сельским учителем широко распространена в семинарии, но у поборников этой идеи эгоистическая цель «заслужить имя полезного деятеля», к тому же совершенно умозрительная. Семинаристы желают «просветить воображаемых друзей меньших братьев» не сами по себе, а «начавшись книжек или услыхав от кого-нибудь»⁴⁸. К сожалению, именно у этой страницы оторвана половина, поэтому аргументы Денежникова о несамостоятельности идеала жизни в качестве сельского учителя остаются не вполне ясными. Зато совершенно очевиден основной довод против народного образования: «Надо по-настоящему сначала улучшить материальное положение народа, а потом приниматься его образовывать. При настоящем положении народа бесполезно его и образование»⁴⁹, вариация которого сохранилась в финальном варианте. Эта идея, по-видимому, была позаимствована из нелегальной брошюры «Государственность и анархия» М.А. Бакунина, цитаты из которой есть в черновых заметках семинариста⁵⁰. Бакунин писал: «... самому народу нашему в его настоящем слишком бедственном положении совсем не до науки. Для того чтобы сделать доступно для него теорию, надо переменить его практику и прежде всего преобразовать радикально экономические условия его быта»⁵¹. Интересно, что в финальную версию «Сельских учителей» заимствования из Бакунина не попали. То ли Денежников не считал своих читателей достаточно подготовленными к подобным воззрениям, то ли сам не до конца верил призыву идти бунтовать народ.

В отличие от большинства радикально настроенной молодежи 1870-х гг., считавшей место сельского учителя одним из немногих легальных способов получить доступ к «народу», для учащихся духовных семинарий ситуация была амбивалентной. С одной стороны, место сельского учителя действительно могло восприниматься как способ отдать «долг народу» и избежать принятия сана. О нем мечтали и выпускники Архангельской духовной семинарии, учившиеся всего несколькими годами ранее Денежникова и его соиздателей. С другой стороны, Синод последовательно поощрял поступление выпускников семинарий на учительские места. В 1869 г. трехлетняя служба в сельской школе была приравнена к службе в качестве псаломщика для тех выпускников, кто ожидал вакантного места священника после выпуска. В 1874 г. было разрешено освобождать от возмещения затрат на обучение в семинарии казеннокоштных воспитанников, вышедших из духовного ведомства в гражданское, если они выслуживали трехлетний срок в качестве сельских учителей. В этом случае интересна обосновывающее это решение аргументация Синода: «... полезная в деле народного образования служба учителей сельских школ находится в связи с

⁴⁸ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 36.

⁴⁹ Там же. Л. 37.

⁵⁰ Там же. Л. 43, 47, 57.

⁵¹ М.А. Бакунин Государственность и анархия [Электронный ресурс]: URL: http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0050.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

просветительскою деятельностью Церкви и оказывает сей последней немаловажное содействие»⁵². Таким образом, место сельского учителя было как способом оставаться внутри сословия, так и путём выхода из него, особенно актуальным для тех выпускников семинарий, кто должен был возместить епархии расходы на своё образование. Таким образом, нападки Денежникова на сельских учителей, вероятно, задевали лично тех семинаристов, которые рассматривали службу в сельской школе в качестве возможного будущего поприща, какими бы ни были при этом их мотивы.

Автор комментария строил свои возражения Денежникову на том, что введённый 1 января 1874 г. «Устав о воинской повинности», сокращавший на два года срок службы для солдат, закончивших сельскую школу, сделает её востребованной среди крестьянского населения. Это был ответ на рассуждения Денежникова, что плохие учителя из бывших семинаристов настолько подрывают репутацию школ, что «Скоро уже мужики не будут и детей-то отдавать учиться в школу, ибо пользы нет никакой в таком учении. Какая тут польза от того, что мальчик научится еле-еле писать, читать...». К выделенной фразе была сделана приписка на полях: «О, это много значит для крестьянина»⁵³. Рецензент также посчитал нужным высказаться в пространном отзыве: «В защиту пьяных, исключенных из семинарии нашей собратьев скажу, что они виноваты в том, что взялись не за свое дело, но не в незнании науки о воспитании, которую им никто никогда не сообщал. Но кто же лучше для школы: хромый пьяный ветеран или подчас пьяный, но еще полный сил семинарист?»⁵⁴.

Таким образом, у журнала было минимум пять читателей, не оставшихся равнодушными к содержанию второго и третьего номеров. На их замечания редакция составила ответ, в котором определила роль читателей: «Гг. рецензенты, если вы хотите высказать свое мнение, то потрудитесь в конце обозначать свою фамилию, а то замечания ваши подобны киданию грязью из-за угла»⁵⁵. Из сотрудников, которых в статье первого номера приглашали присоединиться к общему делу, читатели превратились в критиков, показывающих слабые места текстов и выражавших несогласие с основными идеями авторов. Журнал «Развитие» стал не инструментом консолидации семинарского сообщества, как на это надеялись издатели. Напротив, он вскрыл противоречия не только между критиками ректора и его защитником, но и внутри прогрессивной части учеников, вероятно, рассматривавших для себя место сельского учителя как возможное будущее. Радикализация авторов журнала, произошедшая под влиянием чтения «Государственности и анархии» Бакунина, очевидно, была не близка читателям. Наиболее бурно они реагировали не на статьи о семинарских порядках, а на тексты, содержащие в себе социалистические идеи о тяжёлом положении народа и способах вывести его из-под гнёта капиталистов.

⁵² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874. Д. 80. Л. 12.

⁵³ Там же. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 184.

⁵⁴ Там же. Л. 185а об.

⁵⁵ Там же.

Важно отметить, что никакой реакции не вызвали две статьи Михаила Колчина «Поэзия трубадуров имела ли какое-нибудь влияние на народ» и «Очерки строения и отправления человеческого тела», которые должны были реализовать объявленную в первом номере программу на обмен знаниями. Судя по всему, обе темы были не интересны читателям «Развития».

2 июня 1874 г. журнал был обнаружен инспектором семинарии. Комментарии на полях стали для педагогов свидетельством, что их воспитанники в большинстве своём не поддерживают идеи «Развития». В разговоре с начальником местного губернского жандармского управления П.А. Есиповым ректор архимандрит Донат утверждал: «никто из прочих учеников не участвовал и не сочувствовал статьям Денежникова, а что немногие из них, читавшие тетрадь, встретили их со смехом»⁵⁶. Платон Иванов в сентябре 1874 г. также писал о расколе среди семинаристов: «Великие ожидания сменились смехом от этих же ожиданий, нас же винят в неосторожности, быть может те же самые, которые (на совесть которых мы полагались) могли наушничать»⁵⁷.

После обнаружения «Развития» в июне 1874 г. и полутора месяцев расследования Денежников был исключён по решению правления 13 июля. Все его соучастники были переведены в следующий класс и вернулись в семинарию в сентябре. Они продолжали учиться вплоть до вмешательства в дело III-го отделения в октябре 1874 г., хотя инспектору было вменено в обязанность наблюдать за выбором ими книг для чтения⁵⁸. Начальник Архангельского губернского жандармского управления, явившийся в семинарию с обыском 20 октября, включил в список обвиняемых в издании «коммунистического» журнала, кроме известных правлению Денежникова, Иванова и Колчина, Михаила Усердова и Николая Попова (IV класс), который показал журнал своему родственнику, учителю Архангельского духовного училища Василию Новикову. Все четверо семинаристов были взяты под стражу и больше месяца содержались при полиции. Впоследствии Иванов и Колчин были исключены из семинарии, а остальные двое продолжили учиться под строгим надзором учителей.

Диалоги издателей и «рецензентов» журнала «Развитие» важны не только потому, что они показывают непосредственную коммуникацию авторов и читателей, реагирующих на текст во время чтения, а не формулирующих послания в письмах, как это было в случае с печатными изданиями. Они также позволяют проникнуть в устройство семинарского сообщества первой половины 1870-х гг. и увидеть, что даже в малочисленной Архангельской семинарии ученики не составляли сплочённой группы, объединённой чтением радикальной литературы. Знакомство с последней, которое демонстрировали некоторые из рецензентов, не обязательно вело к предельной радикализации, так же как тяжёлые материальные условия

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 159. 3-я экспедиция. Д. 144. Ч. 34. Л. 6 об.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Ф. 797. Оп. 43. Д. 8. Л. 255 об.

бурсы не обязательно настраивали воспитанников против ректора. Особен-но важной представляется дискуссия на полях «Развития» о сельских учи-телях, поскольку она представляет собой дискуссию о возможном будущем самих учеников духовной семинарии. Какими бы ни были мотивы возмож-ного выбора этого пути, очевидно, что сама возможность такого выбора была ценна, т.к. позволяла участвовать в служении «народу» без радикаль-ного разрыва с собственным сословием.

Список литературы:

1. Балашиова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб.: Изда-тельство СПбГУ, 2007. – 114 с.
2. Лярский А.Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – на-чала XX века как фактор социализации // Вестник Пермского универси-тета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 117-125.
3. Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и станов-ление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. – 439 с.

Об авторе:

САФРОНОВА Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

Handwritten journal *Razvitiye* (Development) of the students of the Arkhangelsk Theological Seminary: dialogues between publishers and readers (1873–1874)

Ju.A. Safronova

European university at St.Petersburg, St.Petersburg, Russia

This article examines the handwritten journal «Development» as a social phenomenon within the Arkhangelsk Theological Seminary. By analyzing the responses of anonymous student reviewers, the author identifies the is-sues that provoked the most significant reactions. Contrary to expecta-tions, texts addressing internal seminary problems—such as poor catering or expulsions for drunkenness—garnered fewer responses than those dis-cussing broader economic issues and the plight of the common people. The latter, however, drew criticism from the readership, who primarily faulted the editorial board for its lack of independence and its reliance on the works of Nikolai Chernyshevsky and Dmitry Pisarev. The study con-cludes that rather than unifying the seminarian community as its editors had intended, the journal instead exposed and exacerbated ideological rifts within it.

Keywords: Orthodox theological seminaries, generation of the 1870s, his-tory of reading, handwritten journals, populism.

About the author:

SAFRONOVA Julia Alexandrovna – Candidate of History, Docent, Department of History, European university at St. Petersburg (Russia, 191187, St.Petersburg, Gagarinskaya st. 6/1A), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

References:

- Balashova Ju.B., *Shkol'naja zhurnalistika serebrjanogo veka*. SPb., 2007.
- Ljarskij A.B., *Shkol'nye rukopisnye zhurnaly i gazety konca XIX – nachala XX veka kak faktor socializacii*, Vestnik Permskogo universiteta. Istorija, 2013., Vyp. 2 (22), S. 117–125.
- Manchester L., *Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligencija i stanovlenie sovremennoj samosoznaniya v Rossii*. M., 2015.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(47):778.5.084.5
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.099–113

Формирование советского историко-революционного нарратива в 1930-е гг.: анализ фильма М.И. Ромма «Ленин в Октябре»¹

Ю.С. Филина

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу процесса создания фильма М.И. Ромма «Ленин в Октябре» (1937 г.) в контексте формирования советского историко-революционного нарратива в 1930-е гг. На основе архивных материалов и мемуаров авторов фильма реконструируется эволюция сценария, презентация ключевых персонажей (В.И. Ленина, И.В. Сталина, врачей революции) и политических сил (большевиков, эсеров, меньшевиков). Особое внимание уделяется влиянию идеологических установок и доступа к историческим источникам на конструирование нарратива. Фильм иллюстрирует переход от коллективной истории партии к героическому нарративу. Исследование выявляет механизмы мифологизации Октябрьской революции, включающие упрощение хронологии событий, минимизацию роли оппозиции и акцентирование единства вождей (В.И. Ленина и И.В. Сталина) как героев-символов.

Ключевые слова: историко-революционный нарратив, советский кинематограф, «Ленин в Октябре», М.И. Ромм, А.Я. Каплер, Октябрьская революция, пропаганда, цензура, презентация персонажей, сталинская эпоха.

Практически любой фундаментальный труд по истории советского кинематографа упоминает дилогию М.И. Ромма про В.И. Ленина, состоящую из фильмов «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939). Первый фильм открыл художественную кино-лениниану и принес всесоюзную известность режиссеру как в среде профессионального сообщества, так и среди массового зрителя. Популярность фильма отмечалась в периодической печати². Современные исследователи оценивают аудиторию «Ленина в Октябре» в 21 миллион зрителей за первый год демонстрации³.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

² Напр.: Кинофильмы о Ленине // Рабочая Москва. 1938. 21 января

³ Федоров А.В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М., 2023. С. 324

Создание дилогии происходило в период масштабных идеологических сдвигов в исторической науке. После установления советской власти ведущие позиции заняла так называемая «школа Покровского». Однако в начале 1930-х гг. произошла радикальная перестройка исторической науки⁴. Итогом этого процесса стало появление «Краткого курса ВКП(б)»⁵. По мнению Д. Бранденбергера, именно тогда произошел переход к истории партии не как коллективному субъекту, а как истории героев⁶. Данное обстоятельство усилило значение кино, ставшего одним из главных инструментов конструирования историко-революционной памяти.

В советской историографии тема историко-революционного кино исследовалась преимущественно с двух позиций: как часть киноведческих исследований либо как история о создании ленинианы. Наиболее масштабной работой по конструированию исторического нарратива в советском кино является монография Е.А. Добренко, где автор продемонстрировал значимость кино для советского общества как одного из главных инструментов конструирования истории⁷. В исследовании Д. Бранденбергера уделяется внимание вопросу исторического нарратива в кино 1930-х гг.⁸ Кроме того, данной теме посвящён довольно обширный список публикаций последнего десятилетия⁹, однако нельзя сказать, что тема исчерпала себя. В рамках данной статьи предпринята попытка реконструировать процесс создания фильма «Ленин в Октябре», разработки и корректирования повествования и презентации героев революционных событий авторами с учетом формировавшегося советского историко-революционного нарратива.

Первый фильм дилогии был подготовлен, в первую очередь, к юбилейной дате – 20-летию Октябрьской революции. Несмотря на важность для советского государства праздничного календаря, юбилейное кино в первые десятилетия советской власти создавалось непросто: сроки были сжатыми, случались регулярные задержки, а уже готовое кино нередко направляли на дополнительные съемки. Не избежал этого и фильм «Ленин в Октябре». Уже

⁴ Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М., 2024.

⁵ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 34–35.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Добренко Е.А. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.

⁸ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 92–103.

⁹ См.: Мазур Л.Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917–1953 гг. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 168–182. Апостолов А.И. Воображая жертву: жертвенность в контексте трансформаций историко-революционного нарратива в советском кино сталинской эпохи // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 2 (31). С. 66–82.; Киселева А.А. Формирование отношения к российской истории в СССР 1930–1940-х гг. (на материале исторического кино) // Studia Culturae. 2021. № 47. С. 130–141.

готовый к осени фильм не пустили в массовый прокат вплоть до декабря 1937 г., поскольку доснимался эпизод с штурмом Зимнего¹⁰.

Решение о создании кинокартин и организации конкурса на сценарий к двадцатому юбилею было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 марта 1936 г.¹¹. К закрытому конкурсу на сценарий фильма были привлечены Н.Ф. Погодин, братья Васильевы, А. Довженко, А.Г. Ржешевский, Л.И. Славин, М.Э. Чиаурели, Б.А. Лавренев, П.А. Павленко и А.Я. Каплер. Непосредственно общением со сценаристами занимался П.М. Керженцев. 1 апреля 1936 г. он сообщает Сталину и Молотову, что фактически все выбранные сценаристы, кроме А.Я. Каплера, заняты¹².

Сохранилась переписка П.М. Керженцева с А.Я. Каплером, приложенная к первой версии сценария, которая охватывает период с мая по ноябрь 1936 г. 4 мая 1936 г. П.М. Керженцев пишет письмо А.Я. Каплеру, в котором просит о черновике сценария: «Прошу сообщить мне Вашу наметку с указанием примерно сюжета, действующих лиц, хронологических рамок сценария»¹³. Он получает ответ от сценариста только в начале августа 1936 г. К этому моменту основной сюжет, по-видимому, был уже проработан: «Сюжетный герой вещи Эйно Рахья. Фамилия его пока заменена вымышленной. (Я подчеркиваю, что Рахья сюжетный герой, т. к., по сути, герой Ильич)»¹⁴.

Первый вариант сценария был представлен 23 ноября 1936 г. и назывался «Ильич с нами»¹⁵. Для отзывов он рассыпался в партийные инстанции¹⁶. Как только он был предварительно одобрен (Главное управление кинофотопромышленности (далее – ГУК) предоставило свои замечания), его передали на Мосфильм для назначения съемочной группы. На должность режиссера был назначен М.И. Ромм.

П.М. Керженцев докладывал о результатах конкурса на киносценарий об Октябрьской революции Сталину и Молотову. Согласно письму (под грифом «секретно»), сценарии предоставили Каплер, Погодин, Славин, Ржешевский и Чиаурели. По каждому из сценариев Керженцев представил краткое заключение. Наиболее удачным был признан «Ленин в Октябре». Тем не менее даже он дорабатывался с учётом пожеланий ГУКа: «более широко показать роль партии и руководство восстанием со стороны Ленина и Сталина, более развернуто показать рабочие массы, снять излишне приключенческие моменты»¹⁷.

¹⁰ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 444–445.

¹¹ Там же. С. 316.

¹² Там же. С. 315.

¹³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2–3.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 958. Л. 58.

28 декабря 1937 г. во время обсуждения среди кино-профессионалов выхода «Ленина в Октябре» М.И. Ромм указывал, что семь месяцев сценарий А.Я. Каплера лежал в Комитете искусств, т. к. все ждали сценариев от «гениев», а А.Я. Каплер таковым не считался¹⁸. Успевшие заслужить признание сценаристы и режиссеры не спешили браться за выполнение государственного заказа. Позднее как Ромм, так и Каплер будут указывать не только на сжатость сроков, но и на рискованный тип кинопроизводства: «... Снятый эпизод немедленно монтировался, озвучивался, перезаписывался, отправлялся в лабораторию и с него снималась лаванда. Когда был снят последний эпизод, то картина готова»¹⁹. Сложность заключалась и в том, что, несмотря на спешку, требовалось знакомство киношников с описываемыми историческими событиями.

Одним из важных способов «легитимации» историко-революционного фильма была демонстрация его неразрывной связи с «подлинно историческими» фактами при реальном отказе от воспроизведения исторически точного, хронологически последовательного рассказа. В этом отношении можно говорить о консенсусе среди советских режиссеров, считавших, что подлинная историчность достигалась преимущественно двумя путями: общением с участниками революционных событий и знакомством с историческими документами. Однако к середине 1930-х гг. даже специализированный, целевой доступ к архивным материалам был не всегда возможен. Например, в сентябре 1936 г. вышла «Инструкция начальника ГУК Б.З. Шумяцкого о порядке работы с документальными материалами, собранными для написания сценариев», в которой говорилось, в том числе об ограничении и контроле над копиями «секретных» материалов из архивов²⁰.

Тем не менее «Ленин в Октябре» создавался в тесном контакте с музеинными специалистами. За экспертизу со стороны музейного сообщества отвечал Центральный музей им. В.И. Ленина в лице его директора Н.Н. Рабичева. Судя по одной из записок заместителя начальника ГУКа В. Усиевича к Шумяцкому, реакция Н.Н. Рабичева на «Ленина в Октябре» была неоднозначной²¹.

17 декабря 1937 г. в журнале «Советское искусство» выходит статья А.Я. Каплера «Великая тема», где он сообщает, что для ускорения работы над сценарием «была организована группа товарищей из числа сотрудников ленинской редакции “Истории фабрик и заводов”, которые вместе со сценаристом занялись изучением исторических источников»²². На следующий день проходит общественное обсуждение «Ленина в Октябре» в Смольницком лектории, где помощник режиссера Васильев сообщает уже другую версию: «Прежде всего в Москве есть Музей Ленина, в котором собраны бо-

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 101.

¹⁹ Там же. Ф. 844. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

²⁰ Кремлевский кинотеатр. С 350–351.

²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 958. Л. 49–51.

²² Каплер А. Великая тема // Советское искусство. 1937. № 58 (404). С. 3.

гатейшие материалы о Владимире Ильиче»²³. Кроме того, он ссылается на встречи с участниками октябрьских событий, в первую очередь с Д.З. Мануильским.

В воспоминаниях М.И. Ромма фигурирует трагикомичная история с секретными документами: «“Уроки Октября” Троцкого, “Воспоминания” Рахья, которого по совету Шумяцкого Каплер переделал в Василия. Был номер “Новой жизни” с письмом Зиновьева и Каменева и целый ряд других вещей, которые можно было держать только в руках, в чемодане»²⁴. У Ромма не было собственной квартиры, где бы он мог спокойно работать со столь важными документами, поэтому он дважды останавливался у своих коллег. В киносреде шли массовые аресты, поэтому оба раза Ромма с документами задерживали как проживавшего у преступников. Схожую историю в воспоминаниях приводит и сын В.А. Антонова-Овсеенко: его отец закончил общаться с помощником режиссера С. Васильевым о событиях октябрьских дней за полчаса до ареста²⁵.

Взаимодействие при создании фильма с революционными деятелями и партийными структурами должно было помочь в создании чувства ощущения исторической подлинности. Для авторов же существовала ещё одна сторона взаимодействия с указанными государственными органами – согласование содержания фильма. На обсуждении «Ленина в Октябре» 17 декабря 1937 г. в большом зале Ленинградского лектория помощник режиссера Д. Васильев следующим образом описывал процесс согласования картины: «Главным консультантом был начальник Главного управления кинематографии Шумяцкий. Кроме того, все куски, которые снимались первоначально, показывались в других авторитетных партийных консультациях, и мы оттуда получали все указания и поправления. И вообще вся постановка, с момента, когда был написан сценарий, а сценарий был написан по инициативе товарища Сталина, затем сценарий был представлен правительенному управлению, все было поручено комиссии. Сценарий получил очень хорошую оценку, получил первое место»²⁶. Однако было ли возможно такое оперативное согласование отснятых фрагментов? Это представляется маловероятным. Архивные материалы, а также эпизод с доснятием штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства говорят в пользу того, что первый фильм дилогии в процессе съемок не согласовывался с партийным начальством.

Сценарные изменения, являющиеся обыденными в процессе создания кино, способны указать на то, какие были цензурные границы авторов, что для них было важно, а что вторично. Серьёзные изменения претерпела и первоначальная сцена «Ленина в Октябре» – пролог фильма. На титульном листе авторского сценария значится следующее: «В прологе использован эпизод из книги Джона Рида “Десять дней, которые потрясли мир” – разго-

²³ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 22.

²⁴ Ромм М.И. Как в кино. Дубль-2. Устные рассказы. Нижний Новгород, 2014. С. 94.

²⁵ Ракитин А. Именем революции. М., 1965. С. 178.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 3.

вор солдата со студентом»²⁷. Пролог с той же сценой и ее титулом сохранялся и в версии Комитета по делам искусств²⁸. Студент представляет вроде как революционные, но противобольшевистские силы, солдат же стоит за «народную правду» о противостоянии двух классов – буржуев и остальных, выразителем которой является Ленин. Несмотря на применение студентом самых разных аргументов – от собственного сидения в тюрьме за революционную деятельность до подкупа немцами Ленина – ему не удается переубедить солдата²⁹.

Отбор главных персонажей для фильма осуществлялся с учётом текущей политической конъюнктуры. Главным сюжетным персонажем, по утверждению автора сценария, является Василий – рабочий, оберегавший Ленина. Его прототипом являлся Эйно Рахья. В 1960-е гг. А.Я. Каплер говорил об этом уже открыто. В стенограмме беседы о работе над образом В.И. Ленина от 22 сентября 1967 г. А.Я. Каплер сообщал: «... Выяснилось, что говорить об этом человеке в то время было невозможно, так как он уже был репрессирован»³⁰.

Образ Василия, как и многих героев и антигероев дилогии, оказался весьма удачным. Настолько, что многие зрители поверили в историчность этого персонажа. На обсуждениях «Ленина в Октябре» у зрителей также возникал вопрос, кто такой Василий. Авторы не отвечали прямо, но тем не менее указывали на наличие некой исторической основы: «Василий – это образ не портретный [...] нам не рекомендовали точно воспроизвести этого человека»³¹. В феврале 1940 г. А.Я. Каплер для аудитории творческого совещания по вопросам исторического и историко-революционного кино заявлял, что «Василий – это, как известно, персонаж вымысленный»³². Василий стал в итоге тем персонажем, с которым мог себя отождествлять каждый зритель, настроенный положительно к советской власти.

Если Василий был сюжетным героем, то действительно центральным персонажем являлся В.И. Ленин. Культ личности и мемориализация В.И. Ленина к году выхода первого фильма дилогии были уже масштабно развернуты³³. Однако в кино, которое, казалось бы, являлось «главнейшим из искусств», все еще оставался пробел. Ленин появлялся в художественных фильмах, но либо в виде хроникальных кадров, либо портретов. Опыт С.М Эйзенштейна, который создал образ вождя на экране с помощью «типажного» (схожего внешним обликом) Никандрова, был признан неудачным и получил множество негативных откликов. Остальные режиссёры

²⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Д. 277. Титульный лист.

²⁸ Там же. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 25.

²⁹ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. URL: http://www.sovmusic.ru/jpg/10_dnej/10_dnej.htm (дата обращения: 20.06.2025)

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2900. Оп. 3. Д. 387. Л. 12.

³¹ Там же. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 3.

³² Там же. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2784. Л. 10.

³³ См: О Ленине: сборник воспоминаний: в 4-х кн. М., Л., 1924; Ленин в зарисовках и в воспоминаниях художников. М.; Л., 1928. и т.д.

боялись браться за такую ответственную задачу, как создание полноценного образа В.И. Ленина. Однако во многих фильмах он присутствовал сюжетно, как незримая сила, влияющая на развитие истории, часто с использованием кинохроники (например, «Его призыв» или «Три песни о Ленине»). «Ленин в Октябре» положил начало художественному воплощению образа вождя. В выступлениях и воспоминаниях М.И. Ромм и А.Я. Каплер описывали, что им было важно воссоздать не натуралистичный образ В.И. Ленина, а тот, который уже отложился в представлениях основной массы населения. Это касалось и цветопередачи: природный, довольно светлый и рыжеватый оттенок волос Ленина на кинопленке выглядел совсем не так, как на фотографиях более раннего периода, поэтому гримеру пришлось использовать более темные оттенки накладных волос. В схожем ключе приходилось работать при демонстрации возвращения Ленина из Финляндии, когда он изменил внешность. Из выступления А.Я. Каплера в 1940-е гг.: «Ленин в октябре 1917 г. приехал из Финляндии бритым, и, следуя натуралистически исторической точности, Ленина надо было показать в этот период бритым, но тогда его не узнали бы в картине, так как народ знает Ленина с бородой и усами. Этот очень грубый и вульгарный пример показывает, как приходилось ломать натуралистическую историческую действительность ради достижения исторической правды, ибо образ Ленина, создавшийся в сердце народа, есть образ именно того Ильича с бородой и усами, портрет которого существует в представлении народа»³⁴. В первоначальном сценарии А.Я. Каплера вождь мирового пролетариата демонстрировал значительную суровость по отношению к Василию, являвшемуся собирательным образом советского гражданина³⁵. Василий получал упреки в незнании чего-либо и невнимательности, однако при переходе к киноверсии эти моменты были исключены, а вот примеры заботы В.И. Ленина и его внимания к простому человеку – усилены. Трудоспособность и неприхотливость В.И. Ленина в быту отмечалась многими мемуаристами, за этими воспоминаниями следовал и М.И. Ромм. Также он отдельно подчёркивал, что с Щукиным они старались в каждом кадре выразить то, что двигало Ильичом на протяжении жизни – волю к революции.

И.В. Сталин также появлялся в картине. Его образ уже воссоздавался художественными силами на экране, например, в советском фильме Госкинпрома Грузии «Американка» (1930). Однако канонического образа второго вождя ко второй половине 1930-х гг. ещё не сложилось. Не преуспела в этом отношении и дилогия: образ Сталина конструировался лишь как приложение к Ленину. В 1940-х гг. А.Я. Каплер сетовал на то, что второй вождь всё ещё является не взятой вершиной для советской кинематографии: «Что же касается до образа Сталина в этих картинах, то мне представляется, что эта работа, вообще, ещё не может даже быть признана начатой...»³⁶.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 651. Л. 5-6.

³⁵ Там же. Ф. 631. Оп. 3. Д. 277.

³⁶ Там же. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2784. Л. 10.

Фильм, в его первоначальном монтаже, демонстрировал плотную связь двух вождей, их личную симпатию и близость друг к другу. В первой же сцене «Ленина в Октябре», где зрителю демонстрируют Ленина, незримо появляется и Сталин. Ленин первым же произнесённым предложением просит товарища Василия передать сообщение Сталину и только после этого – письмо Н.К. Крупской. После приезда к Анне Михайловне (Феофановой) Ленин снова обращается к Василию, чтобы он, впрочем, как и зритель, не забывал о том, кто главный человек в жизни Ильича: «Помните, прежде всего – свидание со Сталиным». При встрече двух вождей демонстрируется и их физическая близость, они обнимаются дважды. В фильме И.В. Сталин интересуется бытовыми условиями В.И. Ленина. В сценарии такое заботливое отношение у советских вождей было обоюдным. Давая очередное указание Василию, Ленин проявляет заботу о скромном и/или неприхотливом Сталине: «Последнее – возьмите деньги – вот... достаньте теплое кашне и передайте его Сталину. И нужно сделать это тактично»³⁷. Среди положительных идентифицируемых героев выделяются также Ф.Э. Дзержинский и Я. Свердлов.

На противоположном полюсе от «истинно советских людей» стояли враги советской власти, склонные к заговору, который являлся основой вражеского действия в дилогии. В первоначальном сценарии и в итоговом варианте порядок показа врагов советской власти разнится. В фильме «Ленин в Октябре» первые необезличенные враги – это Троцкий, Каменев и Зиновьев. Правда, в фильме о них рассказывают, а не показывают.

Обстановка в партии большевиков накануне восстания не была спокойной, разногласия проявлялись и в ходе заседаний 10 и 16 октября. Ни о каком единстве партии в тот момент говорить нельзя³⁸. В фильме события партийных заседаний перемешаны, несколько заседаний представлены как одно – 10 октября 1917 г. Зрителя в полной мере на заседание ЦК непускают: общего плана нет, лишь речь Ленина. Впрочем, как и Василия: тот ждет за дверью. Тем не менее события с возражением Каменева и Зиновьева против вооружённого восстания изложены достаточно последовательно. Зритель видит Ленина, выступающего на партийном заседании, обвиняющего в предложении ждать³⁹. Stalin в оригинальной версии фигурирует на заднем плане относительно Ленина. Предатели присутствуют на словах, но не изображаются.

В сценарии А.Я. Каплера Зиновьеву давалось слово на партийном заседании: «... Я глубоко убежден, что объявлять сейчас вооруженное восстание – значит ставить на карту судьбу партии, судьбу русской и международной революции»⁴⁰. Однако впоследствии позиция «врага» была минимизирована.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

³⁸ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 715–717.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

⁴⁰ Там же. Ф. 631. Оп. 3. Д. 277. Л. 15.

В сценарных версиях фильма «Ленин в Октябре» первыми представленными зрителю врагами являются представители буржуазии. В авторском варианте сценария А.Я. Каплера враги-буржуи не только появляются первыми, но и лучше прописаны по сравнению с другими антагонистами, им отведено больше сцен. Во главе их находится Родзянко, заседают они в кабинете посла иностранной державы⁴¹: «В креслах – миллионеры, заводчики, министры Временного правительства Терещенко и Коновалов, какой-то генерал, два полковника. В глубине, на диване, сложив мясистые руки на огромный живот, развалился слоноподобный Родзянко»⁴². Делается акцент на том, что Временное правительство готовило сдачу Петрограда: «Родзянко, который, как известно, в это самое время подготовил сдачу Петера немцам»⁴³. Данное обстоятельство согласуется с ленинской позицией о намерениях Родзянко сдать Петроград немцам⁴⁴, хотя документальных доказательств таких намерений нет.

Родзянко весьма узнаваем, но вот министры Терещенко и Коновалов вряд ли были известны широкой публике. Кроме того, если указанные лица представляли скорее реакционные силы, то был ещё один спектр враждебных большевикам сил – демократических. В отличие от врагов, засевших в самой партии большевиков, эти буржуазно-демократические враги не представлены конкретными историческими фигурами: ни Рутковский, ни Кириллов, ни Жуков не являются историческими фигурами. Можно предположить, что прообразом Жукова является Мартов, а Рутковского – Савинков, однако прямых указаний на это нет.

Одной из главных характеристик буржуазных врагов является то, что они действуют всегда в согласии со своими зарубежными партнёрами, полагаясь на их помощь и поддержку. Более того, в своей борьбе против большевиков они готовы жертвовать российскими территориями⁴⁵. Посол иностранной державы говорит, что надо разоружить заводы руками эсеров и меньшевиков, а затем «принять некоторые меры относительно большевистских лидеров». Родзянко менее осторожен в своих высказываниях и прямо говорит о необходимости убить Ленина. Сценарный вариант расширял список большевиков, убийство которых планировалось буржуями: «Паузу прерывает военный атташе: – Надо понимать господина посла немножко шире. Большевистский партий имеет свою головка. Есть Ленин и есть Сталин.⁴⁶ <...> – Затем Свердлова! – кричит Терещенко»⁴⁷. Далее по ходу сце-

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 13. В авторском сценарии А.Я. Каплера они заседали первоначально в кафе.

⁴² Там же. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 13.

⁴³ Там же. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

⁴⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М., 1965. Т. 34 URL: <https://leninism.su/works/73-tom-34/1712-pismo-k-chlenam-partii-bolshevikov.html> (дата обращения: 30.10.2025)

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Л. 15.

⁴⁷ Там же. Л. 16.

ны перечисляются еще Дзержинский и Урицкий. Присутствует в фильме и А.Ф. Керенский. Несомненно, для массового зрителя это была одна из наиболее узнаваемых фигур. Однако он изображён как человек, лишённый фактической власти и потерявший связь с реальностью. Окружение Керенского насмехается над его пафосной манерой речи и не видит в нём политического лидера.

Судя по имеющимся материалам, антигерои в первом фильме о Ленине произвели не столь сильное впечатление на зрителя, однако шпик некоторым запомнился: «Приходит Лагутин [актер] ко мне [М.И. Ромм] и говорит: «Какой успех! Вчера на улице мальчишки узнали меня и закидали камнями, а в трамвае какой-то парень посмотрел на меня и говорит: «Ты где сходишь, гад?» Пришлось ехать до конечной остановки»»⁴⁸.

В исследуемой дилогии на примере революционного периода авторам нужно было продемонстрировать советскому (и не только) зрителю абсолютное превосходство партии большевиков и их закономерную победу над остальными политическими силами и при большой поддержке населения. Однако отображению центристских или правых партий, таких как кадеты или октябристы, не нашлось места. Они отождествлялись со всеми буржуазными силами в виде капиталистов разного масштаба, помещиков и офицерства. Выразителем их политической воли являлось, согласно дилогии, Временное правительство, пусть и к октябрю 1917 г. наступило разочарование буржуазных сил в фигуре А.Ф. Керенского.

Сложнее оказалось А.Я. Каплеру и М.И. Ромму в первом фильме определиться со стратегией репрезентации эсеров. Первоначальная стратегия предполагала показать, с одной стороны, ту поддержку, которой пользовалась партия эсеров у населения, с другой стороны, наступившее разочарование после нежелания немедленно заканчивать войну. В режиссёрском сценарии указано, что на митинге (начальная сцена) выступает эсер, который говорит о необходимости участия в войне до победного конца. Большевик Матвеев доказывает, что оратор совсем не крестьянин, а маскирующаяся интеллигенция⁴⁹. Также эсеры фигурировали в сцене с письмом из деревни, в котором было описано, что крестьяне первоначально были с эсерами, но те поддержали Керенского и продолжение войны, поэтому крестьяне передумали, а еще заодно убили офицеров⁵⁰. От этих сцен в «Ленине в Октябре» было решено отказаться. В итоговом варианте эсеры и меньшевики оказались прикреплены друг к другу, как и их олицетворения – Жуков и Рутковский.

Следует отметить, что в фильме фигурирует ещё одна политическая сила – это анархисты. Правда, информация о них лишь мелькает в кадре в виде расположенной в Смольном таблички «Анархисты на третьем этаже». Вероятно, такое изображение должно было передать зрителю послание о незначи-

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 35. Л. 13

⁴⁹ Там же. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

⁵⁰ Там же. Л. 35.

тельной роли анархистов в революционных событиях. В одной из сцен В.И. Ленин упоминает черносотенную газету, говоря, что врагов надо знать в лицо.

Перед создателями фильма вставал ряд трудностей и в демонстрации Советов. Согласно «Краткому курсу истории ВКП(б)», после февральских событий 1917 г. Советы захватили меньшевики и эсеры, которые своими действиями дискредитировали Советы среди населения⁵¹. Однако после корниловского мятежа авторитет и влияние Советов выросло⁵². Авторы не могли раскрывать позицию Троцкого по восстанию, показывая его деятельность в Петроградском Совете. Ввиду этого Советы в фильме оказались фактически исключены из нарратива, присутствуя лишь в виде лозунгов на плакатах.

Одним из принципиально важных моментов стало изображение роли Военно-революционного комитета (далее – ВРК). 20 октября было образовано бюро в составе трех большевиков (Антонов-Овсеенко, Подвойский, Садовский) и двух левых эсеров (П.Е. Лазимир, Г.Н. Сухарьков). ВРК заручился поддержкой петроградского гарнизона. ВЦИК покинул Смольный, с 22 октября там разместился штаб по подготовке вооружённого восстания⁵³. Однако на момент съемок фильма документы, которые касались ВРК, были засекречены.

Вопрос о роли ВРК оказался весьма важным для И.В. Сталина в связи с формированием нарратива о его участии в революционных событиях октября 1917 г. Для подчеркивания роли Сталина в этих событиях надо было сместить акцент с ВРК на так называемый Военно-революционный центр (дале – ВРЦ). Впервые смещение акцента произошло ещё в 1924 г. в ходе так называемой «литературной дискуссии», когда в выступлении Сталина именно ВРЦ был назван главным в организации восстания. Исследователь Е.Ю. Синин пишет, что для доказательства данного положения И.В. Сталин специально обратился к протоколам заседания ЦК РСДРП(б) именно от 16 октября 1917 г. с концентрацией на «практическом центре» руководства восстанием⁵⁴. При этом как другие документы, так и воспоминания, созданные в скромом времени после революционных событий, не приводят данных о какой-то особой роли ВРЦ.

В одном из первых вариантов режиссёрского сценария указана в форме примечания перед началом непосредственно текста сценария историческая неточность с несколькими заседаниями ЦК в реальности, которые в фильме были слиты в одно. Отдельно указано на «выбор пятерки по руководству восстанием», которое состоялось 16 октября⁵⁵. Здесь определён-

⁵¹ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 170.

⁵² Там же. С. 193.

⁵³ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 718.

⁵⁴ Синин Е.Ю. И.В. Сталин и Военно-революционный центр: одна из страниц «литературной дискуссии» в РКП(б) 1924 года // Актуальные вопросы гуманитарных наук: сб. научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. М., 2020. Вып. 3. С. 318.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

но имеется ввиду ВРЦ и расстановка сил в соответствии со сталинской концепцией. В сценарии на партийном заседании демонстрировался момент с выбором ВРЦ⁵⁶. Из большевистских органов акцент был сделан именно на партию, а точнее на ЦК. Далее ВРЦ исчезает. Непосредственно восстанием, за исключением Ленина, который руководит скорее теоретически, согласно нарративу фильма, руководит «Штаб в Смольном». Однако указатель на стене Смольного гласит «Военно-революционный комитет». Звонок на фабрику о начале восстания раздается именно от ВРК. Добравшись, несмотря на различные угрозы и опасности, в Смольный, Ленин сразу направляется к Сталину, где зритель может увидеть тот самый «штаб»: Сталин в центре завис над картой Петрограда, рядом с ним Дзержинский, матрос и ещё два неаннотированных персонажа. Однако сам момент восстания четырежды перебивается титром «Военно-революционный комитет», именем же ВРК арестовывается и Временное правительство.

Отдельным блоком следует сказать про женских персонажей в фильме «Ленин в Октябре». Большинство женских персонажей находятся в домашнем пространстве: Анна Михайлова, приотившая Ленина по возвращении, жена Василия Наталья, даже Н.К. Крупская. Они не показаны какими-то активными участницами революционного процесса. Наталья, находящаяся в положении, выражает озабоченность происходящими событиями, указывает Василию, что отец из него так себе, т. к. он постоянно отсутствует. Тем не менее каждая из героинь высказывает личную человеческую симпатию к В.И. Ленину. Довольно часто на обсуждениях фильма звучал вопрос от зрителей, а где же Крупская. Это касалось не только подтверждения ею подлинности образа Ильича, но и непосредственного киновоплощения. В ходе зрительских обсуждений поднималось ещё несколько вопросов касательно женских персонажей. Несмотря на то, что женщины в фильме представлены преимущественно в домашнем пространстве, появление буквально нескольких женщин среди заводчан и марширующих колонн в Смольном вызвало дискуссию. Один из рядовых зрителей указывал, что подобные мелочи вносят долю фантазийного в фильм: «Вот, например, показан штрих – сбор на заводе и некоторые женщины (может быть женщинам это покажется обидным) очень революционно настроены. В самом деле этого не было. Женщины того времени значительно больше были забитым человеком, чем рабочий (шум зала). Возьмите фотоснимки рабочей гвардии того времени – увидите ли вы там женщину. Значит в погоне за задачами сегодняшнего дня вы нарушаете истину»⁵⁷. Несомненно, общий тренд о соотношении участвовавших в революционных событиях октября мужчин и женщин был истолкован зрителем верно, но полное исключение женщины из революционного процесса на экране не было оправдано для создателей фильма ни с исторической, ни с идеологической точек зрения.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 17.

⁵⁷ Там же. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 9.

Таким образом, реконструкция процесса производства раскрывает, как под влиянием цензуры, ограниченного доступа к источникам и политической конъюнктуры авторы мифологизировали Октябрьскую революцию: упрощая хронологию событий, минимизируя роль оппозиции и акцентируя единство вождей (Ленина и Сталина) как героев-символов. Фильм отвергает февральские события как часть нарратива, фокусируясь на борьбе с буржуазией и заговорами, что усиливает мотив «шпиономании» и подчёркивает неизбежность большевистской победы при народной поддержке. Репрезентация персонажей отражает гендерные и социальные стереотипы эпохи: участие женщин (в том числе реальных исторических личностей) минимизировано, они ограничены домашним пространством, в то время как мужские герои (Василий как собирательный образ народа) идеализированы, хотя реальный исторический прототип был исключен. Политические силы (эсеры, меньшевики, анархисты) карикатурны или минимизированы, а институты вроде ВРК подчинены нарративу о партийном руководстве.

Список литературы:

1. Апостолов А.И. Воображая жертву: жертвенность в контексте трансформаций историко-революционного нарратива в советском кино сталинской эпохи // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 2 (31). С. 66–82.
2. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 365 с.
3. Добренко Е.А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛО, 2008. – 416 с.
4. Киселева А.А. Формирование отношения к российской истории в СССР 1930–1940-х гг. (на материале исторического кино) // Studia Culturae. 2021. № 47. С. 130–141.
5. Мазур Л.Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917–1953 гг. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 168–182.
6. Семенова Н.В. Интерпретация ранней советской истории в драматургической «лениниане» // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 290–300.
7. Синин Е.Ю. И.В. Сталин и Военно-революционный центр: одна из страниц «литературной дискуссии» в РКП(б) 1924 года // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Сб. научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. Вып. 3. М.: Книгодел, 2020. С. 315–326.
8. Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. – 366 с.
9. Федоров А.В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М.: ОД «Информация для всех», 2023. – 1270 с.

Об авторе:

Филина Юлия Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: juliaphilinaiai@icloud.com

Formation of the Soviet Historical-Revolutionary Narrative in the 1930s: Analysis of M. I. Romm's Film «Lenin in October»

Julia Philina

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article analyzes the creation process of M.I. Romm's film "Lenin in October" (1937) in the context of the formation of the Soviet historical-revolutionary narrative in the 1930s. Based on archival materials and memoirs of the film's authors, the evolution of the script, the representation of key characters (V.I. Lenin, I.V. Stalin, enemies of the revolution), and political forces (Bolsheviks, Socialist Revolutionaries, Mensheviks) is reconstructed. Special attention is paid to the influence of ideological guidelines and access to historical sources on the construction of the narrative. The film illustrates the transition from the collective history of the party to a heroic narrative. The study reveals the mechanisms of mythologization of the October Revolution, including the simplification of the event chronology, the minimization of the opposition's role, and the emphasis on the unity of the leaders (V. I. Lenin and I. V. Stalin) as symbolic heroes.

Keywords: historical-revolutionary narrative, Soviet cinema, "Lenin in October", M. I. Romm, A. Ya. Kapler, October Revolution, propaganda, censorship, character representation, Stalin era.

About the author:

Philina Julia – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Russian History, RAS (Russia, Moscow, Dm. Ulyanova St., 19), e-mail: juliaphilinaiai@icloud.com

References:

- Apostolov A.I. *Voobrazhaya zhertvu: zhertvennost' v kontekste transformatsiy istoriko-revolyutsionnogo narrativa v sovetskem kino stalinskoy epokhi*. Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. 2018. No. 2 (31). P. 66–82.
- Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosver i terror v SSSR, 1927–1941*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. 365 p.

- Dobrenko E.A. *Muzey revolyutsii: sovetskoe kino i stalinskiy istoricheskiy narrativ*. Moscow: NLO, 2008. 416 p.
- Kiseleva A.A. *Formirovanie otnosheniya k rossiyskoy istorii v SSSR 1930–1940-kh gg. (na materiale istoricheskogo kino)*. Studia Culturae. 2021. No. 47. Pp. 130-141.
- Mazur L.N. *Konstruirovaniye revolyutsionnogo mifa v sovetskom khudozhestvennom kinematografe. 1917–1953 gg.* Vestnik arkhivista. 2017. No. 3. Pp. 168-182.
- Semenova N.V. *Interpretatsiya ranney sovetskoy istorii v dramaticeskoy «leniniane»*. Istoricheskoe znanie i poznavatel'nye praktiki perekhodnykh periodov vsemirnoy istorii. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 290–300.
- Sinin E.Yu. I.V. *Stalin i Voennorevolyutsionnyy tsentr: odna iz stranits «literaturnoy diskussii» v RKP(b) 1924 goda*. Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk. Sb. nauchnykh statey bakalavrov, magistrantov i aspirantov. Vyp. 3. Moscow: Knigodel, 2020. P. 315–326.
- Tikhonov V.V. *Poleznoe proshloe. Istoriya v stalinskem SSSR*. Moscow: NLO, 2024. 366 p.
- Fedorov A.V. *Tysyacha i odin samyy kassovyy sovetskiy fil'm: mneniya kinokritikov i zriteley*. Moscow: OD «Informatsiya dlya vsekh», 2023. 1270 p.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430).086 "Третья империя"-054.411.16(054)

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.114–128

«Восточные евреи» в письмах немецких солдат (по материалам еженедельника «Штюрмер»)

А.М. Ермаков

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

В статье исследуются письма военнослужащих вермахта, направленные в годы Второй мировой войны в антисемитскую еженедельную газету «Штюрмер». Показаны особенности «Штюрмера» как периодического издания, не содержащего свежих новостей за исключением сведений из писем читателей. Охарактеризованы особенности писем полевой почты в «Штюрмер» как исторического источника. Выявлены средневековые стереотипы, типичные для восприятия «восточных евреев» военнослужащими германского вермахта: трусость, скрупость, жадность, нежелание и неумение работать, лживость, дурной запах, плоскостопие, моральная распущенность, неумеренная сексуальная активность. Изучены элементы расово-биологического антисемитизма в мировоззрении солдат и офицеров, распространение в вермахте мифов о «всемирном еврейском заговоре», «еврейском большевизме» и расовом превосходстве немцев. Установлено, что германские военнослужащие являлись не только потребителями, но и создателями и распространителями антисемитской пропаганды.

Ключевые слова: антисемитизм, Холокост, нацистская Германия, Вторая мировая война, вермахт, письма, образ другого, периодическая печать.

Изучение истории геноцидов, в том числе Холокоста, показывает, что их осуществление невозможно без активного участия больших групп рядовых исполнителей преступных приказов, без их готовности наилучшим образом выполнить поставленную задачу, проявить инициативу и изобретательность. Не единственным, но важным мотивом исполнителей является убеждение в том, что они действуют во благо собственной этнической, национальной, религиозной или политической группы. Историками опровергнуты представления о том, что нацистский геноцид еврейского народа осуществлялся узкой группой карателей в условиях неосведомлённости, неведения немецкого народа. Неопровергимо доказано, что Холокост стал возможным благодаря одобрению, поддержке и активному участию сотен тысяч, если не миллионов немцев.

Изучена и криминальная роль гитлеровского вермахта, не признанного Международным Военным Трибуналом преступной организацией ввиду недостаточности доказательств. В наши дни собрано достаточно свидетельств того, что солдаты вермахта были хорошо информированы о происходящем с евреями на Востоке, с интересом наблюдали за экзекуциями, делали фотоснимки для своих альбомов и сами в инициативном порядке убили множество евреев. В годы Второй мировой войны вермахт достиг численности 9 млн человек¹, а всего в 1939–1945 гг. в его рядах побывало 18,1 млн человек². Один из исследователей заметил, что вермахт можно назвать «вооруженным народом».

Отнюдь не все немцы воспринимали «своих», германских евреев как чужаков, особенно в первые годы после прихода нацистов к власти³. Вторжение вермахта в Польшу позволило миллионам немецких военнослужащих своими глазами увидеть «настоящих» евреев с пейсами и в кафтанах, не говорящих по-немецки, а после нападения на Советский Союз они лицом к лицу встретились с «евреями-большевиками». Свои впечатления о «восточных евреях» солдаты транслировали на родину в письмах родным, друзьям и знакомым, а те, кто хотел широкого распространения своих наблюдений, писали в антисемитский еженедельник «Штурмер».

* * *

Еженедельная газета «Штурмер» была основана гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером, издавалась в столице гау Нюрнберге и распространялась по всей Германии. Первый номер «Штурмера» вышел в Нюрнберге 20 апреля 1923 г., последний – предположительно 22 февраля 1945 г. Так как в нём не содержится сведений о прекращении издания или прощения с читателями, то историки допускают существование неизвестных им следующих номеров газеты⁴.

Штрейхер всегда, в том числе после отставки с поста гауляйтера в 1940 г., оказывал решающее влияние на содержание газеты. Он вспоминал: «Я продолжал издавать “Штурмер”. Я никогда не переставал осуществлять редакторский контроль над этим изданием, а Хольц, Гимер и другие мои помощники проводили ежедневные и еженедельные совещания со мной, так что я рассматривал все материалы, печатавшиеся в “Штурмере”»⁵. Эти слова подтверждаются свидетельскими показаниями Гимера на Нюрнбергском процессе: «На самом деле он был главным редактором, и все остальные коллеги – неважно, был ли это его заместитель Хольц или другие – должны бы

¹ Bartow O. Hitlers Wehrmacht: Soldaten, Fanatismus und die Brutalisierung des Krieges. Reinbek bei Hamburg, 1995. S. 25.

² Лопез Ж., Обен Н., Бернар В., Гийера Н. Инфографика Второй мировой войны. М., 2021. С. 21.

³ См., напр.: Simon M. Untergetaucht. Eine junge Frau überlebt in Berlin 1940–1945. Frankfurt a/M., 2014. S. 39–96.

⁴ Roos D. Julius Streicher und «Der Stürmer» 1923–1945. Paderborn, 2014. S. 383.

⁵ Голденсон Л. Нюрнбергские интервью. Екатеринбург, 2008. С. 376.

ли показывать свои статьи Штрайхеру, прежде чем отдавать их в печать. Время от времени Штрайхер распоряжался о внесении изменений; кроме того, он давал поручения по написанию статей и использованию в них тех или иных аргументов. Штрайхер был знаком со всеми статьями, которые появлялись в «Штурмере». Он был ответственным руководителем, редактором газеты «Штурмер». Все остальные были только его помощниками. Он часто с гордостью признавался, что был неотделим от «Штурмера». «Штрайхер и Штурмер – одно и то же», - таков был его лозунг⁶.

Так как «Штурмер» не располагал штатом собственных корреспондентов (единственным оплачиваемым репортёром в 1920-е гг. был Эрнст Гимер) и не мог публиковать действительно свежие новости, то для существования газеты как источника информации было важно получение писем читателей. Поэтому в 7-м номере за 1923 г. читателей впервые призвали «сотрудничать» со «Штурмером» и сообщать о текущих событиях. Антисемитски настроенные немцы широко использовали эту возможность, и редакция «Штурмера» не испытывала недостатка в корреспонденции. По мнению немецкого историка Д. Рооса, авторы писем воспринимали «Штурмер» как передового борца за общее дело, как собеседника, советчика, учителя и глашатая правды⁷. Как установил американский историк Ф. Хан, в еженедельнике писали представители всех слоёв общества⁸.

Первое письмо было опубликовано в «Штурмере» в августе 1923 г. В июне 1924 г. письма читателей стали постоянной рубрикой еженедельника, в 1926 г. она получила название «Почтовый ящик». В письмах ставились вопросы, освещалась позиция писавшего по какой-либо проблеме или содержался рассказ из личного опыта общения с евреями. На некоторые письма «Штурмер» давал ответ, а иногда публиковал только сам ответ, из которого была ясна суть вопроса⁹. Время от времени в газете печатались критические письма, на которые давались циничные комментарии. Диалог с читателями стал отличительной чертой «Штурмера».

В июле 1937 г. в газете открылась рубрика читательских писем «У позорного столба». Она была посвящена «еврейским лакеям» - тем, кто забыл о «расовой гордости», игнорировал антисемитские распоряжения, поддерживал дружбу с евреями, оказывал им помощь и продолжал делать покупки в еврейских магазинах. В первую очередь «к позорному столбу» ставились женщины, имевшие действительные или мнимые связи с евреями.

⁶ Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Vol. XII. Nuremberg, 1949. P. 409.

⁷ Roos D. Op. cit. S. 440.

⁸ Hahn F. Lieber Stürmer! Leserbriefe an das NS-Kampfblatt 1924-1945. Eine Dokumentation aus dem Leo-Baeck-Institut. Stuttgart, 1978. S. 8.

⁹ Цит. по: Roos D. Op. cit. S. 113.

* * *

В 1933–1939 гг. военнослужащие, как и остальные немцы, могли прочитать «Штюрмер» на уличных стенах, купить в газетном киоске или у уличного торговца. С началом Второй мировой войны редакция нашла ещё один способ распространения еженедельника. В нём появились купоны с текстом: «Я хотел бы, чтобы незнакомому солдату на фронт впредь приходил “Штюрмер”. Подпись цену в размере 0,90 марок за месяц октябрь я перевожу на почтово-сберегательный счёт 105 Нюрнберг с реквизитом “Полевая почта” (прилагается в почтовых марках). По желанию “Штюрмер” сообщит храброму фронтовому солдату адрес [жертвователя]». Желающий мог указать свою фамилию, профессию, населенный пункт, улицу и номер дома¹⁰. По-видимому, отклик на этот призыв был небольшим, поскольку вскоре редакция стала предлагать отправлять еженедельник знакомому солдату: «Солдат на фронте и “Штюрмер” ведут общую борьбу против еврейских поджигателей войны. Ежедневно со всех участков фронта в “Штюрмер” поступает большое количество писем наших солдат. Солдаты осаждают пункты полевой почты. Они ждут “Штюрмер”. Дорогой читатель! Прими участие в этой большой просветительской борьбе и пришли нам адрес солдата, чтобы он регулярно получал “Штюрмер”. Так ты исполнишь свой священный долг!»¹¹ Вскоре редакция вернулась к предложению анонимной отправки «Штюрмера» на фронт, выдвинув лозунг «“Штюрмер” должен быть в ранце каждого солдата!»¹² Еженедельник использовал в своей рекламе письма. Например, чтобы убедить читателей покупать газету для отправки на фронт, в рекламном объявлении было перепечатано письмо от одного берлинского мясника: «Я хотел бы внести свой вклад в новые ошеломляющие успехи наших войск. Вместо отправки 20 солдатам, которые раньше получали от меня “Штюрмер”, я прошу впредь посыпать “Штюрмер” сорока военнослужащим вермахта. От других солдат я знаю, как они всякий раз радуются твоему появлению!» Редакция еженедельника уверяла, что каждый день получает множество подобных писем¹³.

Позднее вместо купона в газете публиковались короткие призывы «“Штюрмер” – пошли его на фронт!» или «Передавай “Штюрмер” из рук в руки!» Неизвестно, сколько экземпляров «Штюрмера» попадало в воинственные части и сколько постоянных читателей в военной форме было у еженедельника. По свидетельству советского разведчика Якова Ингермана, служившего в батальоне связи на Восточном фронте, «Штюрмер» доставляли в батальон время от времени. «Его никто не хотел читать, а отдавали мне». В свою очередь Ингерман приносил «Штюрмер» своему сослуживцу бывшему коммунисту Штрейхеру со словами «Получи журнал своего кузена».

¹⁰ Der Stürmer. 1939. Oktober. Nr. 40. S. 11.

¹¹ Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 1. S. 11.

¹² Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 3. S. 11.

¹³ Der Stürmer. 1940. Mai. Nr. 18. S. 9.

Тот с отвращением его отталкивал¹⁴. Хотя в постоянном поглощении антисемитской пропаганды не было необходимости. Тот же Ингерман свидетельствует, что подавляющее большинство солдат батальона и без того были антисемитами, не испытывали никакого сочувствия к евреям, а при случае глумились над ними.

* * *

Несомненно, каждый экземпляр еженедельника мог пройти не через одни руки, у него имелись не только поклонники, но и добровольные корреспонденты. Уже в октябре 1939 г. в еженедельнике было опубликовано первое солдатское письмо из Польши, снабжённое несколькими фотографиями евреев. Своего воинского звания автор, Гарри Ханевальд, не сообщил¹⁵. А в ноябре в газете появилась рубрика «Солдаты видят евреев. Письма полевой почты “Штурмеру”». За короткий срок она сменила три названия, после чего окончательно утвердился первый вариант. Редакция «Штурмера» время от времени публиковала призыв, обращенный к солдатам в Польше и Советском Союзе: «Многие наши друзья сейчас находятся на Востоке. Каждый день у них есть возможность видеть евреев, слышать о преступлениях евреев и наблюдать евреев во всей их гнусности. Мы просим наших друзей на Востоке поддержать нашу просветительскую работу на службе нееврейскому человечеству отправкой сообщений, фотографий, журналов и документов»¹⁶.

Поток солдатских писем в «Штурмер» не иссякал в течение первых трёх лет войны. Последняя их публикация состоялась 15 октября 1942 г. После этого изредка печатались только письма штатских немцев из Германии, собранные в рубрику «Что пишут “Штурмеру”». Контакты между немецкими солдатами и евреями на Востоке становились всё реже, так как вследствие массового истребления евреев их численность стремительно сокращалась. Только между июлем и декабрем 1941 г. нацисты уничтожили по меньшей мере 1 млн евреев в Польше¹⁷. «Еврейский вопрос» в Советской Прибалтике был в основном решён уже к январю 1942 г., Варшавское гетто прекратило своё существование 14 мая 1943 г., Минское гетто – 23 октября 1943 г.¹⁸ К тому же начиная с 1943 г. наступление Красной армии вело к сокращению оккупированной гитлеровцами территории на Востоке. Несомненно, влияло на объём и периодичность публикации солдатских писем уменьшение объёма газеты из-за экономии бумаги. Если в 1939 г. «Штурмер» состоял из 12 страниц, то с начала 1942 г. он издавался на 8-и страницах, а потом сократился до 6-и страниц.

¹⁴ Ингерман Я. Еврей на «службе» в Рейхе. Киев, 2008. С. 95–96.

¹⁵ Hahnwald H. Juden lernen arbeiten. Ein Bericht von der Ostfront // Der Stürmer. 1939. Oktober. Nr. 40. S. 9.

¹⁶ An unsere Stürmerleser im Osten // Der Stürmer. 1942. 22. Januar. Nr. 4. S. 3.

¹⁷ Холокост: Энциклопедия. М., 2005. С. 473.

¹⁸ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 597.

При анализе опубликованных в «Штурмере» писем надо учитывать, во-первых, что редакция осуществляла их строгий отбор. Корреспонденция, в которой рассказывалось о том, что евреи оказывают сопротивление, что на оккупированной территории совершаются массовые убийства, что положение на Восточном фронте становится критическим, в печать не попадала¹⁹. Во-вторых, обычно обнародовались только фрагменты писем, выбранные сотрудниками газеты. В-третьих, письма подвергались технической редактуре, поэтому никаких грамматических и пунктуационных ошибок в них нет. В-четвёртых, следует иметь в виду, что в обычай редакции была правка материалов. Например, широко использовалось ретуширование фотографий с целью обезображивания евреев, придания им характерного внешнего облика²⁰. Можно с уверенностью утверждать, что изменения производились и в текстах опубликованных читательских писем. Они написаны простым, но безупречным немецким языком, не содержат лексических погрешностей. Часто сотрудники газеты давали опубликованным отрывкам заголовки, отражающие, по ее мнению, основную мысль или суть рассказанного солдатом события. Далее, солдатские письма в «Штурмер» не являются эго-документами, так как авторы сочиняли их с целью обнародования. Исключением являются немногие письма, отправленные солдатами домой и переданные в редакцию их родственниками. Наконец, неверно было бы представлять, что «восточные евреи» постоянно занимали солдатские мысли. Немецкий историк Мартин Хумбург, изучивший более двух тысяч писем германских военнослужащих из Советского Союза, установил, что евреи упомянуты только в 2 % из них, причём некоторые солдаты писали о евреях по несколько раз²¹.

Уверенность эмигрантов-антифашистов в том, что немцы не могут быть такими ненавистниками евреев и редакция сама сочиняет письма, оказалась совершенно беспочвенной²². Редакция «Штурмера» получала настолько много корреспонденции, что не успевала её обрабатывать. Она была вынуждена успокаивать солдат, чьи письма не были напечатаны. В сентябре 1940 г. еженедельник обратился к фронтовикам: «Дорогие фронтовые товарищи! «Штурмер» благодарит вас за множество писем, которые вы нам написали. Опубликовать каждое письмо, конечно, невозможно. Мы рады всем письмам. То, что не может быть опубликовано, попадает в наш архив. Помогайте нам распространять наш образ мыслей! Этим вы сослужите службе не только Великогерманскому рейху, но и всему нееврейскому человечеству»²³. В отдельные месяцы 1940 г. солдатские письма из Польши поступали в таком количестве, что для их обнародования дополнительно использовалась рубрика «Наша просветительская борьба».

¹⁹ Hahn F. Op. cit. S. 219.

²⁰ Besuch in der Redaktion des «Stürmer» // Aufbau. 1945. 13. Juli. S. 2.

²¹ Humburg M. Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtssoldaten aus der Sowjetunion 1941–1944. Opladen, Wiesbaden, 1998. S. 197–198.

²² Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007. С. 248.

²³ Der Stürmer. 1940. 5. September. Nr. 36. S. 10.

Большинство авторов опубликованных писем – это солдаты вермахта, а в некоторых случаях – солдаты Ваффен-СС. Хотя «Штурмер», по замыслу его создателя Штрайхера, предназначался для немцев с низким уровнем образования и интеллекта, некоторая доля его читателей была лучше образована и не стеснялась вынести свои суждения на широкий суд. Среди добровольных корреспондентов газеты обнаружилось немало военных чиновников (их чины соответствовали унтер-офицерским или офицерским званиям в армии), военных врачей и медсестер Германского Красного Креста, офицеров от лейтенанта до гауптмана (капитана). Среди авторов нет ни одного, кто признался бы, что до отправки на Восток не разделял антисемитских убеждений. Зато многие с гордостью сообщали о себе, что ещё до войны состояли в штурмовых отрядах (СА), были «боевыми товарищами „Штурмера“», «друзьями „Штурмера“», то есть распространителями газеты на общественных началах или по меньшей мере его читателями. Ефрейтор В. Шлих писал: «Я читаю тебя с 1931 года и с этого времени с большим интересом слежу за еврейским вопросом», а солдат Альфред Вайднер до войны «после работы всегда проводил время у стенда „Штурмера“»²⁴. Унтер-офицер Гвидо Вёрнер сообщал, что «уже много лет» помогает «вести борьбу с еврейством», а ефрейтор Альберт Герман указывал, что как житель Нюрнберга он «уже много лет просвещен в еврейском вопросе». Закоренелые антисемиты, надев военную форму, продолжали распространять ненависть к евреям. В газете были напечатаны два солдатских письма с рассказами об открытии стендов «Штурмера» в польских городах Пабьянице (18 октября 1939 г.) и Ярославе (декабрь 1939 г.) и подтверждающие фотографии.

Обработанные многолетней нацистской пропагандой военнослужащие не были способны к критическому осмыслинию увиденного и пережитого. Наблюдаемое ими на Востоке полностью соответствовало их антисемитским предубеждениям. Австрийский историк Вальтер Маношек на основании анализа личной корреспонденции солдат установил, что в их письмах «нашли отражение все разновидности антиеврейских стереотипов» и что эти стереотипы «поразительно быстро» менялись вслед за изменениями в официальной пропаганде²⁵.

Лейтмотивом солдатских писем в «Штурмер» было утверждение, что реальность превзошла все их ожидания «в два раза», «в десять раз», что увиденное в Польше и Советском Союзе нельзя выразить словами: «У меня не хватает слов, чтобы описать эту язву человечества так, как она того заслуживает» (солдат А. Виссинг); «Евреи – еще большие обманщики, чем пишет „Штурмер“» (Оттилия Ямниг); «Ваш боевой листок никогда не преувеличивал. Действительность еще ужаснее. Кажется, что в Польше собирались самые что ни на есть отбросы из этих подонков» (Герберт Герман); «Иногда „Штурмер“ пишет почти невероятные вещи. Но сегодня я утвер-

²⁴ Unser Aufklärungskampf // Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 1. S. 11.

²⁵ «Es gibt nur eines für das Judentum: Vernichtung»: Das Judenbild in deutschen Soldatenbriefen. Hg. von W. Manoschek. Hamburg, 1995. S. 7.

ждаю, что это только 10 % правды. Действительность неописуема» (Е. Эрхард)²⁶; «Когда раньше мы видели в немецких газетах фотографии из России, то иногда считали такое положение дел невозможным. Но сегодня действительность превзошла все это» (унтер-офицер Герхард Люфт)²⁷.

После нападения на Советский Союз солдаты нередко выражали благодарность Гитлеру за спасение Германии от еврейского «несчастья». «Если бы еврейский большевизм распространился по Европе, то для нас настала бы ужаснейшая эпоха истории. Но сейчас мы приступили к окончательному уничтожению и искоренению всемирного еврейского врага», – радовался ефрейтор Иоганн Фукс²⁸. Ефрейтор Ваффен-СС Фриц Кекенмайстер запугивал читателей «Штурмера»: «Было бы ужасно, если бы эти орды под руководством еврейских недочеловеков вторглись в нашу страну. Если они обращаются со своими женщинами и детьми так, как мы это видим каждый день, то что сделали бы эти бестии в человеческом обличье с нашими невестами и матерями? У нас не хватит слов, чтобы отблагодарить нашего фюрера за то, что он уберег нас от этой банды»²⁹.

Солдаты воспроизводили стереотипные утверждения антисемитской пропаганды, главным образом те, которые широко тиражировал «Штурмёр». Многие из них восходили к средневековым предрассудкам.

Во многих письмах рассказывалось, что «восточные евреи» стараются любыми способами уклоняться от работы, не имеют привычки к труду и не умеют работать. Евреи «за всю свою жизнь еще никогда не работали, всю свою жизнь они совершали только мошенничество, ростовщичество и другие преступления», – писал Гарри Ханевальд³⁰. Солдат Г. Креч заявлял, что польские евреи никогда в жизни не работали, а жили за счёт торговли, обмана неевреев. Они не имеют никаких трудовых навыков: для работы, на которую немцу нужно всего лишь один час, еврею требуется целый день. «Очевидно, что евреи используют любую возможность, чтобы уклоняться от трудовой повинности». Евреи якобы живут по рецепту Талмуда: работать очень вредно, но малоприбыльно³¹.

Многие военнослужащие подтверждали, что евреи дурно пахнут, «воняют». Они отвратительны внешне и страдают плоскостопием. «Грязные, завшивевшие и совершенно неухоженные, евреи живут в притонах, по сравнению с которыми жилище самого бедного рабочего – это рай. При входе в эти жилища перехватывает дыхание. В этих так называемых “квартирах” стоит адская вонь... В этой грязи не могут вырасти приличные лю-

²⁶ Der Stürmer und die Front. Die Bedeutung unseres Aufklärungskampfes // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 49. S. 10.

²⁷ Luft G. Das Volk hungert, der Jude präbt // Der Stürmer. 1942. 29. Januar. Nr. 5. S. 6.

²⁸ Fuchs J. Das Judenparadies // Der Stürmer. 1942. 19. März. Nr. 12. S. 6.

²⁹ Käckenmeister F. Wenn sie in Deutschland eingefallen wären... // Der Stürmer. 1942. 2. April. Nr. 14. S. 6.

³⁰ Hahnewald H. Juden lernen arbeiten. Ein Bericht von der Ostfront // Der Stürmer. 1939. Oktober. Nr. 40. S. 9.

³¹ Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 50. S. 10.

ди», – писал из Польши солдат А. Виссинг³². Обер-фельдфебель Бранненбург сообщал, что «вся “культура” и “цивилизация” евреев – это одна лишь видимость. Еврей лучше всего чувствует себя в грязи»³³. Солдат Альфред Вайднер, рассказывал, что евреи в Польше «неописуемо грязные и завшившиеся», это «отродье» совершенно не моется³⁴. Унтер-офицер полевой жандармерии Вайсенбахер в своей истории о поимке семи спрятавшихся евреев утверждал, будто распространяемое ими зловоние было настолько ужасным, что их пришлось допрашивать не в помещении, а на улице³⁵. Унтер-офицер Гвидо Вёрнер рассказывал о евреях, который, судя по контексту, находился в немецком концлагере на оккупированной территории СССР: «Эта еврейская свинья не мылась несколько месяцев, его руки и лицо были покрыты черной коркой. И эти животные в человеческом обличье называют себя “избранным народом”»³⁶. Ефрейтор Георг Фёттингер писал: в жилищах евреев «стоял такой дух, что могло стать дурно. За свою жизнь я уже видел некоторое количество грязных евреев, но таких грязных парней и преступников, как здесь, на Украине, никогда»³⁷. «Евреи выглядят как дьявол во плоти. Они полностью дезорганизованы не только морально, но и физически», – считал фельдфебель Крайхауф³⁸.

Бросается в глаза заведомая лживость немецких солдат и отсутствие малейшего сочувствия к людям, которых сами же оккупанты лишили всякой возможности сохранять человеческий облик, быть чистыми и опрятными. Сродни несправедливым упрекам евреев в неопрятности рассказ унтер-офицера Готфрида Шлегеля об увиденном в Варшавском гетто: «В одной из его нищих хижин жила еврейская семья из 5 человек. 18-летняя дочь и 23-летний сын делили друг с другом одно спальное место. Старая еврейка спала с младшим сыном 16-ти лет. Старый еврей, как подтвердили нам его соседи, был болен венерической болезнью. И эта совершенно опустившаяся и дегенерировавшая раса утверждает, что она – богоизбранный народ!» Газета Штрейхера разместила этот материал под заголовком «Морально опустившиеся»³⁹. Шлегель мог не знать, что Варшавское гетто, куда было согнано 37 % населения польской столицы, занимало только 4,5 % пощади города, что из-за тесноты многие узники гетто спали по очереди и по ночам улицы были так же многолюдны, как днём. Но не замечать, что евреи в гетто находятся в бедственном положении, он не мог.

Евреям приписывались лицемерие, лживость, подлость и трусость. Немецкие военнослужащие нередко рассказывали, как евреи, по их наблю-

³² Der Stürmer und die Front. Die Bedeutung unseres Aufklärungskampfes // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 49. S. 10.

³³ Brannenburg. Jüdische “Zivilisatuon” // Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 1. S. 11.

³⁴ Unser Aufklärungskampf // Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 1. S. 11.

³⁵ Weißebacher. Jud bleibt Jud! // Der Stürmer. 1940. 15. August. Nr. 33. S. 10.

³⁶ Wörner G. Das “auserwählte Volk” // Der Stürmer. 1942. 2. April. Nr. 14. S. 6.

³⁷ Föttinger G. Sie nagelten einfach die Türen zu // Der Stürmer. 1942. 12. März. Nr. 11. S. 6.

³⁸ Kreuchauf. Jüdische Inzucht // Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 1. S. 11.

³⁹ Schlegel G. Sittlich verwahrlost // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 50. S. 10.

дениям, эксплуатируют и грабят поляков, русских, украинцев. Солдат Эрвин Мик сообщал, что «города Минск, Могилев, Смоленск, Орша, Боровск и другие особенно сильно страдают от кнута еврейства. И в сельской местности евреи тоже обманывают население»⁴⁰. Немецкие солдаты были уверены, что евреи наживаются на войне и процветают, в то время как местное население бедствует. Унтер-офицер Герхард Люфт пришёл к выводу, что «нужда населения в Советском Союзе необычайна. Только у евреев дела идут хорошо. Мы не можем понять, как иудеям удается добывать себе все дефицитные товары, в то время как народ живет в беспроблемной бедности»⁴¹. Люфт не указал, где именно он находился, однако обмолвился, что речь идёт о евреях в гетто. Трудно воспринять его слова иначе какознательную ложь. Евреи в гетто жестоко страдали от голода и буквально вымирали. При посещении гетто невозможно было не заметить крайнюю нужду его обитателей.

Значительная часть предрассудков в соответствии с традицией «Штурмера» и извращёнными вкусами его читателей была в большей или меньшей мере связана с сексуальностью: евреи промышляют сутенерством, болеют венерическими болезнями, практикуют кровосмешение. Среди евреев «процветает кровосмешение и половина (евреев) – это выродки» (солдат А. Виссинг)⁴². Польские девушки, неграмотные деревенские жительницы, нанятые евреями как домашняя прислуга, не только подвергались безмерной эксплуатации и терпели побои, ни и «становились добычей старых евреев и их сыновей...» (унтер-офицер Биркман)⁴³. Военный врач Винтер признавался, что в Париже проституция «приняла такие формы, которые, несмотря на всю изощрённую утончённость, оказывают отталкивающее воздействие на нас, немцев. У меня сразу появилось чувство: за этим опять скрывается еврей! Еврей создал парижскую проституцию, организовал ее по своему вкусу и – что для него стоит во главе угла – получил от этого огромную прибыль»⁴⁴.

Широкое хождение в вермахте получил миф о всемирном еврейском заговоре. Солдаты были уверены, что именно евреи подстрекают Англию и Францию к войне с Германией. Ефрейтор германского ВМФ Кастанес был солидарен со словами своего капитан-лейтенанта: если бы сегодня всего лишь сотня руководящих евреев Англии погрузилась на корабль, а мы ударили по нему торпедой, то завтра наступил бы мир⁴⁵. Немецкие военнослужащие моментально «раскрыли» подоплеку покушения на Гитлера немецкого антифашиста Георга Эльзера 8 ноября 1939 г. Солдат Ганс

⁴⁰ Miek E. Sie schächten noch immer! // Der Stürmer. 1942. 15. Oktober. Nr. 42. S. 7.

⁴¹ Luft G. Das Volk hungert, der Jude präßt // Der Stürmer. 1942. 29. Januar. Nr. 5. S. 6.

⁴² Der Stürmer und die Front. Die Bedeutung unseres Aufklärungskampfes // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 49. S. 10.

⁴³ Birkmann. Martyrium nichtjüdischer Dienstmädchen // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 52. S. 10.

⁴⁴ Winter R. Das wirkliche Paris // Der Stürmer. 1940. 29. August. Nr. 35. S. 10.

⁴⁵ Kastnes. Die Schuldigen // Der Stürmer. 1940. 5. September. Nr. 36. S. 10.

Бёрингер утверждал, что «действительным подстрекателем может быть только еврей, который и несет главную ответственность за это злодеяние. Уже само коварство этого гнусного деяния указывает на еврея». Убийцы «всего лишь выполняли приказ всемирного еврея»⁴⁶.

Большой поддержкой солдат пользовался и тезис нацистской пропаганды о тождестве еврейства и большевизма. Все посты чиновников и комиссаров заняты евреями – был убежден капитан Вольфганг Шпеер. Военный чиновник К. Мец точно знал, что «более ¾ комиссаров в Советском Союзе – это евреи. Народ, совершенно обедневший из-за коллективной системы, живет крайне примитивно. Условия жизни самого простого рабочего в Германии гораздо лучше, чем такого же рабочего в Советском Союзе. Хорошо, что наши люди увидели это своими глазами и поняли, что это еврей довел дело до такой нищеты»⁴⁷. Солдат Ганс Штерцель сообщал об СССР, что «нельзя описать нищету и нужду, которые здесь господствуют. При этом люди даже не знают, что дела у них так плохи, потому что они были отрезаны от всего остального мира. Мне непонятно тупоумие этих людей. Наверное, это расовый признак. Недавно мы взяли в плен бабу-солдата. Зверь мне милее, чем эти бестии, ведь зверь по меньшей мере не претендует на человечность»⁴⁸.

Солдаты вермахта искренне верили, что поляки, украинцы и русские благодарны немцам за «освобождение» от евреев. «Мы навели порядок в Польше. Часть польского населения благодарна нам за это», – писал солдат В. Кубик⁴⁹. Советские колхозники якобы уверены в том, что у них все забрали еврейские комиссары (унтер-офицер Георг Йосбергер); украинцы понимают, что корень их несчастий – евреи (унтер-офицер Георг Клингеншмидт); «народ на Востоке тоже ненавидит евреев» (унтер-офицер Гвидо Вёрнер). Война со стороны Германии, как того и хотело нацистское руководство, представлялась солдатам как крестовый поход против «всемирного еврейства» не только во имя Германии, но и всего нееврейского человечества. Капитан, подписавшийся инициалами К.Р., заявил, что каждый немецкий солдат от маршала до новобранца знает, за что сражается: за Европу, свободную от шлака «испорченной системы», за освобождение от смертельного врага всех христианских народов – еврейства⁵⁰. Военный летчик Э. Мантай гордился своим участием «в борьбе против международного еврейства»⁵¹.

Гораздо реже на страницах «Штурмера» встречались рассуждения, якобы имеющие под собой научную подоплеку. Например, военный врач Фалькнер информировал: «Мне особенно бросилось в глаза, что молодежь польских евреев очень рано созревает. Мы встречали 9-летних и 10-летних девочек, которые уже полностью развились... Один польский полицейский

⁴⁶ Böhrlinger H. Der Anstifter // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 50. S. 10.

⁴⁷ Metz K. Alle Juden sprechen deutsch // Der Stürmer. 1942. 12. Februar. Nr. 7. S. 6.

⁴⁸ Sterzel H. Der lehrreichste aller Feldzüge // Der Stürmer. 1942. 12. Februar. Nr. 7. S. 6.

⁴⁹ Kubik W. Üble Hamsterer // Der Stürmer. 1939. November. Nr. 45. S. 8.

⁵⁰ K. R. Unser Kampf // Der Stürmer. 1940. 17. Oktober. Nr. 42. S. 10.

⁵¹ Mantaj E. Juden sind unser Unglück // Der Stürmer. 1942. 22. Januar. Nr. 4. S. 6.

сообщал нам, что раньше часто арестовывали 14-летних еврейских мальчиков, которые проявляли насилие по отношению к нееврейским девушкам. Он рассказал нам и то, что еврейские девушки уже в 14–15 лет выходят замуж и рожают детей... Но еврейская молодежь от цветет так же быстро, как и созревает. Юноши становятся сгорблеными, а девушки – толстыми как откормленные свиньи. Еврейки в возрасте 25–30 лет выглядят так, словно они давно пристрастились к пиву. Так им мстит ранняя зрелость»⁵².

Фельдфебель Крайхауф тоже сделал «научное» наблюдение и дал свой прогноз: «Многие евреи неизлечимо больны... У польских евреев принято сочетать браком детей с ближайшими родственниками. Следовательно, производится широкомасштабное кровосмешение. Последствия этого кровосмешения ужасающи. Я убежден, что еврейский народ в течение ближайших столетий полностью деградирует и, наконец, погибнет. Тогда мир будет избавлен от сатаны»⁵³.

Ещё в довоенные годы в «Штурмере» сложилась традиция публиковать совершенно фантастические измышления читателей о «злодеяниях» евреев в Германии. Теперь солдаты Восточного фронта тоже превратились в поставщиков таких историй «от первого лица». Их отвращение и ненависть к евреям ярко проявлялись в лексиконе: мировая чума, язва человечества, недочеловеки, преступники, свиньи, прихлебатели, жулики, твари, обманщики, проходимцы, бестии, ужасные существа.

Военнослужащие вермахта уверяли, что обращаются с евреями «прилично»⁵⁴. Однако результаты научных исследований свидетельствуют об обратном. Немецкие солдаты избивали евреев, издевались и глумились над ними, грабили и эксплуатировали.

В частных письмах солдаты рассказывали своим родным и знакомым в Германии об истреблении евреев на Востоке и открыто призывали к их физическому уничтожению⁵⁵. В опубликованных «Штурмером» письмах таких высказываний не содержится, а призывы избавиться от евреев звучат в завуалированной форме. Единственное пожелание «отправить на виселицу» относилось только к лодзинским евреям, которые якобы расказывают могилы павших польских солдат и торгуют их униформой⁵⁶. В этом проявлялось воздействие как внутренней, так и внешней цензуры – Штрейхер не раз получал из Берлина резкие приказы умерить свой тон. Как и в других материалах «Штурмера», призывы к истреблению евреев в напечатанных солдатских письмах облекались в иносказательную или завуалированную форму. Лейтенант Ганс Дроссер написал, что если еврейство действительно хочет, чтобы борьба велась не на жизнь, а на смерть, то

⁵² Falkner. Frühreife jüdische Jugend // Der Stürmer. 1939. Dezember. Nr. 52. S. 10.

⁵³ Kreuchauf. Jüdische Inzucht // Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 1. S. 11.

⁵⁴ Hahnewald H. Juden lernen arbeiten. Ein Bericht von der Ostfront // Der Stürmer. 1939. Oktober. Nr. 40. S. 9.

⁵⁵ См.: «Es gibt nur eines für das Judentum: Vernichtung»: Das Judenbild in deutschen Soldatenbriefen. Hg. von W. Manoschek. Hamburg: Hamburger Edition, 1995. 80 S.

⁵⁶ Kubik W. Üble Hamsterer // Der Stürmer. 1939. November. Nr. 45. S. 8.

«произойдет такое, что весь мир удивится». Каждый успех немецких солдат и офицеров приближает весь мир к освобождению от всемирного еврейства. В чём будет состоять это «освобождение», лейтенант не конкретизировал. Военнослужащий Фердинанд Гэртнер считал, что «надо искоренить этот лицемерный еврейский выводок огнем и мечом. Без этого там (в Польше. – A. E.) лучше не будет»⁵⁷. Унтер-офицер Эммерт предсказывал, что «в этой войне будет произведен расчет с еврейством. Всемирный еврейский преступник найдет свой заслуженный конец»⁵⁸.

* * *

Исследование солдатских писем в «Штурмер» позволяет сделать вывод о том, что многие военнослужащие вермахта к началу Второй мировой войны были настроены на вооружённую борьбу с «всемирным еврейством» и являлись сторонниками физического истребления еврейского народа. На Востоке они искали и находили подтверждения своих антисемитских убеждений и стереотипов, мнимые доказательства своего «расового превосходства», были не способны критически воспринимать реальность и сомневаться. Солдаты выступали не только в роли адресатов, но и в роли создателей антисемитских пропагандистских материалов, стремясь поделиться своими впечатлениями о «восточных евреях» с населением Германии. Если одни авторы писем в «Штурмер» и до войны являлись активистами антисемитского движения, то другие решили написать в газету впервые под впечатлением увиденного на Востоке. Солдатская корреспонденция в «Штурмер» ярко показывает уровень моральной деградации вермахта, отсутствие у гитлеровских завоевателей «жизненного пространства на Востоке» не только уважения, но и жалости, сострадания, сочувствия к народам, которые германский нацизм объявил «неполноценными». Воспринимая себя бойцами расовой и мировоззренческой войны, солдаты и офицеры были готовы не только выполнять преступные приказы командования, но и соучаствовать в совершении геноцида еврейского и других народов добровольно, более того, совершать преступления по собственной инициативе.

Список литературы:

1. Кунц К. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007. – 400 с.
2. Лопез Ж., Обен Н., Бернар В., Гийера Н. Инфографика Второй мировой войны. М.: Эксмо, 2021. – 184 с.
3. Bartow O. Hitlers Wehrmacht: Soldaten, Fanatismus und die Brutalisierung des Krieges. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1995. – 335 S.

⁵⁷ Unser Aufklärungskampf // Der Stürmer. 1940. Januar. Nr. 3. S. 11.

⁵⁸ Emmert. Die Schuldigen am Völkermorden // Der Stürmer. 1940. 17. Oktober. Nr. 42. S. 10.

4. Hahn F. Lieber Stürmer! Leserbriefe an das NS-Kampfblatt 1924–1945. Eine Dokumentation aus dem Leo-Baeck-Institut. Stuttgart: Seewald, 1978. – 266 S.
5. Hamburg M. Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtssoldaten aus der Sowjetunion 1941–1944. Opladen, Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – 310 S.
6. Roos D. Julius Streicher und “Der Stürmer” 1923–1945. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2014. — 496 S.

Об авторе:

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия, Ярославль, ул. Республикаанская, 108/1), e-mail: a.ermakov@yspu.org

«Eastern Jews» in the Letters of German Soldiers (Based on the Stürmer Weekly)

A.M. Ermakov

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

The article examines the letters of Wehrmacht soldiers sent to the anti-Semitic weekly newspaper *Stürmer* during the Second World War. It highlights the features of *Stürmer* as a periodical that does not provide fresh news, except for information from readers' letters. The article also examines the characteristics of field mail letters to *Stürmer* as a historical source. The article identifies medieval stereotypes typical of the perception of «Eastern Jews» by German Wehrmacht soldiers: cowardice, stinginess, greed, unwillingness and inability to work, deceitfulness, bad smell, flat feet, moral depravity, and excessive sexual activity. The article also examines the elements of racial and biological anti-Semitism in the worldview of soldiers and officers, as well as the spread of myths about the "global Jewish conspiracy", «Jewish Bolshevism», and the racial superiority of Germans in the Wehrmacht. It has been established that German military personnel were not only consumers, but also creators and distributors of anti-Semitic propaganda.

Keywords: antisemitism, the Holocaust, Nazi Germany, World War II, the Wehrmacht, letters, the image of the other, periodicals

About author:

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – Doctor of History, Professor, the Department of Interdisciplinary Studies in History, the Yaroslavl' State Pedagogical University, (Russia, Yaroslavl', Respublikanskaya St., 108/1), e-mail: a.ermakov@yspu.org

References:

- Kunts K. *Sovest natsistov*. M.: Lademir, 2007. – 400 s.
Lopez Zh., Oben N., Bernar V., Giyera N. *Infografika Vtoroy mirovoy voyny*. M.: Eksmo, 2021. – 184 s.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 902/904/94(479.25).61
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.129–145

Медицина древней Армении: опыт исторической реконструкции

А.Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН РА,
г. Ереван, Республика Армения

Исследование направлено на изучение истории медицинской практики в Армении с древнейших времен до XVIII–XIX вв., с особым вниманием к хирургическим вмешательствам (включая трепанацию черепа), использованию лекарственных растений, методам обезболивания и организации медицинской помощи. В работе применены комплексный анализ археологических и палеопатологических материалов, изучение средневековых армянских рукописей (Матенадаран), краинологических коллекций, а также исторических источников. Методы включают морфометрический, рентгеновский и визуальный анализ костных останков, реконструкцию хирургических техник, а также сопоставление письменных источников с археологическими данными. Установлено, что в Армении с бронзового века применялись сложные хирургические техники, включая сверление, пиление и выскабливание костной ткани при трепанации черепа. Средневековые и раннемодерные источники свидетельствуют о применении анестезии (отвары на основе вина и лекарственных растений), хирургии травм, ортопедии, а также развитии судебной медицины.

Ключевые слова: Армения, шаманы/хирурги, трепанация, травмы, лекарственные растения.

Врачевание являлось неотъемлемой частью культуры древней Армении. Об этом свидетельствуют как материалы археологических раскопок, так и сведения, содержащиеся в средневековых рукописях, хранящихся в Институте древних рукописей имени Месропа Маштоца – Матенадаране. Врачеватели (шаманы) в древней Армении занимались не только лечением внутренних заболеваний, но и успешно применяли хирургические методы. Одним из ранних свидетельств развития нейрохирургии служат трепанированные черепа, обнаруженные в погребальных комплексах бронзового века. Археологические находки подтверждают использование медицинских инструментов, среди которых различного типа костные кусачки, пинцеты и иные приспособления, свидетельствующие о знании основ хирургии. Значительное внимание уделялось лечению ран, переломов и вывихов различного происхождения. В этих целях применялись растительные средства,

обладавшие обезболивающим и антисептическим действием, в частности мандрагора, лактикариум и диспакус.

Медицинские знания, по-видимому, передавались как устным путём, так и в письменной форме, что подтверждается наличием специализированных трактатов в армянской средневековой литературе. Врачебная практика была тесно связана с религиозными и магическими представлениями, что характерно для медицинских традиций большинства древних обществ.

Трепанированные черепа с территории Армении. Особое внимание проблеме трепанации черепа в палеоантропологических материалах исследователи стали уделять после публикации работ П. Брука (1865–1877 гг.). Именно П. Брок впервые предложил разграничивать манипуляции на черепе на прижизненные («хирургические») и посмертные¹.

И. Немешкери² выделял три типа трепанаций:

- хирургическая – любое отверстие в черепе, выполненное прижизненно;
- ритуальная – посмертное вскрытие черепа;
- символическая – прижизненная операция, ограниченная пределами диплоэ.

Прижизненные трепанации выполнялись с лечебной целью — для удаления осколков костей, проникающих в черепную коробку в результате травмы, при ограниченном периостите, сильных головных болях, эпилепсии и других заболеваниях. Посмертные трепанации, напротив, имели преимущественно религиозный характер. Они могли быть связаны с желанием носить череп как амулет³ или с представлением о необходимости дать душу, обитающей в черепе, свободный выход после смерти — обычай, зафиксированный, например, у индейцев Иллинойса. Посмертные трепанации также производились с целью извлечения мозга для последующего бальзамирования и мумификации⁴.

Символическими трепанациями называют несквозные манипуляции, нарушающие целостность черепной коробки (повреждение поверхности костей черепа в определённых участках)⁵. Поверхностное трепанирование нередко имело ритуально-символическое значение, выступая в качестве испытания или знака перехода из одной социальной категории в другую — в контексте инициации подростков, вступления в брак, рождения детей, траура, принадлежности к мужскому союзу и других жизненных этапов.

¹ William T.C., Finger St. Discovering Trepanation: The Contribution of Paul Broca // Neurosurgery. 2001. № 6 (49). P. 1417–1425.

² Nemeskeri J. Rekonstruktion untersuchungen an zwei neolithischen trepanerten Schädeln aus Börnecke, Kr. Wernigerode // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte. 1976. Bd. 45. S. 1–29

³ Nemeskeri J. Op. cit. S. 1–29.

⁴ Гохман И.И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология – медицине. М., 1989. С. 5–7.

⁵ Nemeskeri J., Ery K., Kralovansky A. Amagyarszájijelképrepanáció (Symbolically trephined skulls in Hungary) // Kulolenyomataz Antropoloiai Kozlrmények. 1960. № 4. P. 3–32.

Трепанации были выявлены у 14 индивидов, датируемых четвёртой четвертью II тыс. и первой четвертью I тыс. до н. э., из регионов Гегаркуник (8 индивидов) и Лори (6 индивидов) (см.: *Khudaverdyan A.Yu. A Review of Trepanations in Armenian Highland with New Cases // Archaeology of Armenia in regional context. Proceedings of the International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography. July 9-11, 2019, Yerevan /P. Avetisyan, A. Bobokhyan (eds.). Yerevan, 2021. P. 257–271*). У девяти из них операция, судя по признакам репарации костной ткани, завершилась успешно. Среди трепанированных преобладают мужские черепа, что, вероятно, отражает гендерное распределение медицинских манипуляций или различия в уровне травматизма. Для выполнения операций применялись различные техники трепанации – выскабливание, сверление, пиление, а также нанесение надрезов неправильной, округлой, овальной и прямоугольной форм. Это свидетельствует о высоком уровне мастерства и хорошем знании анатомии кости.

Трепанация способом выскабливания зафиксирована у двух индивидов из могильников Лорийской области (рис. 1). На лобной кости мужчины зрелого возраста из погребения № 7 могильника Бовер были обнаружены характерные изменения наружной компактной пластинки – округлой формы вмятина размером $33,5 \times 27$ мм. Внутри дефекта отмечаются признаки воспалительного процесса костной ткани, вероятно, сопровождавшегося последующим заживлением. Характер демаркации по краям поражённого участка и наличие рубцовых структур в виде трасс указывают на попытку хирургического вмешательства, направленного на выскабливание гнойно-расплавленной костной ткани. На лобной кости данного индивида также выявлены признаки абсцесса головного мозга (фронтита) и острого гнойного воспаления сосцевидного отростка височной кости (мастоидита). Наличие этих патологических изменений может свидетельствовать о том, что трепанация имела лечебный характер и была предпринята для устранения последствий внутричерепного воспаления.

При раскопках могильника Барцял (погребение № 97) были обнаружены фрагменты черепа женщины в возрасте 20–25 лет с множественными трепанациями (рис. 1). Одна из трепанаций расположена на левой стороне лобной кости (рис. 1:а); наружные размеры дефекта составляют 60×45 мм, внутреннего – 35×27 мм. Пациентка хорошо перенесла хирургическое вмешательство: как при визуальном осмотре, так и на рентгенограмме определяются признаки новообразования костной ткани по краям дефекта. В области поражения наблюдаются также следы воспалительного процесса. Перфорация была выполнена методами скобления и прорезания. Судя по степени заживления краёв трепанационного отверстия, продолжительность жизни оперированной женщины после вмешательства составляла не менее двух лет.

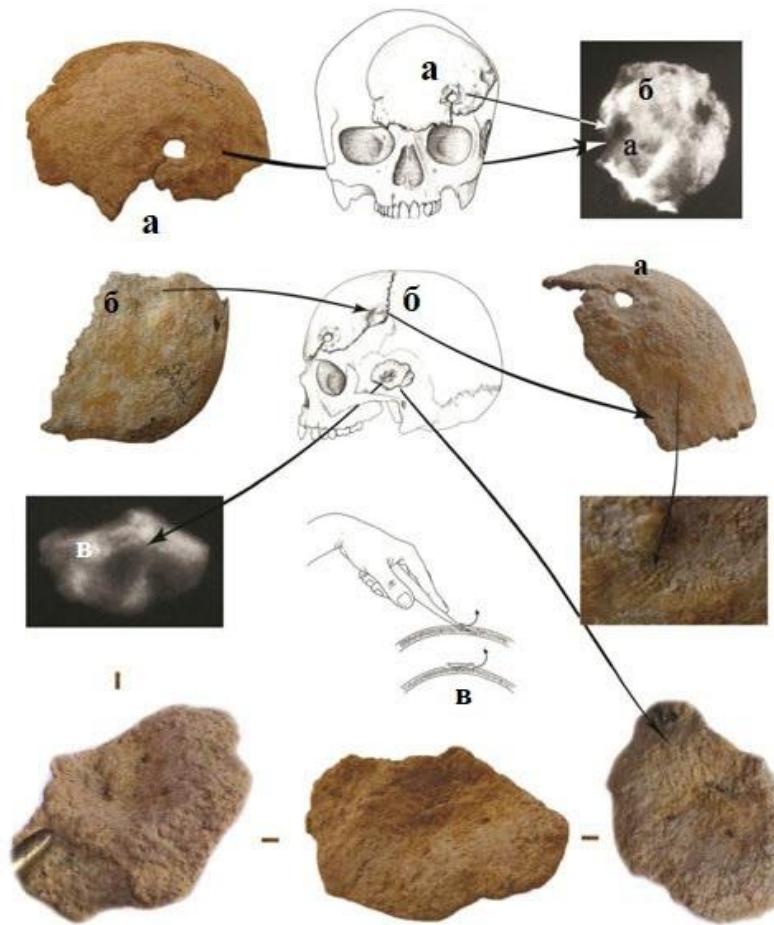

Рис. 1. Трепанация способом выскабливания
(погребение № 97, могильник Барцял)

У этого же индивида на левой стороне лобной кости, вблизи сагиттального шва, зафиксирована неполная трепанация – специфические изменения верхнего компактного слоя в виде овальной вмятины размером 19×17 мм (рис. 1:б). Поверхность дефекта неровная, с мелкими царапинами. Ещё одно поражение локализовано на левой височной кости, где также выявлены изменения верхнего компактного слоя (рис. 1:в). Размеры дефекта составляют приблизительно $31 \times 21,5$ мм, глубина – 3–3,5 мм. Вероятно, наблюдаемая вмятина на височной кости также является результатом выскабливания.

На внутренней поверхности лобной кости зафиксированы аномальные утолщения, а на теменных костях – литические повреждения (рис. 1:в). Утолщения на эндокраниальной стороне лобной кости, вероятно, связаны с синдромом Дайка – Давидоффа – Массона (Dyke – Davidoff – Masson syndrome). Можно предположить, что индивид страдал от стойких сжи-

мающих головных болей, судорог и других неврологических симптомов⁶, что, вероятно, и послужило причиной для проведения сложных хирургических манипуляций на черепе.

Операции, выполненные аналогичной техникой, зафиксированы у 12,5 % индивидов, датируемых четвёртой четвертью II тыс. – первой четвертью I тыс. до н. э., из некрополей Анатолии⁷. Кельты, населявшие обширную территорию от Франции до побережья Дуная и Чёрного моря, также преимущественно применяли метод выскабливания. Для этих операций использовались инструменты из обсидиана (вулканического стекла), железа, меди и бронзы. Подобные вмешательства, по-видимому, нередко имели не только лечебное, но и символико-ритуальное значение. Исследователи предполагают, что поверхностные трепанации могли быть связаны с испытаниями или обрядами перехода – инициацией подростков, вступлением в брак, рождением детей, трауром и т. д. Таким образом, трепанация в древних обществах могла одновременно выполнять медицинскую и сакральную функции.

Методом сверления была произведена трепанация у индивида из региона Гегаркуник. У молодой женщины из погребения № 1 могильника Кармир (IX–VIII вв. до н. э.) на уровне сагиттального шва зафиксировано сквозное отверстие размером 14 × 12,5 мм. Дефект имеет округлую форму; трещины на черепе отсутствуют. Следов воспалительных процессов в области краниотомии не выявлено. Характер краёв отверстия свидетельствует о прижизненном или предсмертном характере операции. По морфологии дефекта можно заключить, что хирург, выполнявший вмешательство, находился над пациентом и удерживал инструмент строго вертикально, перпендикулярно поверхности черепа. Отсутствие сужения трепанационного канала в направлении к выходному отверстию указывает на то, что инструмент, пройдя через костную ткань, проник в полость черепа. Вероятно, туда же попали фрагменты кости, что могло привести к летальному исходу. У женщины из Кармира также зафиксированы признаки поражения проказой (*Mycobacterium leprae*, бацилла Гансена) (см.: Khudaverdyan A.Yu. Op. cit. P. 257–271).

На поселении Ашикли-Гуюк (Анатолия) был обнаружен женский череп со следами трепанации⁸, датируемый эпохой неолита. Операция, аналогично случаям из Кармира и Чалангантепе (Дашкесанский район, Азер-

⁶ Atalar M.H., Icagasioglu D., Tas F. Cerebral hemiatrophy (Dyke–Davidoff–Masson syndrome) in childhood: Clinicoradiological analysis of 19 cases // Pediatrics International. 2007. № 49. P. 70–75.

⁷ Erdal Y.S., Erdal O.D. A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases // International Journal of Osteoarchaeology. 2011. V. 21. P. 505–534.

⁸ Açikkol A., Günay I., Akpolat E., Güleç E. A Middle Bronze Age case of trephination from central Anatolia, Turkey // Bulletin of the International Association for Paleodontontology. 2009. № 3. P. 28–39.

байджан)⁹, была проведена методом сверления. В материалах из Анатолии трепанации, выполненные этой техникой, отмечены у пяти индивидов раннего железного века; во всех случаях операции проводились прижизненно, и пациенты прожили некоторое время после вмешательства¹⁰.

Надрезы различных типов – окружные, овальные, прямоугольные и ромбовидные – зафиксированы у пяти индивидов из Гегаркуниха, двух – из Котайка и двух – из Лори. На левой теменной кости женщины 30–39 лет из погребения № 71 могильника Лчашен имеется отверстие с ровными, гладкими краями (рис. 2). Судя по морфологии и характеру краёв дефекта, трепанация была произведена при помощи инструмента с узким, очень острым лезвием, которое вводилось в кость, после чего круговым движением вырезался участок костной ткани. Подобная манипуляция, по всей вероятности, требовала использования специального хирургического приспособления. На черепе отсутствуют трещины и признаки воспалительно-гнойных процессов. Отмечаются расхождения на стыке лямбдовидного и теменно-сосцевидного швов. Судя по степени костной reparации, продолжительность жизни после операции составляла не менее двух лет.

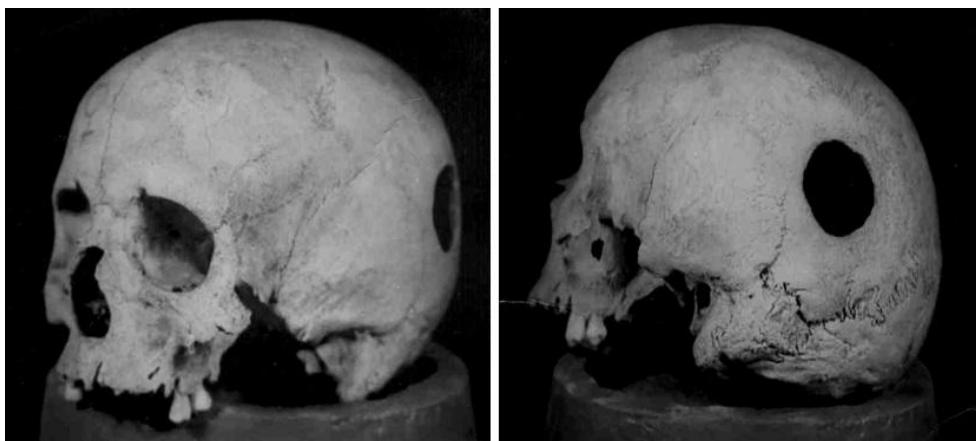

Рис. 2. Трепанация способом надреза, погребение № 71 (могильник Лчашен)

Данной техникой трепанации были прооперированы индивиды из поселений Тюк-Хююк (Küçük Höyük) и Икизтепе (Ikiztepe, SK 420)¹¹. В краиниологических коллекциях Грузии¹² и Азербайджана¹³ также зафиксированы черепа с трепанационными отверстиями, имеющими признаки заживления костной ткани.

⁹ Кириченко Д.А. О трепанации черепа в древности // Археология, этнография Азербайджана. 2007. № 1. С. 63–67.

¹⁰ Erdal Y.S., Erdal O.D. Op. cit. P. 505–534.

¹¹ Там же.

¹² Пиртилашвили П.М. К вопросу об изучении заболеваний костной системы на археологических материалах Самтавроиского могильника. Т. 15 (1). Тбилиси, 1954. С. 25.

¹³ Кириченко Д.А. Указ. соч. С. 65.

Методом линейного разреза (образование отверстий посредством пересекающихся надрезов) были трепанированы два индивида из провинции Лори (рис. 3). У ребёнка 6–7 лет из погребения № 22 могильника Багери-Чала выявлены два отверстия, проникающие в полость черепа. В области сагиттального шва зафиксированы следы иссечения прямоугольного фрагмента, на теменных костях чётко видны линии разрезов. Размер отверстия на внешней стороне составляет около 21×15 мм. Экспертиза выявила у того же индивида второе отверстие в нижней левой части теменной кости размером 16×9 мм. Следов выраженного воспалительного процесса в области трепанаций не отмечено. Края отверстий ровные, без признаков заражения, что указывает на смерть пациента во время вмешательства или вскоре после него. У ребёнка были зафиксированы признаки острого гнойного воспаления тканей сосцевидного отростка височной кости (мастоидита), а также абсцесс в области затылочной кости. Вероятно, абсцесс развился вследствие острого гнойного отита. Можно предположить, что хирургическое вмешательство носило лечебный характер и было направлено на устранение внутричерепных осложнений воспалительного процесса.

Рис. 3. Трепанация методом линейного разреза, погребение № 18
(могильник Багери чала)

У мужчины 45 ± 3 лет из погребения № 18 могильника Багери-Чала на правой теменной кости обнаружены следы неполной трепанации (рис. 3). Операция была проведена путём прорезания костной ткани инструментом конической формы (рис. 4). Для подобных вмешательств древние хирурги, по-видимому, применяли метод параллельно-перпендикулярных надрезов, приводящих к образованию прямоугольного отверстия. Следов травматических повреждений на черепе не зафиксировано. Размеры отверстия на наружной поверхности составляют приблизительно $23,7 \times 18,5 \times 9,5 \times 8,2$ мм. В области дефекта наблюдается трещина. По всей видимости, операция завершилась летальным исходом. Аналогичные по технике вме-

шательства зафиксированы на материалах некрополей Чавлум, Икизеп¹⁴ и в Дашкесанском районе Азербайджана¹⁵.

Рис. 4. Медицинский инструмент из могильника Лори Берд (а), церемониальный нож инков со сценой трепанации на рукоятке, Перу (б)

При раскопках памятника Лори-Берд С.Г. Деведжяном был обнаружен редкий медицинский инструмент с двумя рабочими концами: на одном конце – лезвие конической формы, на другом – пинцет (рис. 4:а). Последний, вероятно, использовался для извлечения инородных предметов из раны или удаления волос. Нож был изготовлен методом литья, при этом лезвие располагалось перпендикулярно к рукоятке. В качестве аналогии можно привести церемониальный нож инков с изображением сцены трепанации на рукоятке (рис. 4:б)¹⁶. Лезвие этого инструмента имеет полукруглую форму и также расположено перпендикулярно к рукоятке. Как известно, у древних народов Перу подобные ножи имели двойное назначение: они использовались как культовые предметы, применяемые при обезглавливании пленных, и как хирургические инструменты для проведения полостных операций и трепанаций черепа.

Трепанация черепа методом пиления выявлена у индивида из погребения № 9 могильника Барцял. Основным показанием к проведению операции, по-видимому, являлся перелом свода черепа, при котором требова-

¹⁴ Erdal Y.S., Erdal O.D. Op. cit. P. 505–534.

¹⁵ Кириченко Д.А. Указ. соч. С. 63–67

¹⁶ Ramirez P.M., Berti A.F., Santillan A. Evolution of Neurosurgery and Neurosurgical Centers in Ancient Peru // Annual Meeting A Celebration 60 years of Neurosurgery. 2010. October 16–21. P. 665.

лось срочно удалить костные фрагменты и предотвратить развитие отёка головного мозга.

Трепанации зафиксированы также у двух индивидов эпохи широкого освоения железа из регионов Ширак и Армавир. Случай прижизненного оперативного вмешательства методом сверления отмечен на черепе мужчины старческого возраста из погребения № 9 могильника Ширакаван I (рис. 5). На правой половине теменной кости выявлено отверстие с гладкими контурами и выраженным признаками reparatивной регенерации. Кроме того, на кости прослеживаются отчётливые линейные надрезы: зафиксировано более восьми параллельно расположенных насечек. Вероятно, у данного индивида было проведено частичное скальпирование – надрезы указывают на частичное отделение кожно-волосяного покрова от поверхности черепа. Продолжительность жизни после операции, судя по степени заживления, не превышала одного года.

У ребёнка 6–8 лет из погребения могильника Нор Армавир на уровне сагиттального шва зафиксировано трепанационное отверстие¹⁷. Процедура краниотомии однако не была завершена. Операция проводилась методом надреза; отверстие имело неправильную овальную форму размером 14,2 × 9 мм. Признаки заживления или воспалительных изменений отсутствуют, что свидетельствует о смерти пациента во время или вскоре после вмешательства.

В отдельных группах эпох бронзы и железа отмечаются случаи так называемой символической трепанации – поверхностных порезов на любой кости, которые составляют от 5,8 % до 6,3 % от общего числа наблюдений. На теменных костях частота подобных следов достигает 20 %. Так, у индивида из могильника Карапашамб зарегистрированы 16 рубцов (размеры от 4 до 22 мм) на правой теменной кости и 6 (от 4 до 11 мм) – на левой. Шрамы на поверхности свода черепа, как правило, имеют симметричное расположение и различную глубину – от поверхностных до проникающих в компактный слой.

В поселении Аван эпохи Арташесидов (северо-восточная часть г. Еревана) были обнаружены два индивида из кувшинных погребений с трепанационными отверстиями прямоугольной и округлой формы (см: Khudaverdyan A.Yu. Op. cit. P. 257–271). На обеих костях отмечены следы заживления, что указывает на прижизненное проведение операций и благоприятный исход вмешательства.

¹⁷ Худавердян А.Ю., Амаякян С.Г., Тирацян Н.Г., Амаякян М.С. Палеоантропология и палеопатология костных останков из захоронений VII в. до н. э. из могильника Нор Армавир (Армения) // Вестник Московского государственного областного университета. Циркумпонтика. 2022. № 5. С. 115–141.

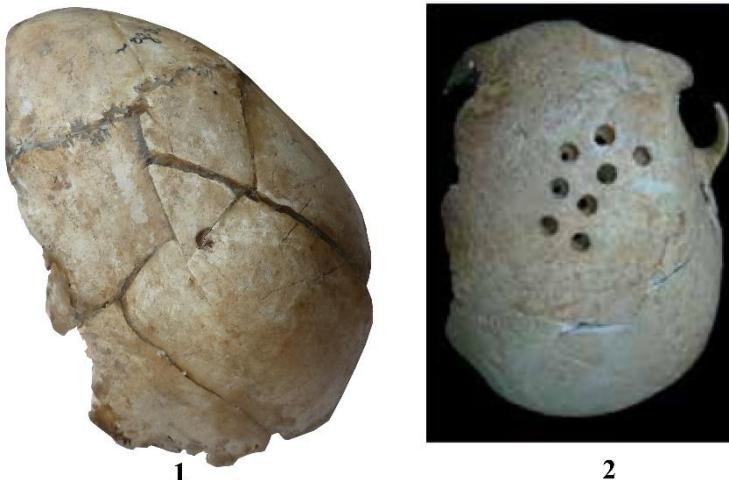

Рис. 5. Трепанация методом сверления: 1 – череп ребенка из могильника Ширакаван (пог. 1), 2 – взрослый мужчина римского периода из Перге¹⁸

В эпоху поздней античности зафиксированы два случая трепанации, выполненные сверлильной техникой на территории провинции Ширак. На черепе ребёнка 8–10 лет из могильника Ширакаван (погребение № 1) обнаружено трепанационное отверстие на правой латеральной стороне теменной кости (рис. 5). Костный дефект имеет округлую форму; в вертикальном срезе он воронкообразный, с незначительно зазубренными внутренними стенками. Диаметр отверстия по наружной пластинке составляет 8 мм. Дилюэ замкнуто на всём протяжении, что свидетельствует о продолжительности жизни индивида не менее одного года после операции. Вероятно, вмешательство могло иметь ритуальный или инициационный характер. Аналогичная техника отмечена у индивида из поселения Перге (рис. 5)¹⁹.

Следующий случай трепанации сверлильной техникой выявлен в могильнике Чёрная крепость I (погребение № 5). Трепанационное отверстие не имеет признаков заживления, что указывает на летальный исход операции.

У индивидов из погребальных комплексов Армении отмечается сходная частота нанесения символических рубцов на поверхность свода черепа – около 22 %. Чаще такие следы фиксируются на лобной кости у мужчин, реже – у женщин. Вероятно, символические трепанации имели ритуально-церемониальный характер, отражая социальные аспекты инициации – посвящение подростков, включение в мужские союзы и другие формы переходных обрядов. Подобные феномены существенно расширяют представления о культурных традициях древних обществ и их мировоззренческих установках.

Не до конца ясен вопрос об анестезии, применявшейся древними хирургами / шаманами Армении для уменьшения болевого шока во время операций. Очевидно, что подобные вмешательства невозможно было бы

¹⁸ Erdal Y.S., Erdal O.D. Op. cit. P. 505–534.

¹⁹ Там же.

перенести без использования обезболивающих средств. Вероятно, для этого применялись растительные препараты с седативным или транквилизирующим эффектом. В исторических источниках упоминается, что армянские врачеватели использовали мандрагору, лактикариум и диспакус в качестве обезболивающих средств. Возможно, в этой роли выступал и алкоголь, в частности вино, которое являлось широко доступным продуктом на территории Армении, где с древнейших времён было развито виноградарство и виноделие. Кувшины (карасы) с остатками вина неоднократно обнаруживались в погребениях, например, в комплексах провинции Лори, относящихся к позднему бронзовому и раннему железному векам.

В рукописи № 8382²⁰ содержится указание о необходимости давать больным отвары, приготовленные на вине, для общего обезболивания перед хирургическим вмешательством. Аналогичные сведения встречаются и в китайских источниках, где в качестве анестетика применялась индийская конопля, растёртая в порошок и смешанная с вином. Примечательно, что при анализе содержимого кувшинов из пещеры Арени I (проведённом в Венском университете) были обнаружены следы конопли, что, вероятно, отражает использование её в ритуальных или лечебных целях.

Основные направления развития медицины и организация медицинских учреждений в Армении с IV по XIX вв. Со второй половины IV века развитие практической медицины в Армении было тесно связано с именем патриарха Нерсеса Великого. Древний историк Ф. Бюзанд сообщает: «В каждом местечке блаженный Нерсес открыл больницы и обеспечил их во всех отношениях: жалованием служащим и лекарствами. Для больных были открыты больницы, для хромых и слепых — приюты»²¹. С середины IV века в Себастии (Западная Армения) большой известностью пользовалась больница для калек и немощных. Больница Базилеас, открытая в 369 году в Кесарии (Западная Армения), представляла собой комплекс с госпитальными корпусами, изоляционными помещениями и отдельными отделениями для больных с лихорадкой и хирургических пациентов²².

В литературных источниках V–VI вв. (Корюн, Бюзанд, Мовсес Хоренаци, Езник Кохбаци, Казар Парпец, Давид Анахт, Ованес Майраваци, Ананий Ширакаци) освещались вопросы биологии и медицины, отражающие знания, достигнутые греческими учёными. Влияние греческой медицины оставалось актуальным в Армении до VIII века. Так, знатный философ Давид Анахт (конец V – начало VI вв.) был хорошо знаком с принципами гиппократовской медицины. В его сочинениях «Определения философии», «Анализ “Введения” Порфирия», «Толкование “Аналитики” Ари-

²⁰ Матенадаран. Армянская рукописная книга VI-XIV веков / Составители: В.О. Казарян, С.С. Манукян; ред. И.В. Чернович. М., 1991. Рукопись № 8382.

²¹ Бюзанд Ф. Армянская история. СПб., 1883.

²² Оганесян Л.А. История медицины в Армении: с древнейших времен до наших дней: врачи, медицинская литература и лечебные учреждения у Армян в Армении и за ее пределами. В 5 частях. Т. 1. Ереван, 1946. С. 261

стотеля» затрагиваются медицинские вопросы, касающиеся анатомии, физиологии, патологии, фармакологии, гигиены и врачебной этики²³.

Наиболее полные сведения о медицинских навыках отражены в сочинениях Григора Магистроса Пахлавуни (989–1058 гг.), современника Ибн Сины и одного из крупнейших армянских учёных эллинистического направления. В его труде «Письма» содержатся не только данные о политической, культурной и религиозной истории Армении XI века, но и примечательные сведения из области биологии и медицины. Григор Магистрос был не только учёным-теоретиком, но и опытным практическим врачом. Сохранились его письма с графическими рисунками оспы, а также советы ученику Саргису относительно лечебных мероприятий при лихорадке. Во всех сохранившихся материалах он проявляет себя как опытный клиницист с тонкой интуицией, хорошо знакомый как с клиническими проявлениями заболеваний, так и с лекарственной фитотерапией²⁴.

Перечисляя выдающихся врачей средневековой Армении, следует отметить Мхитара Гераци (около 1120–1200 гг.) – врача, философа и астронома. Он является основоположником средневековой армянской медицины и, подобно Гиппократу, Галену и Ибн Сине, значительно продвинул отечественную медицинскую науку вперёд своего времени.

Уникальным врачом XV в. был Амирдовлат Амасиаци (1420/1425–1496 гг.). В 1459 г. в Константинополе он написал свой первый труд «Учение медицины», в котором рассматриваются вопросы гигиены, эмбриологии, анатомии, физиологии, патологии и фармакологии²⁵. Амирдовлат Амасиаци успешно занимался хирургической практикой, особенно в области офтальмологии. Его книга «Ненужное для неучей» по праву считается вершиной средневекового армянского лекарствоведения: она представляет собой энциклопедический словарь простых лекарственных средств с терминологией на пяти языках – армянском, греческом, латинском, арабском и персидском. Следует также подчеркнуть, что Амирдовлат Амасиаци основал школу армянских врачей-фитотерапевтов, просуществовавшую несколько веков. Одним из её известных последователей был Галуст Амасиаци, деятель XVII в.

В XI–XII вв. в Армении наблюдается значительное развитие хирургии и гинекологии. В этот период выполнялись такие операции, как эмбриотомия, акушерский внутренний поворот плода и даже кесарево сечение²⁶.

В Матенадаране хранятся рукописи, свидетельствующие о том, что армянские врачи древности уделяли внимание не только врождённым и приобретённым дефектам, но и разрабатывали разнообразные методы их

²³ Варданян С.А. Медицина Армении (исторический очерк) // Медицинская наука Армении НАН РА. 1995. № 1–2. С. 7–16.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Арутюнян Г.А. Состояние акушерства и гинекологии в древней и средневековой Армении // Труды II Закавказского съезда акушеров и гинекологов. Ереван, 1937. С. 21–24

устранения²⁷. Так, для лечения врожденных вывихов тазобедренного сустава в средние века применялась фиксирующая повязка из холста с подогретой клейкой смесью, состоящей из спирта и ладана – яху²⁸. Особый интерес представляют сложные конструкции протезов нижних конечностей, описанные в рукописи XVII в.²⁹: деревянная ножка протеза крепилась к приёмной площадке округлой формы, к которой фиксировался кулья бедра; для облегчения передвижения пациент использовал палку. Различные приспособления, напоминающие современные костыли, изображены также в рукописях XVII–XVIII вв.³⁰

Рукописи XVII в. содержат клинические описания переломов костей, травматических вывихов, ожогов, а также методы остановки кровотечения при повреждениях острым оружием (саблями, ножами) и их последующее лечение. В рукописи XVIII в. представлены рациональные методики лечения различных травматических повреждений³¹. В частности, автор рекомендует зашивание ран, нанесенных острым оружием, с использованием шёлка. Там же подчёркивается, что перед оперативным вмешательством для общего обезболивания следует применять отвары, приготовленные на вине³². Такая общая анестезия, по мнению автора, позволяет успешно реponировать костные отломки при переломах и преобразовывать открытые переломы в закрытые. При лечении гонитов автор рекомендует делать широкие разрезы, способствующие оттоку гнойного отделяемого.

В рукописи № 7049 врач Галуст Амасиаци посвящает целую главу травматическим повреждениям и их лечению³³. При ранениях саблей, кинжалом и стрелой, по рекомендациям авторов рукописей (№ 1686, № 7049), после обработки раны следует накладывать шелковые швы с помощью стальной иглы. Имеются также сведения о развитии судебной медицины. В частности, средневековые армянские судебники, такие как труд Мхитара Гоша, содержат указания на проведение специальных исследований для установления причинно-следственной связи между имеющимися травмами и наступившей смертью³⁴.

С первой половины XVIII века появляется новое поколение армянских врачей, получивших образование в высших учебных заведениях Европы и России. Среди них – Геворг (Джордж) Баливи (1668–1707 гг.), реформатор анатомии, физиологии и клинической медицины, яркий представитель ятромеханического направления, объяснявшего процессы в организме с помощью механических факторов.

²⁷ Матенадаран. Рукописи № 1339; № 2379; № 3060; № 415; № 429; № 5523; № 5611; № 7040; № 7049; № 7830; № 7863.

²⁸ Петросян Х.А. Врожденный вывих бедра. Ереван, 1957, с. 51.

²⁹ Матенадаран. Рукопись № 1686.

³⁰ Матенадаран. Рукописи № 7830; № 7863.

³¹ Матенадаран. Рукопись № 8382.

³² Матенадаран. Рукопись № 8382 (XVIII в.)

³³ Матенадаран. Рукопись № 7049 (XVIII в.)

³⁴ Армянский судебник Мхитара Гоша. Ереван, 1954. С. 16.

Петрос Калантарян (1735–1824 гг.), получивший начальное образование в Новой Джуге и затем окончивший Госпитальную школу (ныне Военно-медицинская академия) в Санкт-Петербурге, является автором первого армянского печатного «Краткого лечебника», опубликованного в 1793 году в Новой Нахичевани. Работа посвящена лечению инфекционно-аллергических и других заболеваний. Наряду с методами европейской медицины, П. Калантарян рекомендовал ряд лекарственных средств традиционной армянской медицины. В книге «Бжшкаран амарот» он также посвятил два раздела травматическим повреждениям (ранам, переломам, вывихам, ушибам), рекомендуя при наличии гнойного отделяемого использовать повязки с солевым раствором для очистки ран³⁵.

Степанос Шариманян (1766–1830 гг.) после окончания Падуанского университета (1790 г.) в 1791–1796 гг., работая в Константинополе, в своём труде «Средства против чумы» (1796 г.) исследовал вопросы этиологии, патогенеза, профилактики и лечения чумы.

Приведённые факты и примеры неоспоримо свидетельствуют о том, что древние врачи Армении обладали значительными практическими знаниями в области медицины и фармакологии. Медицинская наука в Армении, уходящая корнями в глубь веков, представляет собой интегральную часть древней мировой культуры, включающую многовековой опыт поколений врачевателей. В религии языческого периода у армян существовал кульб божеств, связанных со здоровьем человека. Фактически, медицинские знания тесно переплетались с религиозными верованиями и культовыми магическими действиями. В средневековой армянской литературе сохранились свидетельства эмпирических медицинских знаний, часто сопровождаемые описаниями заговоров и заклинаний, применявшихся врачевателями в лечебных целях.

Средневековая Армения славилась лекарственными растениями. Приготовлением лекарственных средств, ядов и противоядий занимались исключительно врачи. Слава о целебных свойствах армянских растений и снадобий из них распространялась далеко за пределы страны. Геродот, Страбон и другие античные авторы в своих описаниях Армении неоднократно упоминали целебные растения армянской флоры и способы их применения.

Заключение. Медицинская практика в Армении имеет глубокие исторические корни и представляет собой интегральную часть культурного наследия региона, объединяя знания о лечении, хирургии и фармакологии, накопленные многими поколениями врачевателей.

Археологические данные и палеопатологические исследования свидетельствуют о развитии хирургических методов, в том числе трепанации черепа, применения скальпирования, сверления, пиления и высабливания костной ткани. Прежде всего, следует отметить, что на территории Арме-

³⁵ Никогосян Р.В., Бахшечян А.Э. Эволюция травматолого-ортопедической помощи в Армении // Медицинская наука Армении НАН РА. 2009. № 4. С. 15–22.

нии существовал «центр лечебного трепанизирования». Фактически, с эпохи поздней бронзы, человек обладал необходимыми знаниями и умениями для совершения сложнейших операций и, соответственно, имел набор необходимых инструментов. Сложность производившихся операций поражает даже воображение современного человека, вооруженного знаниями и сложнейшим медицинским оборудованием. Факты сложнейших трепанаций и последующей жизни больных говорят о необычайно высоком уровне медицины в Армении. Понять виртуозность в проведении различных операций помогает исследование не только фактического материала трепанированных черепов, но и культов, связанных с манипуляциями над различными частями человеческого тела (скальпирование, муфикация и т. д.).

Медицинские знания в Армении сочетали эмпирическую практику с религиозными и магическими представлениями, что характерно для большинства древних обществ. Важное место занимали растительные лекарства и фитотерапия, использование которых было задокументировано как в археологических находках, так и в средневековых рукописях.

Средневековые армянские медицинские трактаты и рукописи XVIII в. содержат подробные сведения о лечении травм, переломов, ран, гнойных процессов, а также о применении общей анестезии (отвары на основе вина и лекарственных растений).

Развитие медицинской науки в XVIII–XIX вв. демонстрирует интеграцию армянской традиционной медицины с европейским образованием, что проявилось в деятельности таких врачей, как Петрос Калантарян, Геворг Баливи и Степанос Шариманян, которые внесли значительный вклад в анатомию, хирургию, терапию и профилактику инфекционных заболеваний.

История медицины в Армении показывает, что регион являлся активным участником международного обмена медицинскими знаниями и практиками, включая хирургию, фармакологию и судебную медицину, что подтверждает высокий уровень медицинской культуры на протяжении многих веков.

Список литературы:

1. *Пирцлашвили П.М.* К вопросу об изучении заболеваний костной системы на археологических материалах Самтаворского могильника. Т. 15 (1). Тбилиси: АН Гр ССР, 1954. – 370 с.
2. *Оганесян Л.А.* История медицины в Армении: с древнейших времен до наших дней: врачи, медицинская литература и лечебные учреждения у Армян в Армении и за ее пределами. В 5 частях. Т. 1. Ереван, 1946. – 272 с.
3. *Петросян Х.А.* Врожденный вывих бедра. Ереван, 1957. – 132 с.

Об авторе:

ХУДАВЕРДЯН Анаит Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН РА, (0025, ул. Чаренца, д. 15), e-mail: akhudaverdyan@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1458-783X>

**Medicine in Ancient Armenia:
An Attempt at Historical Reconstruction**

A.Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science,
Yerevan, Republic of Armenia

The study aims to investigate the history of medical practice in Armenia from ancient times to the 18th–19th centuries, with particular attention to surgical interventions (including cranial trepanation), the use of medicinal plants, anesthesia methods, and the organization of medical care. The research is based on a comprehensive analysis of archaeological and paleopathological materials, medieval Armenian manuscripts (*Matenadaran*), craniological collections, and historical sources. Methods include morphometric, X-ray and visual analysis of skeletal remains, reconstruction of surgical techniques, and comparison of written sources with archaeological data. It was established that complex surgical techniques, including drilling, sawing, and scraping of bone tissue during cranial trepanation, were practiced in Armenia from the Bronze Age. Medieval and early modern sources indicate the use of anesthesia (decoctions based on wine and medicinal plants), trauma surgery, orthopedics, and the development of forensic medicine.

Keywords: Armenia, shamans/surgeons, trepanation, trauma, medicinal plants.

About the author:

KHUDAVERDYAN A.Yu. – Candidate of History, Senior Researcher Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Yerevan, Republic of Armenia, e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

References:

Pirpilashvili P.M. *K voprosu ob izuchenii zabolevaniy kostnoy sistemy na arkheologicheskikh materialakh Samtavroyskogo mogil'nika* [On the study of skeletal diseases using archaeological materials from the Samtavro burial ground]. Vol. 15 (1). Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1954. 370 p.

Hovanesyan L.A. *Istoriya meditsiny v Armenii: s drevneyshikh vremen do nashikh dney: vrachi, meditsinskaya literatura i lechebnyye uchrezhdeniya u Armyan v Armenii i za yeye predelami* [History of Medicine in Armenia:

from Ancient Times to the Present Day: Doctors, Medical Literature, and Medical Institutions among Armenians in Armenia and Abroad]. In 5 parts. Vol. 1. Yerevan, 1946. 272 – p.

Petrosyan H.A. *Vrozhdennyy vyvikh bedra [Congenital dislocation of the hip]*. Yerevan, 1957. 132 p.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94:378(470.331).084.80
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.146–167

Комплекс документов о деятельности Калининского пединститута в 1942–1944 гг. (по материалам фонда Калининского обкома ВКП(б))

К.М. Свирин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассмотрен комплекс документов, сохранившихся в фонде Калининского обкома ВКП(б), о деятельности Калининского пединститута в 1942–1944 гг., после освобождения города от оккупации. Информация о работе пединститута поступала в Калининский обком в форме справок, сведений, докладных записок, отчётов. Показано, что в документах содержится информация о возобновлении работы института после освобождения Калинина от оккупации, возвращении из эвакуации преподавателей, формировании контингента обучающихся, восстановлении материально-технической базы, научных исследованиях, проблемах качества образования, массово-политической работе среди студентов. Изученный комплекс документов позволяет составить системное представление о проблемах вузовского образования в военный период 1942–1944 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Калининский пединститут, Калининская область, Калининский обком ВКП(б), Тверской государственный университет, архивные документы, высшее образование, история образования, история исторической науки.

Тверской государственный университет имеет долгую историю, ведущую свое начало с земской учительской школы П.П. Максимовича, основанной в 1870 г. Созданный в 1917 г. на материально-технической базе земской школы Тверской учительский институт в 1918 г. был преобразован в пединститут, а в 1971 г. стал университетом – центром образования и науки в Калининской (Тверской) области. Одним из самых сложных этапов существования вуза стали военные годы, потребовавшие предельного напряжения сил со стороны руководства, преподавателей и студентов для восстановления образовательного процесса после перерыва, связанного с оккупацией Калинина.

Система подготовки кадров учителей для средней школы всегда имела особое значение для государства. Информация о деятельности пединститута

стекалась в Калининский обком ВКП(б) в виде разнообразных по составу документов. Обком являлся основным центром контроля за деятельностью пединститута. В условиях военного времени решать многие сложные вопросы деятельности приходилось с помощью партийных органов.

В фонде Калининского обкома ВКП(б) сохранились, прежде всего, документы, информационно-справочного и отчётного характера, поступившие в обком из пединститута. Это докладные записки, справки, сведения, расписания занятий и экзаменов, отчёты, планы, материалы проверок. Эти документы позволяют составить системное представление о наиболее важных аспектах деятельности института, которые находились на контроле обкома.

Постановлением бюро Калининского обкома ВКП(б) с 5 марта 1942 г. в Калининском государственном педагогическом институте им. М.И. Калинина было разрешено возобновить учебные занятия со студентами старших курсов; и. о. директора Н.Н. Баранову было предписано «обеспечить своевременную подготовку и оборудование учебных помещений, столовой и общежития для студентов»¹. В постановлении Калининскому горсовету было предложено оказать помощь директору института в ремонте помещений, «... закрепить за педагогическим институтом бывшее здание дома колхозника на Каляевой улице, помещение второго корпуса, общежития студентов для профессорско-преподавательского состава и помещение кафетерия под студенческую столовую»². Директору треста столовых было предписано открыть для студентов, профессорско-преподавательского состава и служащих института столовую в бывшем помещении кафетерия и буфет при институте.

В докладной записке заведующего сектором культуры и просвещения обкома Николаева на имя секретаря обкома Образцова от 25 февраля 1942 г. указывалось, что на всех факультетах педагогического и учительского институтов, а также курсах иностранных языков велись работы для возобновления занятий³. Учебные корпуса института после освобождения Калинина от оккупации были заняты воинскими частями, но к моменту составления записи уже были освобождены, и в них велась работа по восстановлению системы отопления.

Библиотека и научное оборудование в основном сохранились. Профессорско-преподавательскому составу института были направлены вызовы с предложением вернуться к работе. Оставался нерешённым вопрос с работниками кафедр зоологии, теоретической физики, химии и иностранного языка, поскольку их адреса не были известны, поэтому вызовы не были отправлены. Велась регистрация студентов и к 12 февраля 1942 г. на всех факультетах и курсах было зарегистрировано 281 человек (на 25 февраля – уже 306 студентов).

¹ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 2.

Для обеспечения нормальных занятий требовалось принять меры к извещению студентов о начале занятий, уточнить дни возвращения профессорско-преподавательского состава на работу, поставить вопрос перед Наркоматом просвещения РСФСР об укомплектовании института недостающими кадрами и через Горсовет оказать институту помочь в получении оконного стекла и фанеры для ремонта и подвоза топлива⁴.

В докладной записке и.о. директора института Н.Н. Баранова от 14 февраля 1942 г. в адрес Калининского обкома ВКП(б) указывался способ оповещения студентов института о начале занятий – публикация объявления в газете⁵. Одновременно в записке сообщалось, что общее количество студентов, числящихся в институте до эвакуации, установить не удалось. По среднесписочному составу на 2–4 курсах педагогического института числилось около 800 человек, на 2-м курсе учительского института – около 200 человек, на 2–3-м курсах факультета и курсов иностранных языков – около 200 человек, всего около 1200 студентов. При этом отмечалось, что можно было рассчитывать на явку только 30–40 % обучающихся, поскольку часть студентов была мобилизована в Красную Армию, часть находилась на оккупированной территории, и значительная часть студентов закреплена на работах в Калининской и других областях и республиках. Прежние работники института в количестве 19 человек были вызваны из районов области и из других областей и республик, 11 человек уже фактически приступили к работе, и была достигнута договоренность с семьёй профессорами и доцентами, проживающими в Москве, на продолжение работы в калининском институте⁶.

В записке указывалось, что Наркомпрос РСФСР разрешил выдать дипломы студентам 4-го курса без проведения госэкзаменов, а на 2-м курсе учительского института и 3-м курсе педагогического института было предписано провести госэкзамены в августе 1942 г. Наркомпрос также предписывал перейти на 48-часовую учебную неделю с одним – двумя «воскресными» днями⁷.

Судя по рукописному документу без даты и подписи, содержащему сведения о количестве студентов, зарегистрированных для возобновления обучения, наибольшее количество студентов вернулось в феврале–марте 1942 г. на физико-математический факультет (47 человек), на факультет языка и литературы – 36, факультет естествознания – 33, исторический факультет – 27, факультет географии – 16, факультет иностранных языков – 19, курсы иностранных языков – 15 человек⁸. Между тем, количество обучающихся, приступающих к занятиям, постоянно росло: так 3 марта 1942 г. на занятия явились 199 студентов, 11 марта – уже 243 студента («литфак» –

⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 9–9 об.

58, «физмат» – 50, «естествознания» – 47, «иностранных языков» – 46, «истфак» – 29, «геофак» – 13)⁹.

В приводимых сведениях о вызванных телеграммами в Калинин для возобновления работы преподавателях указывались города и области, в которых они находились в эвакуации. В этом перечне упоминаются Глазов и Молотовск Кировской области, Соликамск Молотовской области, Балашов Саратовской области, Иваново, Златоуст, Кострома, Ярославль, Кашин, Бежецк, станция Кулицкая Калининской области, Малая Вишера, Мордовская АССР, Казань, Новосибирск, Алтайский край¹⁰. Как видно, преподаватели находились в самых разных городах Центральной России, Урала, Поволжья и Сибири. Профессор кафедры русской истории А.Н. Вершинский и ассистент кафедры З.Г. Карпенко были вызваны в Калинин из Кашина, зав. кафедрой древней, средней и новой истории профессор А.С. Башкиров – из Казани.

Поскольку институт не мог рассчитывать только на местные кадры ввиду их ограниченности, практиковались выезды московских профессоров и доцентов на работу в Калинин. Так, основным местом работы известного московского профессора Н.И. Радцига, выпускника историко-филологического факультета Московского университета, была Московская государственная консерватория, в которой он проработал 20 лет с 1919 по 1939 г. Параллельно Николай Иванович преподавал и в Тверском педагогическом институте, где в 1922 г. был утвержден в должности профессора. Он еженедельно ездил в Тверь (Калинин) читать лекции по всеобщей истории для студентов¹¹. Осенью 1943 г. Николай Иванович вернулся преподавать в Калининский педагогический институт. В приказе от 01.10.1943 г. говорилось о его назначении на должность профессора по кафедре всеобщей истории¹². В должности профессора Николай Иванович прослужил в Калинине с перерывом на войну до осени 1948 г.¹³

Вызовы на работу инициировались и самими работниками пединститута, находящимися в эвакуации. Так, в фонде сохранилось письмо зав. кафедрой марксизма – ленинизма А.В. Савинова от 21 января 1942 г., находившегося в эвакуации в Бийске Алтайского края, с просьбой вызвать его на работу в Калинин. Автор уведомлял, что готов принять участие в восстановительной работе института «в какой угодно роли, на любой должности» и сообщал адрес Бийского учительского института, по которому ему можно направить вызов¹⁴. Из письма становится понятно, что А.В. Савинов был эвакуирован в Киров вместе с основной частью сотрудников институ-

⁹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 6, 7.

¹¹ Воробьевева И.Г. Н.И. Радциг – первый профессор-историк Тверского пединститута // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства. Тверь, 2015. С. 9.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С.12.

¹⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 10–10 об.

та. Оттуда преподаватели распределялись в учительские институты по всей стране. А.В. Савинов сообщает о местонахождении и других сотрудников института, которые «ждут с нетерпением возвращения в Калинин». Выясняется, что М.А. Розум работал в Абаканском учительском институте (Красноярский край), В.С. Филатов – в Соликамском учительском институте, В.В. Ванслов – в Барнаульском (гор. Камень-на-Оби), Н.Д. Никольский – в Златоусте, Т.И. Иванова и С.Л. Шатхина – в Барнауле. На основании более поздних документов института подтверждается, что многие из упоминаемых в письме преподавателей действительно были вызваны в Калинин и приступили к работе.

Вызовы на работу преподавателям пединститута направлялись как из обкома ВКП(б), так и из Наркомпроса РСФСР, о чём свидетельствуют соответствующие визы на списках преподавателей и телеграмма Наркомпроса¹⁵. Таким образом, находясь в эвакуации, сотрудники Калининского пединститута продолжали преподавательскую деятельность в учительских институтах страны, но ждали возвращения в Калинин. В то же время процесс возвращения преподавателей проходил не так гладко, как хотелось бы руководству института. Так Наркомпрос РСФСР не поддержал в апреле 1942 г. просьбу директора института о вызове М.А. Розума из Абакана в Калинин. В мае уже Калининский обком ВКП(б) возбудил вопрос о переводе М.А. Розума, но вновь был получен отказ. Против его отъезда возражали и абаканские руководители. За помощью в вопросе возвращения М.А. Розума руководству института пришлось просить помощи у Калининского облисполкома. В июле 1942 г. директор института М.Н. Шардаков направил в Абакан несколько телеграмм и требовал возвращения преподавателя. Только в сентябре 1942 г. М.А. Розум вернулся в Калинин¹⁶.

Несмотря на трудности возвращения, на факультетах постепенно удавалось собрать работоспособные профессиональные коллективы. Так на историческом факультете в 1942–1943 гг. А.Н. Вершинский преподавал историю СССР, историографию и источниковедение, А.С. Башкиров вёл занятия по истории древнего мира, археологии, истории всемирного искусства, Н.И. Радциг – историю Средних веков, М.А. Розум – курс по истории Великой Отечественной войны, а В.П. Тугаринов – исторический материализм¹⁷. Некоторые же факультеты по-прежнему испытывали серьёзные кадровые проблемы.

В направленной в обком докладной записке о готовности к новому учебному году от 13.09.42 г. директор института М.Н. Шардакова обозначил цифры контингента обучающихся. На первый курс в 1942 г. было зачислено 628 студентов, на 3-м курсе числилось ещё 97 человек (всего 725 человек). Второго курса не было, так как в 1941 г. набора не было. Кроме того, в сен-

¹⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 15, 16.

¹⁶ Корсаков С.Н., Селунская Е.А. Деканы исторического факультета Тверского государственного университета. Тверь, 2012. С. 68.

¹⁷ Винник А.В. Исторический факультет в годы Великой Отечественной войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 3. С. 8.

тябре 1942 г. институт должен был принять на сессию 250 студентов-заочников 1-го курса¹⁸. Выпуск учителей в 1943 г. не предполагался, поскольку по распоряжению Наркомпроса РСФСР пединститут перешёл на 4-летний срок обучения¹⁹. Указывалось, что в целом институт обеспечен преподавательскими кадрами, из которых 48 % составляли доценты и профессора, однако требовался один сотрудник по истории педагогики, четыре – по иностранным языкам, по одному – по зоологии, физике, физкультуре.

Директор сообщал, что основные нужды института в обеспечении учебного процесса удовлетворены, однако отмечал полное отсутствие бумаги и тетрадей, которые должны были предоставить областной отдел народного образования (*облоно*) и областное книготорговое объединение государственных издательств (*облкогиз*)²⁰. Информация о дефиците бумаги встречается и в более поздних документах, когда её отсутствием объяснялось несвоевременное оформление дневников и отчётов по педпрактике в 1944 г.²¹

В приводимой сводке по контингенту обучающихся на 27 октября 1942 г. директор М.Н. Шардаков сообщал в обком уже о 680 обучающихся на 1-м и 3-м курсах пединститута, при этом число обучающихся на 3-м курсе по сравнению с сентябрьской сводкой увеличилось с 97 до 124 студентов, а число первокурсников уменьшилось с 628 до 556 человек (в том числе 383 – в педагогическом институте и 173 – учительском институте). Вероятно, такое движение контингента студентов было обусловлено военным временем. Часть прежних студентов смогла приступить к занятиям только осенью 1942 г., в то же время по разным причинам не все из зачисленных на 1-й курс смогли приступить к занятиям. Больше всего обучающихся числилось на физико-математическом факультете – 146 студентов; факультете естествознания – 133, факультете языка и литературы – 126, иностранных языков – 112 (немецкое отделение – 53, английское отделение – 59), историческом – 106, географическом – 57²².

Число заочников из преподавателей школ росло большими темпами: так в 1943–1944 уч. г. заочным обучением было охвачено 1385 учителей, в том числе, на факультете языка и литературы – 440, факультете естествознания – 370, историческом факультете – 285, физико-математическом – 215, иностранных языков – 75²³. Такие цифры показывают стремление охватить высшим образованием основную часть школьных учителей. Применялась поточная система вызовов по особому расписанию в течение всего года.

Особого внимания заслуживают докладные записки, касающиеся проверки массово-политической работы в институте в 1942–1944 гг. Очевидно, что обком особо пристально следил именно за этим направлением

¹⁸ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 24 об.

¹⁹ Там же. Л. 24.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 163.

²² Там же. Л. 25.

²³ Там же. Л. 56.

деятельности, хотя в докладных записках затрагивались гораздо более обширные аспекты функционирования института.

Такая проверка проводилась в институте весной – летом 1942 г., сразу после восстановления деятельности института. Партийный инспектор сделал выводы о неудовлетворительном состоянии работы в этом направлении, о чём и уведомил секретаря обкома Образцова в докладной записке от 1 июля 1942 г.

Проверка была обусловлена причинами идеологического характера. Инспектор отмечал, что почти половина студентов во время оккупации оставалась на занятой врагом территории, что налагало особенно большую ответственность «за политическое воспитание студенчества» на руководство института, партийной организации, преподавателей, кафедру марксизма-ленинизма²⁴. Отмечалось неудовлетворительное чтение лекций преподавателями кафедры (схематизм, недостаточная содержательность, перегруженность материала), что приводило к отсутствию заинтересованности студентов и низкой посещаемости. Так, на лекции 2 июня 1942 г. присутствовали из 73 студентов лишь 17 человек. Семинар по книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» на 2-м курсе истфака и физмата ; был сорван по той причине, что студенты или отказывались отвечать, или показывали свою полную неподготовленность или безграмотность. При этом преподаватель, зав. кафедрой марксизма-ленинизма Баранов, защищал студентов, объясняя неподготовленность сильной перегруженностью²⁵. Инспектор критиковал отсутствие в институте научных кружков и факультативных лекций по изучению трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и возмущался тем, что «... часть студентов-выпускников 2 курса истфака не имеет понятия о материи в философском смысле этого слова. Самостоятельное мышление многих студентов развито чрезвычайно слабо...»²⁶. Критиковалась работа комитета ВЛКСМ института, который, по мнению инструктора, абсолютно бездействовал в вопросах учёбы, политического воспитания, культурно-массовой работы и быта студентов²⁷.

Запущенность агитационно-массовой работы, по мнению инструктора, влияла и на успеваемость студентов, некоторые из которых имели по 4–5 и даже 7 неудовлетворительных оценок. Студенты недостаточное внимание уделяли подготовке к сдаче экзаменов, предпочитая свободное время проводить в саду, и даже занимаясь гаданиями²⁸. Директор института «Сардаков» (Шардаков. – К.С.) обвинялся инспектором в том, что не принимал мер к повышению успеваемости и укреплению дисциплины, а «успокаивал и себя и студентов тем, что успеваемость и посещаемость лекций в других вузах ниже, чем в Калининском институте»²⁹.

²⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 26–26 об.

²⁶ Там же. Л. 26 об.

²⁷ Там же. Л. 27 об.

²⁸ Там же. Л. 27.

²⁹ Там же.

Инспектор предлагал развернуть между студентами социалистическое соревнование, повысить качество преподавания, особенно основ марксизма-ленинизма, чтобы каждый студент стал агитатором и в городе, и в деревне, когда поедет на сельскохозяйственные работы. Критике подверглось недостаточное изучение на лекциях приказа Сталина от 1 мая 1942 г. о необходимости истребить немецких оккупантов и освободить от них советскую землю, недостаточное внимание к борьбе советского народа против фашистских оккупантов, заменённые пятиминутной информацией о международном положении и текущем моменте войны. Наконец, отмечалась недопустимость того, что в течение весны 1942 г. ни один студент не был принят в ряды ВКП(б)³⁰.

Объёмная докладная записка о проверке политко-воспитательной работы в институте, написанная спустя полтора года и направленная 12 января 1944 г. в обком за подписью зам. председателя обкома союза учителей Смирновой, также содержала много замечаний о деятельности организации. Замечания касались не только воспитательной работы института, но и других аспектов его деятельности³¹. В ней указывалось на то, что планирование работы ведётся плохо (планы схематичны и однообразны, сроки и исполнители не указаны); политинформацией охвачен малый контингент студентов («на истфаке в течение 2-х месяцев не было ни одной политинформации»); культурное обслуживание студентов неудовлетворительное (в театр ходят редко и небольшими группами студентов «... 200–400 человек каждый раз из 1080 человек студентов»)³². Автор записи делал серьёзные замечания о проблемах в общеобразовательной подготовке, отмечал недостаточную грамотность студентов («даже на литфаке», где из 31 человека четверо плохо написали диктант; письменные отчёты студентов и статьи в стенгазетах «пестрят ошибками»), а также недостатки в устной речи и выразительном чтении³³.

Кроме того в записке подчёркивались слабый охват обучающихся трудовыми и педагогическими кружками, отсутствие постоянной связи студентов со школой, слабая эстетическая подготовка студентов (отсутствие драматического кружка и слабый хоровой кружок, «с небольшим охватом – 30 человек, занятия которого 3 раза срывались»), недостаточный уровень военно-физической подготовки (в ней было вовлечено только 110 студентов, хотя в институте действовали кружок связистов, топографов, станковых пулемётчиков, гимнастический, лыжный)³⁴.

Критически автор докладной записи оценивал культуру поведения студентов: «... едят во время лекции, на занятии сидят в головных уборах с поднятыми воротниками, не умеют стоять в присутствии преподавателя, слишком громко говорят, хлопают дверями, а часто и вовсе не закрывают

³⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 27–28.

³¹ Там же. Л. 75–86 об.

³² Там же. Л. 76.

³³ Там же. Л. 76 об.

³⁴ Там же. Л. 77.

их за собой»³⁵. Критике была подвергнута работа комсомольской и профсоюзной организаций (комсомольские собрания проводились без подготовки; в ряде комсомольских групп не было ни одного комсомольского собрания («естфак»); в профсоюзе состояли только 318 из 1080 студентов³⁶).

Проверяющий обращал внимание и на условия проживания в общежитии, отмечал скученность, отсутствие вентиляции, кипяченой воды, оборудования для стирки и сушки белья, неработающее радио, частое дежурство по комнатам, которое вызывало пропуски занятий³⁷. В конце документа давался обширный перечень предложений по устраниению выявленных недостатков.

В то же время в докладной записке отмечались положительные аспекты деятельности института, в том числе: общественная работа (она заключалась в обслуживании подшефного госпиталя и Суворовского училища – уход за больными, уборка помещений, выступление с художественной самодеятельностью, читка газет), восстановление Калинина (расчистка катка), работа агитаторов с населением (чтение газет, беседы, политинформация)³⁸.

В целом проводимая проверка должна была выявить, насколько институт решал основную задачу, поставленную перед ним партией и правительством, – воспитание учителя для средней и начальной школы³⁹. Поэтому обширный перечень замечаний и предложений, представленный в результате проверки, должен был открыто показать недостатки и пути улучшения работы института, степень его соответствия возложенной на него миссии. С другой стороны, очевидно, что комплекс проблем, связанный с восстановлением деятельности института в 1942 г., был настолько широким, что руководство элементарно не успевало решать самые насущные бытовые проблемы, не говоря уже о более глубоких проблемах «марксизма-ленинизма», как того требовал инспектор обкома.

Так, в справке о готовности столовой и общежития пединститута к новому 1942/1943 учебному году, направленной из обкома ВЛКСМ в Калининский обком ВКП(б) 31.08.42⁴⁰, отмечалась готовность столовой за 2 часа обслуживать 700 человек, в том числе за счёт продуктов, поступающих из торговых организаций и со своего приусадебного участка. Однако в документе указывалось на недостаточность мест в общежитии и плохое обеспечение дровами. При этом отмечалось, что силами технических работников института было заготовлено 800 куб. дров, силами студентов – 264 тонны торфа и 600 куб. дров, но требовалось заготовить ещё 792 куб. Поэтому часть студентов продолжали работать на заготовке торфа, а другая часть с 29 августа направлялись на сельскохозяйственные работы. Су-

³⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 77.

³⁶ Там же. Л. 77 об.

³⁷ Там же. Л. 78.

³⁸ Там же. Л. 86 об.

³⁹ Там же. Л. 75 об.

⁴⁰ Там же. Л. 21–21 об.

ществовала серьёзная проблема доставки дров от места заготовки, поскольку в транспорте директору института организации отказали. Для решения этой проблемы предлагалось организовать силами молодёжи и комсомольцев города воскресник по заготовке дров для пединститута и через облисполком обеспечить пединститут стеклом для остекления окон в общежитии и транспортом для перевозки дров⁴¹.

Сходные проблемы поднимались и в направленной в обком докладной записке директора института М.Н. Шардакова от 13.09.42 г. о готовности к новому учебному году⁴². Отмечалось, что силами работников и студентов было уже заготовлено 272 тонны торфа и 400 куб. дров, а к 1 октября 1942 г. предполагалось заготовить всего 1300 куб. дров, но этих запасов было достаточно для отопления только одного учебного корпуса, общежития, столовой и домика дирекции, а поскольку институт своего транспорта не имел, вывоз топлива был затруднён. Директор отмечал также, что ремонт в первом корпусе завершён, но продолжался ремонт второго корпуса и столовой, однако во втором корпусе при отсутствовало отопление и использование этого корпуса было невозможным, в связи с чем занятия предполагалось проводить в первом корпусе в две смены⁴³.

Ремонт столовой предполагалось завершить в сентябре 1942 г. Питание в столовой обеспечивалось в том числе с огородов института, где ожидался сбор около 1200 пудов овощей, кроме того предполагалось самостоятельно заготовить около 60 пудов грибов и 100 пудов патоки. Кроме того, собственное стадо свиней в течение года состояло из 10–12 голов⁴⁴, что вместе с огородными угодьями позволяло обеспечить большой объём продуктов питания за счёт собственного хозяйства института.

Особая забота о студентах и преподавателях института со стороны обкома проявлялась порой совершенно неожиданным образом. Так, в адрес Калининского обкома 3 апреля 1942 г. было направлено письмо за подписью помощника директора по административно-хозяйственной части Успенской с просьбой решить вопрос питания студентов и преподавателей⁴⁵. Выяснилось, что Калининский трест столовых без согласия руководства института прикрепил к студенческой столовой № 35 250 учащихся ремесленного училища, в результате «ввиду перегрузки столовой» были «созданы отвратительные условия для Института»⁴⁶: поскольку перед началом первой (9 часов) и второй (14 часов) сменами столовая была «загружена ремесленниками», преподаватели постоянно оставались без завтрака и обеда, а студенты все время опаздывали на занятия. Были и другие жалобы на трест столовых: о том, что преподаватели приравнены к студентам, хотя было обещано улучшенное питание; о том, что трест отпускает «коммерческого хлеба» не

⁴¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 21–21 об.

⁴² Там же. Л. 24–24 об.

⁴³ Там же. Л. 24 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 14.

⁴⁶ Там же.

по 100 гр. как в первые дни работы столовой, а только 30 кг на 450 «стоящихся». Судя по визе на документе, уже 4 апреля обком распорядился о принятии соответствующих мер реагирования, а 13 апреля в отчётом документе сотрудника обкома Николаева было зафиксировано, что расписание завтраков и обедов было изменено, опоздания студентов на занятия прекратились, профессорско-преподавательскому составу готовятся улучшенные обеды и увеличена норма выдачи хлеба к обедам и завтракам⁴⁷.

Содержащаяся в документе информация показывает, какое пристальное внимание обком уделял решению, казалось бы, мелочных «бытовых» проблем студентов и преподавателей пединститута в тяжелейших условиях военного времени, когда вся страна самоотверженно работала на нужды армии и фронта, когда голодал осаждённый Ленинград, а армии вермахта рвались к Сталинграду. Тем не менее, такие вещи не казались обкому «ка-призами» и воспринимались очень серьёзно: в обкоме понимали, что преподаватель должен качественно преподавать, а студент качественно учится, а для этого нужно создать условия. Стране нужны были учителя.

Контроль за деятельностью института был настолько серьёзным, что в обком поступали даже расписания экзаменов, зачётов и госэкзаменов⁴⁸. На одном из расписаний стоит виза от 16 января 1943 г. с поручением секретарю обкома Николаеву «организовать посещение сессии»⁴⁹. Представители контролирующих организаций действительно присутствовали на сессиях, о чём свидетельствует составленный 6 февраля 1944 г. заместителем председателя обкома союза учителей Смирновой документ «Впечатления от зимней экзаменационной сессии в Пединституте». В ходе проверки она посетила два экзамена на «литфаке», где студенты 2 и 4 курсов сдавали «методику русского языка» и «русский язык», и на «истфаке», где студенты 2 курса сдавали «всеобщую литературу». Если ответы студентов «литфака» проверяющего устроили («чувствуется, что материал студентами усвоен»), то ответы студентов «истфака» «не понравились»: «эпоху и исторические предпосылки освещают недостаточно», «используют неточные формулировки, обобщения и выводы делать не умеют»⁵⁰.

Стоит сказать и о значительном комплексе документов о научно-исследовательской работе института. Среди этих документов имеется докладная записка о необходимости собирания материалов по истории Великой Отечественной войны, поданная в июне 1942 г. в Калининский обком ВКП(б) заведующим кафедрой истории СССР профессором А.Н. Вершинским⁵¹. А.Н. Вершинский обращался в обком с просьбой «теперь же, не дождаясь окончания войны, поставить остро вопрос о необходимости собирания материалов по истории войны», излагал от имени кафедры истории

⁴⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Л. 29, 30, 17.

⁴⁹ Там же. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Л. 160.

⁵¹ Там же. Л. 18–19.

СССР «свои соображения по этому поводу»⁵². Именно А.Н. Вершинский стал инициатором создания «Калининской областной комиссии для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны» и её активным членом. Документы о создании и деятельности этой комиссии сохранились в фонде Калининского обкома ВКП(б) и личном фонде учёного⁵³.

В отчёте о научно-исследовательской работе института за 1943 г. от 7 января 1944 г. за подписью директора института М.Н. Шардакова и зам. директора по научно-учебной части М.Л. Невского отмечалось, что проведённые в отчётном году исследования выполнялись прежде всего в связи с задачами военного времени, т. е. большое место заняли работы, посвящённые изучению последствий оккупации в освобождённых районах Калининской области, а также проблемам использования естественных богатств области и собиранию материалов по Калининскому фронту⁵⁴.

Акцент в отчёте был сделан на работах, проведённых кафедрой истории СССР под руководством А.Н. Вершинского. Особое внимание было удалено результатам экспедиции в освобождённые районы области. Она продолжалась 42 дня, в ней участвовали четыре научных сотрудника кафедры и 10 студентов. По материалам экспедиции были написаны работа А.Н. Вершинского «Ветряные мельницы как источник энергии в освобождённых от врага районах», отчёт доцента М.А. Розума «Последствия немецкой оккупации в Ржевском, Зубцовском и Луковниковском районах» и работа ассистента З.Г. Карпенко «Подневольный труд во временно оккупированных районах Калининской области»⁵⁵. На основе собранных материалов и документов А.Н. Вершинский подготовил к публикации брошюру «Бои за Калинин», опубликованную в 1945 г., уже после его смерти, а З.Г. Карпенко – работу о зверствах фашистов на оккупированной территории⁵⁶.

В отчёте также были представлены результаты ботанической экспедиции, организованной кафедрой ботаники под руководством доцента М.Л. Невского. Она продолжалась 38 дней, в ней приняли участие два научных сотрудников и пять студентов⁵⁷. Был написан отчет по теме «Дикорастущее пищевое и лекарственное сырье Калининской области», составлена «Карта распространения пищевых, технических и лекарственных растений», написана брошюра с определителем «О лекарственных растениях Калининской области» (доцент М.Л. Невский), а ассистент Митрофанова составила для промышленно-пищевых предприятий и Аптечкоуправления

⁵² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 18.

⁵³ Там же. Д. 1325; Государственный архив Тверской области. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 227–229; 236, 237, 239, 240, 242 и др.

⁵⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 59–61 об.

⁵⁵ Там же. Л. 59.

⁵⁶ Вершинский А.Н. Бои за город Калинин. Калинин: издание газеты «Пролетарская правда», 1945. 56 с.; Карпенко З. Под фашистским игом: о хозяйствничании немецких захватчиков в районах Калининской области. Калинин: издание газеты «Пролетарская правда», 1945. 78 с.

⁵⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 59 об.

40 гербариев по 30 видов каждый из пищевых и лекарственных растений дикой флоры области.

Преподаватели кафедры химии (зав. кафедрой, доцент В.С. Малиновский) проводили лабораторные исследования по содержанию витамина С и каротина в диких растениях, а также применению витаминных комплексов в мазях и примочках для лечения ран. Кафедрой проводила и лабораторные исследования по производству патоки из корней лопуха, а также анализ сапропелей, собранных в ходе экспедиции из озер и болот области сотрудниками и студентами кафедры химии. Сапропели исследовались в целях создания кормовой базы животноводства области⁵⁸. Доцент кафедры химии П.Г. Угрюмов проводил изучение подсольных вод кустарных установок по сухой перегонке дерева с целью выделения пищевой уксусной кислоты и древесного спирта⁵⁹.

Кафедра физической географии (доцент М.Ф. Савина) проводила исследование «Строительные материалы в Емельяновском районе», кафедра зоологии (доцент А.В. Третьяков) проводила работу по теме «Фауна Калининской области как промышленное сырье». Электроламповая лаборатория освоила процесс реставрации перегоревших лампочек и снабжала лампочками не только институт, но и предприятия и учреждения Калинина и области, ежемесячно выпуская тысячу электроламп. Облпром использовал опыт лаборатории для создания промышленных предприятий по реставрации перегоревших электроламп⁶⁰.

К отчёту за 1943 г. прилагается выписка из плана работы на 1944 г. с указанием на наиболее значимые исследования по истории и экономике Калининской области⁶¹. Среди тем по истории были выделены «Большевики Калининской области в дни Отечественной войны» (преподаватель А.А. Марейкин), «Комсомол Калининской области в дни Отечественной войны» (ассистент Т.И. Крошиякова), «Дети и Отечественная война» (доцент С.С. Ковальчук), «Подневольный труд в период немецкой оккупации западных районов Калининской области» (ассистент З.Г. Карпенко), «Новый порядок» фашистов и патриотическая борьба» (доцент М.А. Розум), «Путь отступления 1-й германской армии» (профессор А.Н. Вершинский), «Новое в фольклоре Калининской области в дни Отечественной войны» (профессор А.М. Смирнов), «Народные говоры Калининской области» (доцент С.А. Копорский)⁶². Основная часть исследований велась на основе материалов, полученных сотрудниками института в ходе экспедиций по области.

Исследования по экономике продолжали тематику исследований 1943 г. кафедр ботаники, химии, физической географии. К ним добавились исследования «Естественное лесовозобновление и введение новых пород в районах, подвергшихся временной немецкой оккупации» (доцент

⁵⁸ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 59 об.–60.

⁵⁹ Там же. Л. 60.

⁶⁰ Там же. Л. 60.

⁶¹ Там же. Л. 61–61 об.

⁶² Там же. Л. 61.

М.Л. Невский) для органов лесного хозяйства, «Малые реки Калининской области» (проф. А.Ф. Беляков)⁶³.

Тематика исторических и экономических исследований соответствовала проблемам восстановления хозяйства области после оккупации и необходимости использования ресурсов области для нужд восстановления области и обеспечения армии и тыла.

В плане научных конференций на январь 1944 гю значился обширный комплекс мероприятий, проводимых каждым факультетом и кафедрой. Всего было сделано 34 доклада⁶⁴. На факультете языка и литературы кафедры литературы и русского языка подготовили 7 докладов (профессор А.М. Смирнов «Историческая борьба за самобытность русской литературы», проф. Н.Д. Никольский «О языке и стиле книги И.В. Сталина “О Великой Отечественной войне Советского Союза”» и другие), на историческом факультете – 3 доклада (проф. А.Н. Вершинский, «О ветряных мельницах», доц. М.А. Розум и асс. З.Г. Карпенко «Отчеты об экспедициях 1943 г. в Ржевский, Зубцовский и Емельяновский район Калининской области», проф. А.С. Башкиров «Русская историческая школа» в области изучения древнего мира»), на физико-математическом факультете – 4 доклада (доц. Б.А. Флоринский «Исследования текстильных изделий», асс. Т.М. Лаврова «Энтропия (методическая разработка для вуза)» и другие), на факультете математики – 4 доклада (проф. В.М. Брадис «Элементарная геометрия в аксиоматическом изложении» и другие), на географическом факультете и факультете естествознания – 5 докладов (проф. А.Ф. Беляков «Воды суши» (сообщение о новой работе), доц. В.П. Пономарев «Торфянная зола как удобрение под картофель» и другие), на факультете иностранных языков – 7 докладов (ст.преп. В.И. Глушко «Исторические причины особенностей английского языка», ст. преп. Е.В. Белякова «Психологические основы изучения иностранных языков» и другие), на кафедре марксизма-ленинизма – 2 доклада (доц. В.П. Тугаринов «Аксиоматика и диалектическая логика», доц. А.В. Савинов «Ленин об общественной роли науки»), на кафедре педагогики – 2 доклада (проф. М.Н. Шардаков, доц. А.П. Семенова, доц. С.Н. Шадурский «Принцип наглядности его применение в школе», доц. М.А. Розум, преп. М.И. Иванов «Урок и его анализ»).

Позднее институт продолжал уведомлять обком о научных мероприятиях, так в обком поступил список докладов научной конференции 18–20 декабря 1944 г., посвящённой изучению Калининской области⁶⁵. Актуальность тематики докладов подтверждалась списком городских и областных организаций, в которые обком направил приглашения на конференцию («Облплан, ОблЗО, Облздравотдел, Аптекоуправление, Горплан, Облищепром, Музей, Охотинспекция, Стройматериалы, Горсовет, РК и ГК ВКП(б) г. Калинина, Облисполком, обком ВКП(б), Облпромкооперация»).

⁶³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 61об.

⁶⁴ Там же. Л. 62–63.

⁶⁵ Там же. Л. 118.

Таким образом, обком контролировал актуальность научных исследований института для области и обеспечивал координацию деятельности заинтересованных организаций. От института ожидали конкретных научных разработок, позволяющих быстрее восстановить хозяйство области и использовать местные ресурсы для развития экономики. Тем не менее, не оставались в стороне и важные вопросы изучения истории и культуры региона.

О том, что подготовка студентов пединститута соответствовала условиям и требованиям военного времени, свидетельствует программа военно-физкультурного праздника студентов, организованного кафедрой военно-физкультурных дисциплин 31 января 1943 г. на стадионе «Динамо»⁶⁶. Предполагались соревнования по лыжам на дистанцию 3 км и по лыжной подготовке. Также демонстрировались противовоздушная подготовка (работа формирований института в сложном очаге поражения: тушение зажигательной бомбы, ликвидация очага химпопражения, оказание первой помощи пострадавшим от воздушного нападения); тактическая подготовка (наступление стрелкового отделения на обороняющегося противника); стрелковая подготовка (стрелковые соревнования из малокалиберной винтовки); строевая подготовка (марши и построения в противогазах); подготовка радиостанции (демонстрация установки полевой радиостанции).

Программа мероприятия показывает, что в условиях военного времени студенты пединститута должны были демонстрировать не только хорошую физическую подготовку и мастерство, но и умения действовать при выполнении реальных боевых задач.

Среди наиболее информативных документов, поступивших в обком в рассмотренный период, отметим справки об итогах учебного года и подготовке к новому учебному году. В августе 1943 г. в обком поступила справка за подписью директора института проф. М.Н. Шардакова об итогах 1942/1943 учебного года и подготовке к новому учебному году⁶⁷. Указывалось, что «учебные занятия проходили в освещённых и тёплых помещениях. Учебный план 1942–43 года выполнен полностью»⁶⁸. Всего с курса на курс было переведено 455 студентов, оставлено на второй год 8 человек, отчислено за неуспеваемость 12 человек. Весной 1944 г. планировалось выпустить 251 студента (119 – по педагогическому институту и 132 – по учительскому).

Был подготовлен к печати сборник учёных записок «Отечественная война в Калининской области», заканчивалась подготовка сборника «Сырьевые ресурсы Калининской области», доцентом Невским написана брошюра «Лекарственные растения Калининской области»; профессором Башкировым написана докторская, а ассистентом Лавровским – кандидатская диссертации. Далее в справке кратко повторялись основные научные достижения, подробно описанные в отчете о научно-исследовательской ра-

⁶⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 31–31 об.

⁶⁷ Там же. Л. 64–65.

⁶⁸ Там же. Л. 64.

боте за 1943 г. Описывалась политico-массовая работа; так в кандидаты в члены ВКП(б) было принято 11 человек, в ВЛКСМ – 73 человека⁶⁹.

Силами студентов и преподавателей проводилась массовая работа в госпиталях, проведено 5000 человеко-посещений и 10 выступлений художественной самодеятельности. Профессорско-преподавательским составом прочитано около 100 лекций и докладов в частях Красной Армии и на предприятиях. В зимние месяцы работали 7 военно-физкультурных кружков. В журнале «Советская педагогика» за 1943 г. в № 4 был опубликована статья об учебной, научной и политico-массовой работе института⁷⁰.

В августе – сентябре 1943 г. 283 студента работали на торфозаготовках: на «Васильевском Мхе», 2-м городском торфоболоте, Дмитрово-Черкасском торфоболоте, а также на лесосплаве, в колхозах по мобилизации обкома ВКП(б) и Облисполкома. Часть студентов работала в подсобном хозяйстве института⁷¹.

При подготовке к 1943–1944 учебному году указывалось, что по плану Наркомпроса РСФСР предполагалось принять на обучение 420 человек, на 18 августа было подано 473 заявления и уже зачислено 135 отличников. Однако было мало подано заявлений на факультет иностранных языков, где план приема составлял 90 человек, и указывалось опасение о недоборе на этот факультет.

По-прежнему отмечался дефицит профессорско-преподавательских кадров, особенно профессоров и доцентов по математике, физике, зоологии и физиологии, английскому языку и экономической географии. Отмечалось, что приглашение преподавателей на должности затруднено отказом Горсовета в предоставлении квартир⁷².

В зданиях шёл ремонт крыш, печей, центрального отопления, водопровода, производилась побелка помещений, однако совершенно не было проведено остекление зданий и отмечалось, из-за задержки поставок стекла затруднялось начало «нормальных» занятий в институте. Отсутствовали запасы бумаги и канцелярских товаров, топливом институт был пока обеспечен на 60 %. Общежитие было расширено на 100 мест, столовая могла обслуживать только 1200 человек.

Из-за плохих климатических условий страдало институтское хозяйство – с 18 гектаров засеянных полей подсобного хозяйства ожидался низкий урожай, который не способствовал улучшению питания студентов и преподавателей. При этом активно заготавливали ягоды и овощи, а также организовывали производство патоки из корней лопуха. Для развития животноводства институту требовались пороссята, коровы и лошади⁷³.

В дополнительной справке от 10 сентября 1943 г. об обеспеченности кадрами на 1943–1944 учебный год сообщалось о сохраняющемся дефиците

⁶⁹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 64 об.

⁷⁰ Там же. Л. 64 об.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Л. 65.

кадров⁷⁴. Недоукомплектованы были штаты кафедры основ марксизма-ленинизма, кафедры английского языка, кафедры физики и зоологии – на них не хватало по одному сотруднику; Наркомпрос РСФСР обещал решить этот вопрос. Нехватку преподавателей по военной кафедре должен был решить областной военкомат. Самая сложная ситуация сложилась на факультете географии, где было только двое собственных преподавателей (ассистенты Шадурская и Бондаревская), преподаватели по физической географии приезжали из Москвы, а преподавателей по экономической географии не было совсем. Директор института в связи с этим обращался к секретарю обкома по агитации и пропаганде Калачеву с просьбой откомандировать в институт кандидата географических наук доцента Кузнецова для проведения занятий по экономической географии и исполнения обязанностей декана факультета⁷⁵.

Судя по этому и другим сохранившимся документам, вопросы кадрового обеспечения институт решал через Наркомпрос РСФСР, в ведении которого и находился, а в наиболее сложных ситуациях обращался в Калининский обком ВКП(б).

В объёмной справке об итогах 1943/1944 учебного года и подготовке к новому учебному году за подписью и.о. зам. директора по учебно-научной части М.А. Розума приводятся статистические данные о результатах экзаменов, в том числе госэкзаменов⁷⁶. Из 131 студента, допущенного к сдаче госэкзамена, 5 студентов получили диплом с отличием и 10 студентов были отчислены в связи с неудовлетворительным результатом экзамена. Эти данные характеризуют жёсткий подход к оценке качества знаний у студентов при окончании обучения. В справке приводится подробный анализ ответов студентов с конкретными примерами фамилий обучающихся, проявивших себя с лучшей стороны. Вместе с тем, в справке приводятся примеры недопустимых ответов студентов, свидетельствующие о низком уровне образования, речевой грамотности, недостаточном общекультурном уровне («... теперечая перейду...», «... Геродот в своих трудах...», «... Болотников распространил провокации... (вместо прокламации. – К.С.)...», «... по берегам плавают киты...», «... вместо “царь Антиох” – царь Антиоха...»)⁷⁷.

Значительное внимание в справке было уделено содержанию и результатам педагогической практики в школах. В ней был сделан вывод о том, что «... практика не только сблизила студентов со школой, и дала им навыки педагогического процесса, но и пробудила интерес к педагогической деятельности и уяснила им великое значение педагогического труда...»⁷⁸.

Конечно, велась политico-массовая, внеучебная работа со студентами. Она включала лекции и доклады, собрания и беседы, политинформацию, кружки, общеинститутские и факультетские вечера, стенную печать, боевые

⁷⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 47–47 об.

⁷⁵ Там же. Л. 47об.

⁷⁶ Там же. Л. 127–131 об.

⁷⁷ Там же. Л. 128.

⁷⁸ Там же. Л. 129.

листки, бюллетени, выставки, коллективное участие в общегородских демонстрациях. Продолжалась и масштабная работа преподавателей института по чтению лекций и проведению мероприятий за пределами института – в подшефных госпиталях, в военных гарнизонах, на собраниях партийного и советского актива, учительских курсах⁷⁹.

На момент составления упомянутой выше справки в институте имелось 17 кафедр, 10 профессоров, в том числе 3 доктора наук, 40 доцентов, в том числе 32 кандидата наук, 55 ассистентов, старших преподавателей и преподавателей⁸⁰. Неукомплектованными оставались кафедры истории СССР (вероятно, в связи с кончиной А.Н. Вершинского), военной и физической подготовки, географии и геологии. В институте имелась библиотека в количестве 400 тысяч экземпляров книг по различным специальностям. В справке отмечалось слабое оборудование экспериментальных кабинетов приборами и экспонатами (кабинеты ботаники, физики и химии).

В анализируемом документе приводятся цифры приёма в 1944 г.: в этом году в институт было принято 423 человека⁸¹, и при этом отмечается невозможность оценить уровень знаний поступающих в институт в этом году, поскольку в предшествующие годы приёмные испытания не проводились. Вместе с этим в справке отмечается более высокий в целом уровень знаний городских школьников (особенно Калинина) по сравнению с сельскими, и при этом подчёркиваются значительные недостатки школьного образования («зубрежка», отсутствие самостоятельного мышления, навыков логического («культурного») мышления, непонимание терминов; ошибки в орфографии, пунктуации, слабое знание основ географии, алгебры; многие из поступающих никогда не видели барометра, «не знают устройства термометра»⁸²). Как видно из документа, учащиеся сельских школ совершенно не знали художественной литературы, не читали «Евгения Онегина», «Мертвые души», «Войну и мир»⁸³. М.А. Розум делал неутешительный вывод: «В целом, окончивший среднюю школу не отвечает требованиям аттестации на зрелость. “Молодой человек” часто не владеет суммой знаний, даваемых средней школой, знания иногда нестройны, клочковаты и разбросаны, школа не привила ему навыков письма и счета, умения наблюдать и запоминать; привычки размышлять и самостоятельно разбираться в теоретических и практических вопросах научного знания»⁸⁴.

Столь жёсткая, но, вероятно, достаточно объективная оценка уровня подготовки абитуриентов, данная М. Розумом, показывала те трудности, с которыми пришлось столкнуться институту в процессе подготовки учительских кадров. По сути институт должен был не только подготовить учителя

⁷⁹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 130–130 об.

⁸⁰ Там же. Л. 130 об.

⁸¹ Там же. Л. 131.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Л. 131 об.

⁸⁴ Там же. Л. 131 об.

для средней школы, но и ликвидировать недостатки в пробелах поступающих, допущенные при школьной подготовке.

«Справка о педагогизации программ в Калининском пединституте» от 24 сентября 1944 г. за подписью М.А. Розума содержит информацию о дискуссиях относительно целей и задач педагогического образования⁸⁵. Суть предлагаемых кафедрой педагогики нововведений предполагала «... проработать вопрос о развитии через... учебные дисциплины у студентов научной пытливости, интереса к науке и к преподаванию науки по своей специальности...»⁸⁶. В целях пропаганды учительской профессии на первых курсах всех специальностей читались лекции о будущей профессии учителя. «С самого начала курса педагогики студентам внушается, что будущий учитель не только должен быть широко образованным, не только прекрасно знать свой предмет и быть мастером своего дела, но и иметь высокие моральные качества, как патриотизм, мужество, героизм...»; в лекциях по педагогике затрагивались «... проблема долга, обязанность перед государством и народом, проблема общественного служения, гуманизма, борьбы за лучшие идеалы человечества»⁸⁷. В связи с этим интересны мнения заведующих кафедрами математики (профессор Брадис) и физики (доцент Флоринский) о том, что прежде всего студентам нужно прививать те знания по предметам, которые будут ими непосредственно востребованы в связи с их учебной деятельностью в школе и которые они смогут доступно изложить учащимся⁸⁸. То есть должна быть точная связь между содержанием программы средней школы и вузовской программой. По результатам же госэкзаменов было установлено, что «знания студентов, проявленные ими на экзаменах, являются преимущественно знаниями сложных вопросов, причём, естественно они являются не-глубокими и недостаточно детальными, между тем как преподавателью средней школы нужны знания только простейших проблем физики, но исчерывающие и охватывающие все детали, полезные для преподавания...»⁸⁹. Делался вывод, что в плане подготовки вуза таким вопросам уделяется недостаточно внимания.

5 декабря 1944 г. в обком поступила справка об окончивших институт в 1940–1944 гг. (1940 – 388 человек, 1941 – 516 человек, 1942 – 160 человек, 1943 – выпуск не было в связи с переходом на 4-х годичное обучение, 1944 – 236 человек). Всего за отчётный период институт окончили 1300 человек (719 – по пединституту и 581 – по учительскому институту)⁹⁰. Институт постепенно двигался к восстановлению контингента выпускников.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренный комплекс документов позволяет составить системное представление о целях и задачах, которые ставили перед институтом партийные органы, и оrealных пробле-

⁸⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 136–136 об.

⁸⁶ Там же. Л. 136.

⁸⁷ Там же. Л. 136–136 об.

⁸⁸ Там же. Л. 137.

⁸⁹ Там же. Л. 136.

⁹⁰ Там же. Л. 121.

мах, с которыми столкнулся институт в период после оккупационного восстановления. Докладные записки, направленные от руководства института в обком в 1942 г., показывают, что институт в течение весны 1942 г. быстро смог оповестить студентов о восстановлении работы и начать занятия, хотя проблема возвращения преподавателей из эвакуации решалась медленнее, поскольку необходимо было выяснить их местонахождение, направить запросы о возвращении через Наркомпрос РСФСР; большинство преподавателей работали в это время в учительских институтах, разбросанных по всей территории СССР. В сложных ситуациях приходилось решать вопросы вызова через обком. Некоторые кафедры и факультеты испытывали дефицит кадров весь период 1942–1944 гг. (факультет географии). Кадры привлекались и путём привлечения московских профессоров и доцентов в Калинин.

Из отчётов и докладных записок видно, что институт быстро восстановил занятия в корпусах, работу столовой, общежитий, однако существовали серьёзные проблемы с остеклением, отоплением, транспортом для доставки с мест затотовки, где работали студенты и сотрудники института, дров и торфа, продовольственным снабжением (для снабжения столовой использовались ресурсы подсобного институтского хозяйства).

Отчёты о научно-исследовательской деятельности и планы научной работы показывают, насколько важными были попытки сотрудников института направить научные исследования на решение сложнейших задач восстановления экономики и хозяйства области (практические решения по использованию лекарственных растений, лабораторные исследования по содержанию витаминов в диких растениях, применение витаминных комплексов для лечения ран, лабораторные исследования по производству патоки из корней лопуха, анализ сапропелей для создания кормовой базы животноводства, исследование ресурсов малых рек для нужд промышленности, изучение лесов для нужд лесного хозяйства, создание электроламповой лаборатории по реставрации перегоревших лампочек). Огромное значение имели работы историков по сохранению памяти о войне на территории Калининской области, о зверствах оккупантов в отношении мирного населения. Продолжалось изучение культуры области (фольклора, народных говоров). Многие сведения собирались в ходе многочисленных экспедиций, организовать и провести которые в условиях военного времени требовало немалого труда.

Вместе с тем, главная задача института – подготовка школьных учителей, всегда находилась в центре внимания руководства и института, и обкома ВКП(б). Как видно из справок об итогах и подготовке к новому учебному году руководство института очень ответственно и со значительной долей критики относилось к результатам собственной работы; руководство института понимало, что массовую потребность школ в учителях нельзя обеспечивать в ущерб качеству их подготовки.

Список литературы:

1. Винник А.В. Исторический факультет в годы Великой Отечественной войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 3. С. 4–10.
2. Воробьева И.Г. Радциг – первый профессор-историк Тверского пединститута // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: сб. ст. участников IV Междунар. научно-практ. конф. Тверь, 3–4 декабря 2015 г. / отв. ред. А.В. Винник, О.К. Ермишкина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 6–17.
3. Корсаков С.Н., Селунская Е.А. Деканы исторического факультета Тверского государственного университета. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 288 с.

Об авторе:

СВИРИН Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра архивоведения, историографии и документоведения, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

A Set of Documents on the Activities of the Kalinin Pedagogical Institute in 1942–1944 (Based on the Materials of the Kalinin Regional Committee of the CPSU(b))

K.M. Svirin

Tver State University, Tver, Russia

The article considers a set of documents preserved in the fund of the Kalinin Regional Committee of the CPSU(b) on the activities of the Kalinin Pedagogical Institute in 1942–1944, after the liberation of the city from occupation. Information about the work of the pedagogical Institute was received by the Kalinin Regional Committee in the form of certificates, information, memos, reports. They contain information about the resumption of the institute's work after the liberation of Kalinin from occupation, the return of teachers from evacuation, the formation of a contingent of students, the restoration of the material and technical base, scientific research, problems with the quality of education, and mass political work among students. The studied set of documents allows us to form a systematic understanding of the problems of university education in the war period of 1942–1944.

Keywords: *The Great Patriotic War, Kalinin Pedagogical Institute, Kalinin region, Kalinin Regional Committee of the CPSU(b), Tver State University, archival documents, higher education, history of education, history of historical science.*

About the author:

SVIRIN Kirill Mikhailovich – Candidate of History, Associate Professor, the Department of Archive Studies, Historiography and Documentation, Tver State University (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, office 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

References:

- Vinnik A.V. *Istoricheskii fakul'tet v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* // Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya», 2017, № 3, S. 4–10.
- Vorob'eva I.G. N.I. Radtsig – pervyi professor-istorik Tverskogo pedinstituta // Sovremennye tendentsii razvitiya mirovoi, natsional'noi i regional'noi industriii gostepriimstva: sb. st. uchastnikov IV Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Tver', 3–4 dekabrya 2015 g. / otv. red. A.V. Vinnik, O.K. Ermishkina, Tver': Tver. gos. un-t, 2015, S. 6–17.
- Korsakov S.N., Selunskaya E.A. *Dekany istoricheskogo fakul'teta Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tver': Tver. gos. un-t, 2012, 288 s.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47):050”18” +052.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.168–175

Женщина-издательница в публичном дискурсе второй половины XIX в.: механизмы категоризации и границы професионализации (часть 1)¹

П.А. Пелягина

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование феномена женщин-издательниц в Российской империи второй половины XIX века раскрывает механизмы формирования дискурсивных границ их профессиональной деятельности. На основе статистики, периодики и архивных материалов анализируется процесс категоризации, последовательно связывавший издательский труд с писательским. Концептуальная рамка объединяет теорию категоризации Р. Брубейкера и концепцию символического насилия П. Бурдье. Дискурсивный анализ показывает, как нарративы легитимации и критики определяли социальные границы роли издательниц. Признание прежде всего получала деятельность в традиционных «женских» сферах. В исследовании рассматриваются как общие представления современников об издательницах, так и частные примеры.

Ключевые слова: издательницы, публичный дискурс, Российская империя, XIX в., категоризация, профессиональный статус, периодическая печать, писательницы, статистика.

Введение. В позднеимперский период издательское дело становится одним из социально допустимых и институционально закрепленных направлений для женщин. Женщины издавали книжные и периодические издания – от детской литературы до общественно-политической прессы.

В 1850–1900 гг. в стране насчитывалось около 1900 журналов и газет – почти в четыре раза больше, чем за предыдущие полтора века². Точное число всех издателей периодики этого периода – мужчин и женщин – неиз-

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге Ю.А. Сафонова.

² Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Пг., 1915. С. 116–768.

вестно, но среди них было как минимум 100 издательниц³. Они составляли скромную часть издательского ландшафта, но не растворялись в нём, а на-против, выделялись в отдельную категорию, которой приписывались как добродетели (особое чувство языка), так и пороки (несдержанность, дилетантизм). Участие издательниц в политической жизни оценивалось в зависимости от личных взглядов субъекта оценивания.

Закрепление роли осуществлялось «сверху»: как через категоризацию в официальной статистике и административную идентификацию институтами власти⁴, так и через дискурсивное воздействие носителей символической власти – представителей прессы, находившейся под цензурным контролем, создававшейся преимущественно мужчинами и выступавшей инструментом символического насилия как навязывания доступных форм социального действия⁵.

Цель статьи – выявить механизмы категоризации издательниц и конструирования их образа. Из этого вытекают задачи: проследить динамику внешней идентификации; охарактеризовать контекст женского включения в печатную сферу; проанализировать дискурсивные практики, а именно – способы легитимации и критики, через которые определялись рамки допустимого участия женщин в издательском деле.

Формирование категории издательниц: институциональные механизмы и социальный контекст. В официальной статистике издательницы впервые появились в 1869 г. По итогам петербургской переписи, организованной статистическим комитетом МВД, издательницы были отнесены к категории «писательницы, переводчицы и издательницы» (всего 40 человек, точное количество последних не уточняется)⁶. Издатели-мужчины также были «встроены» в широкую категорию – «писатели, журналисты, переводчики и издатели» (262 человека)⁷.

Проведение переписей совпало с изменениями в самой отрасли. До 1861 г. издательская деятельность чаще всего была побочным занятием книготорговцев, пока им на смену не пришли профессиональные издатели-капиталисты⁸. Этот сдвиг отразился и в статистическом учёте: в 1881 г. в столичной переписи появились «издатели газет и журналов» (58 мужчин и 8 женщин)⁹. К 1900 г. их число выросло до 75 мужчин и 10 женщин¹⁰.

³ Farris J. P., et al. Checklist of Women Journalists in Imperial Russia // An Improper Profession: Women, gender, and journalism in late imperial Russia. Durham, London, 2001. Pp. 281–310.

⁴ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

⁵ Бурдье П. Практический смысл. М.; СПб., 2001.

⁶ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.: В 3 вып. СПб., 1875. Вып. 3: Распределение жителей Санкт-Петербурга (исчисленных поименно) по промыслам, занятиям и другим родам средств существования. С. 86.

⁷ Там же. С. 76.

⁸ Баренбаум И.Е. Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003.

⁹ Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1881 г.: В 2 т. СПб., 1884. Т. 1: Население. Ч. 2: Состав населения по занятиям. С. 306.

Данные по раннему периоду показывают, что вплоть до 1860-х гг. издательская деятельность женщин была эпизодической. В 1840-е гг. работали две издательницы периодики – А.О. Ишимова и Е.Ф. Сафонова; в первой половине 1850-х гг. – четыре (А.О. Ишимова, Е.Ф. Сафонова, С. Лунд, О.Г. Рюмина); в 1855–1860 гг. – также четыре (М. Станюкович, Е.Ф. Сафонова, С.П. Бурнашева, Н.В. Утилова). Наиболее устойчивые проекты вели Ишимова и Сафонова; прочие издания были краткосрочными (1–3 года)¹¹.

Справочные издания второй половины века воспроизводили гендерную классификацию. В «Библиографическом словаре русских писательниц» фигурировали, например, А. Лоди и Е.С. Баллина, которые не публиковали собственных текстов, но издавали книги¹². Их присутствие в словаре писательниц никак не объясняется, но при этом встраивается в общее представление о женщинах, причастных к «производству слова». Аналогичных справочников мужчин не возникало: их существование воспринималось как норма и не нуждалось в специальной фиксации.

В «Сборнике отделения русского языка и словесности», несмотря на отдельный список «издательниц и редакторш», издательницы также включены в категорию «писательниц», которым был посвящён целый том¹³. Кроме того, в сборнике выделялись «содержательницы книжных магазинов и издательницы книг», воспроизводя свойственное первой половине века слияние этих ролей. Подобные списки повышали видимость женщин в печати, однако препятствовали признанию издательского труда как самостоятельной профессиональной стратегии.

В 1881 г. в журнале мод «Новый русский базар» отдельным списком были представлены 11 издательниц¹⁴. Публикация вышла в рубрике «Хроники женского дела», что смещало акцент на повестку «женского вопроса» и подчеркивало автономность этой роли. Однако влиятельная традиция слияния категорий послужила тому, что издательниц до сих пор продолжают включать в более широкие категории – журналисток¹⁵ или «посредниц литературы» наряду с переводчицами и редакторшами¹⁶.

Прочная связь издательниц и писательниц объясняется дискуссиями XIX в. о допустимых для женщин формах участия в «производстве слова». На рубеже XVIII и XIX вв. женщина, прежде всего, предлагалась роль читательницы — «хранителя вкуса», проводника между писателями и публикой. Дискурс об особом чувстве языка восходит к французской салонной

¹⁰ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г.: В 3 т. СПб., 1903. Т. 2: Распределение населения по занятиям. С. 146.

¹¹ Farris J. P., et al. Op. cit. P. 281–310.

¹² Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.

¹³ Пономарев С.И. Наши писательницы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1891. Т. 52. № 7.

¹⁴ Новый русский базар. 1881. № 44. С. 436.

¹⁵ Farris J. P., et al. Op. cit. P. 281–310.

¹⁶ Blinova O. Liste des éditrices et rédactrices en chef de la presse périodique russophone dans l’Empire russe, 1763–1890 // Slovo. 2024. Les médiatrices de la littérature russe. Le XIXe siècle. Hors-série (1). P. 189–253.

культуре, где именно женщинам приписывался навык «вежливого разговора» и умение формировать тон общения¹⁷. «Трудолюбивые умы вымышляют, пишут... женщины, читая их, научаются чистоте и правильности языка; но сей язык, проходя через уста их, становится яснее, гладче, приятнее, слаше», – говорил писатель А.С. Шишков, открывая литературное общество «Беседа любителей русского слова»¹⁸.

Уже в начале века женские журналы, издававшиеся мужчинами, призывали читательниц к сочинительству¹⁹. В 1830–1840-е гг. развернулась дискуссия о «женском письме»: одна сторона призывала писательниц скрывать чувства за изображением светской жизни, а другая отстаивала право женщины на прямое самовыражение в творчестве²⁰, подготавливая почву для появления первых издательниц. Так, в 1830–1840-х гг. Е.Ф. Сафонова уже выпускала журналы о моде и шитье, а А.О. Ишимова – детские журналы; обе работали в рамках «женских» тем, но вместе с тем осваивали новую публичную роль.

Ещё в начале века женщина часто выступала организатором чтения дочерей²¹, а иногда и сыновей²². Благодаря этому литература для детей воспринималась как продолжение привычной частной практики и стала наиболее легитимной областью.

Опыт женщин, взрослевших в эпоху романтизма, придавал вопросу о «женщине и книге» дополнительное измерение. «Мужчинам нравилось... чтобы женщина, читая стихи, уносилась душой куда-то вдаль – в мир более идеальный, чем тот, который её окружает», – писал Ю.М. Лотман об устойчивом образе читательницы тех лет²³. Т.П. Пассек, основательница журнала «Игрушечка», вспоминая свою юность, воспроизводила нарратив о «мечтательной» и «воображающей» читательнице, невольно признавая, что была воспитана в этой манере²⁴.

Уже в первой четверти XIX в. в этот нарратив могла быть вписана сама Екатерина II, прообраз издательницы, фактическая руководительница журнала «Всякая всячина» (1769–1770). В мемуарах 1819 г. фрейлина

¹⁷ Bernstein L. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // Russia—Women—Culture. Bloomington; Indianapolis, 1996.

¹⁸ Шишков А.С. Речь при открытии Беседы любителей русского слова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб., 1825. Ч. 4. С. 144.

¹⁹ Нестеренко М. Розы без шипов. Женщины в литературном процессе России начала XIX в. М., 2022. С. 24, 44.

²⁰ Савкина И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг.). Wilhelmshorst, 1998. С. 18.

²¹ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918. М., 2011. С. 66.

²² См., напр.: Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной, 1813–1852. М, 2009.

²³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 53.

²⁴ Воспоминания Т.П. Пассек «Из дальних лет»: В 3 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 187.

В. Н. Головина в критическом ключе объясняла интерес императрицы к трудам философа-скептика П. Бейля «воспламененным воображением»²⁵.

К середине столетия «чувствительность», позволявшая женщинам быть мерилом чистоты языка, в педагогических кругах воспринималась как проблема²⁶, которая могла трактоваться как признак непригодности для руководства в области печати. Следствием этого, возможно, является и то, что в «Истории Екатерины Второй» А. Г. Брикнера – первой фундаментальной работе об императрице – её издательская деятельность оставлена за скобками²⁷.

Ранний прецедент женского издательского проекта в России после Екатерины II относится к 1806 г., когда М.Н. Макаров, издатель женских журналов, мистифицировал проект – женский журнал «Амур» – и приписал инициативу его создания вымышленным писательницам, хорватским княжнам Е. Трубецкой и А. Безниной²⁸. Русифицированное имя издательницы «Амура» – княжна Елизавета Трубецкая – совпало с именем московской аристократки, что вызвало недоумение в высшем свете²⁹: идея о журнале, издаваемом русской знатной особой, была немыслима для начала XIX в.

Конструирование образа иностранок как образа «другого» позволяло обществу дистанцироваться от идеи женского издательства, одновременно допуская её в своё дискурсивное поле³⁰. За дискуссией о заграничных прецедентах пропадала тревога перед расширением женских ролей и выходом издательниц в публичное пространство.

Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1837 г. в сообщении о заседании французской Палаты депутатов подчёркивалось выступление издательницы «Gazette des Femmes» М.П. де Мошан: вызвав всеобщий смех, она требовала отменить статью Гражданского уложения, предписывающую жене повиноваться своему мужу³¹. Указание на род деятельности здесь используется как маркер, позволяющий перевести обсуждение правовых вопросов в плоскость насмешки над «неподобающей» социальной ролью; руководство де Мошан женским изданием могло восприниматься как вызов мужской дискурсивной монополии.

«Санкт-Петербургские ведомости» благожелательно отзывались о француженке, издававшей рукописную газету «Le Secours» в пользу бедной семьи. Поддержка других благотворительных особ увеличила число подписчиков, что позволило перейти к литографированию издания³². Ключе-

²⁵ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 70.

²⁶ Аппельрот Г. Образование женщины среднего и высшего состояний // Отечественные записки. 1858. № 21. С. 677.

²⁷ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885.

²⁸ Ерикова В.Н. «Журнал для милых». Из истории женских журналов в России в начале XIX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 32.

²⁹ Там же.

³⁰ См., напр.: Hokanson K. Writing at Russia's Borders. Toronto, 2008.

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1837. № 122. С. 2.

³² Там же. 1847. № 273. С. 1.

вым фактором одобрения стало соответствие представлениям о «естественной» женской роли, предполагающей заботу и милосердие; подчеркивалась дистанция от капиталистических механизмов производства. Одобрение получили и польские издательницы, формально не выходившие за рамки «женских» тем: И. Видулинская («Магазин мод» – мода), П. Krakow («Подснежник» – дети), Э. Земенцкая («Пиллигри姆» – религия)³³. Характерно, что издательницы вновь перечислялись наряду с писательницами, что подтверждало устойчивую связь этих категорий.

Позднее критике подвергалась чрезмерно коммерческая или публичная деятельность. Критик А.В. Дружинин высказывался об английских издательницах кипсеков – дорогостоящих иллюстрированных изданий. Используя ярлык «синий чулок», он ставил их в один ряд с претенциозными писательницами и публицистками, как, например, Ф. Троллоп, скандальная репутация которой сложилась на фоне выхода книги о нравах американцев «Domestic Manners of the Americans» (1832) и последовавшей публичной полемики. Возмущение, прежде всего, вызывала готовность издательниц публично защищать коммерческие интересы: «Кто начинает печатно ругаться, едва одно из лиц, приглашенных к сотрудничеству, не выполняет своих обязательств? Синие чулки – издательницы кипсеков»³⁴.

Таким образом, несмотря на формальное признание деятельности издательниц в официальной статистике и справочной литературе второй половины века, издательниц систематически объединяли с писательницами, отказывая им в самостоятельном профессиональном статусе. Эта ситуация уходила корнями в начало столетия, когда сама идея женского участия в издательском деле встречала активное сопротивление и считалась неприемлемой для русской аристократии. Инструментом дискредитации становился негативный образ иностранной издательницы.

Список литературы:

1. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 408 с.
2. Баренбаум И.Е. Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003. – 439 с.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Бурдье П. Практический смысл. М.; СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
5. Ерикова В.Н. «Журнал для милых». Из истории женских журналов в России в начале XIX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 29–43.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. – 481 с.

³³ Денница. 1842. № 2. С. 28.

³⁴ Дружинин А.В. Письма об английской литературе // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. СПб., 1865. С. 275–378.

7. Нестеренко М. Розы без шипов. Женщины в литературном процессе России начала XIX в. М.: НЛО, 2022. — 280 с.
8. Савкина И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг.). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. – 223 с.
9. Bernstein L. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // Russia—Women—Culture. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1996. Pp. 209–224.
10. Blinova O. Liste des éditrices et rédactrices en chef de la presse périodique russophone dans l'Empire russe, 1763–1890 // Slovo. 2024. Les médiatrices de la littérature russe. Le XIXe siècle. Hors-série (1). Pp. 189–253.
11. Farris J. P., et al. Checklist of Women Journalists in Imperial Russia // An Improper Profession: Women, gender, and journalism in late imperial Russia. Durham, London: Duke University Press, 2001. Pp. 281–310.

Об авторе:

ПЕЛИАГИНА Полина Андреевна – аспирант, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А); e-mail: ppeliagina@eu.spb.ru

The Woman Publisher in the Public Discourse of the Second Half of the 19th Century: Mechanisms of Categorisation and Limits of Professionalisation (part 1)

P.A. Peliagina

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

This study examines the phenomenon of women publishers in the Russian Empire during the second half of the 19th century, analyzing the mechanisms that established the discursive boundaries of their professional activity. Drawing on statistical data, periodicals, and archival records, the research traces a process of categorization which systematically associated publishing with literary work. The conceptual framework integrates R. Brubaker's theory of categorization and P. Bourdieu's concept of symbolic violence.

Discursive analysis reveals how narratives of legitimacy and criticism defined the social boundaries of the female publisher's role. Public recognition was granted primarily to activities within traditional 'feminine' spheres. The investigation considers both contemporary public perceptions of these women and specific individual cases.

Keywords: *women publishers, public discourse, Russian Empire, 19th century, categorization, professional status, periodical press, women writers, statistics.*

About the author:

PELIAGINA Polina Andreevna – postgraduate student, Department of History, European University at St. Petersburg 191187, Russia, St. Petersburg, ul. Gagarinskaya 6/1A); e-mail: ppeliagina@eu.spb.ru

References:

- Abrams L. *Formirovanie evropeiskoi zhenshchiny novoi epokhi, 1789–1918*, M., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. — 408 s.
- Barenbaum I. E. *Knizhnyi Peterburg. Tri veka istorii: Ocherki izdatel'skogo dela i knizhnoi torgovli*, SPb., Kul'tInformPress, 2003. — 439 s.
- Brubeikin R. *Etnichnost' bez grupp*, M., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. — 408 s.
- Burde P. *Prakticheskii smysl*, M.; SPb., Aleteiya, 2001. — 562 s.
- Ershova V. N. «*Zhurnal dlya milykh*». *Iz istorii zhenskikh zhurnalov v Rossii v nachale XIX v.*, Vestnik RGGU, 2008, № 11, S. 29–43.
- Lotman Yu. M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)*, SPb., Iskusstvo — SPb, 1994. — 481 s.
- Nesterenko M. *Rozy bez shipov. Zhenshchiny v literaturnom protsesse Rossii nachala XIX v.*, M., NLO, 2022. — 280 s.
- Savkina I. L. *Provintsialki russkoi literatury (zhenskaya proza 30–40-kh gg.)*, Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 s.
- Bernstein L. *Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century, Russia—Women—Culture*, Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 1996, Pp. 209–224.
- Blinova O. *Liste des éditrices et rédactrices en chef de la presse périodique russophone dans l'Empire russe, 1763–1890*, Slovo, 2024, Les média-trices de la littérature russe. Le XIXe siècle, Hors-série (1), Pp. 189–253.
- Farris J. P., et al. *Checklist of Women Journalists in Imperial Russia, An Improper Profession: Women, gender, and journalism in late imperial Russia*, Durham, London, Duke University Press, 2001, Pp. 281–310.

Статья поступила в редакцию 23.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(470.331)’18’+070.22 Тверские епархиальные ведомости
DOI 10.26456/vthistory/2025.4.176–188

Революционное движение 1870–1880-х гг. в освещении церковной периодики (на примере «Тверских епархиальных ведомостей»)¹

С.М. Тарасов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются особенности презентации революционного движения в церковной периодической печати на примере «Тверских епархиальных ведомостей». Анализ выпусков за период 1877–1884 гг. показал, что православные священнослужители одними из первых увидели в левом радикализме угрозу как для государственного строя, так и для общепринятого уклада жизни российского общества. Отмечается вклад отдельных авторов и редакции епархиального издания в формирование негативного образа «внутреннего врага». Делается вывод о глубине понимания духовенством феномена революционного движения. Было установлено, что церковные публицисты достаточно точно определили социальную базу революционеров, сформулировали схему для осмысливания их идеологии (социализм), а также объяснили причины протестных настроений, опираясь на реалии преформенной России.

Ключевые слова: «Тверские епархиальные ведомости», православное духовенство, революционное движение, социализм, политический террор, образ врага.

События Первой русской революции и Великой революции 1917 г. генетически связаны с процессами, происходившими в предыдущем, девятнадцатом столетии. Именно на XIX в. приходится основной этап формирования отечественного революционного движения. Появление и развитие сообществ, ставящих целью свержение основ государственного строя, не могло остаться незамеченным для правительства и общественности. С каждым годом радикальные идеологии левого толка привлекали всё больше сторонников, что становилось предметом широкой полемики на страницах периодических изданий. Русская православная церковь (далее – РПЦ) не осталась в стороне, и её пастыри, по преимуществу настоя-

---

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета Т.Г. Леонтьева.

тели приходов, включились в публичное обсуждение в церковных печатных изданиях.

В Тверской епархии они с 1877 г. систематически высказывались на страницах официального печатного органа – «Тверских епархиальных ведомостях» (далее – ТЕВ). Уже в первых выпусках была затронута тема политического террора². В данном тексте на основании нарративов, используемых в ТЕВ, представлены результаты анализа представлений православного духовенства о революционном движении на рубеже 1870 – 1880-х гг.

Состояние РПЦ накануне потрясений XX в. не раз становилось предметом научных изысканий. К примеру, Т.Г. Леонтьева констатирует, что РПЦ на рубеже XIX–XX вв. столкнулась не только с институциональным кризисом, но и кризисом веры, и подчёркивает, что Церковь и её священнослужители оказались неспособными дать адекватные и своевременные ответы на вызовы времени, что позволило антиправительственным, революционным элементам стать для миллионов православных людей идеологическими и духовными ориентирами³. Неоднократно в историографии поднималась тема освещения в текстах православных проповедников проблем, связанных с революционным движением⁴. Так, Ю.А. Сафонова указывает, что контрреволюционная риторика РПЦ начала оформляться в конце 1870 – начале 1880-х гг. как реакция на политический террор⁵. В то же время прослеживается тенденция к обращению некоторых пастырей РПЦ и религиозных мыслителей к преимуществам «левых» идеологий⁶. Накопленный опыт изучения работ православных мыслителей в контексте осмыслиения социализма был обобщён в антологии «Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX вв.»⁷. Составители этого сборника

² Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). Официальная часть. 1877. № 3. С. 38–39; *Димитрий (Муретов), архиепископ*. Слово в день рождения благочестивейшего государя императора Александра Александровича, 17 апреля 1877 года // ТЕВ. Неофициальная часть. 1877. № 12. С. 207, 213.

³ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 268–269.

⁴ См. подробнее: Медзиродски А. «Можно ли христианину быть социалистом?» (Не)примиримость христианства и социализма в революционной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 516–540; Иванов А.А. «Первохристианский коммунизм»: русская церковная публицистика второй половины XIX – начала XX вв. о феномене иерусалимской общины // Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 75–89; Макаркин А.В. Православие и социализм в начале XX века: борьба, энтузиазм, приспособление, понимание // Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 13–32.

⁵ Сафонова Ю.А. Пастыри Русской православной церкви о проблеме терроризма. 1879–1881 гг. // Церковь в истории и культуре России. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной памяти преподобного Трифона Вятского (1546–1612 гг.). Киров, 2010. С. 194–197; Её же. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 гг. М., 2014.

⁶ См. подробнее: Иванов А.А. «Правда социализма»: церковная публицистика конца XIX – начала XX века о сильных сторонах социалистического учения // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 386–393.

⁷ Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX вв. СПб., 2023.

выделили в текстах православных мыслителей ряд сюжетов, в которых отражена позиция Церкви и отдельных её представителей к нигилизму, социализму и революционному движению⁸.

Основным источником исследования выступают ТЕВ. Выбор епархиальной периодики объясняется её ролью в формировании общественного мнения. В выпусках за 1877–1884 гг. выявлено 95 публикаций с упоминанием революционного движения в разных контекстах, по преимуществу это Слова, Поучения и речи. Указанные материалы предназначались священнослужителям для использования в богослужебных практиках и пастырской деятельности.

Одной из важных задач приходского духовенства было оповещение о распоряжениях вышестоящего начальства. Кроме того, они информировали мирян о событиях в России и мире. Для народа – это авторитетный источник информации, а в условиях сельской местности – единственный⁹. Нередко от изложения священником фактов внутренней и внешней политики зависело отношение мирян, прежде всего крестьян, к происходящему. Тем самым формировалось отношение мирян к революционному движению.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом, когда революционное движение в России встало на путь открытой борьбы с государственной властью Российской империи. В целом они совпадают с началом издания ТЕВ.

Анализ выпусков первых годов издания ТЕВ показал, что исходной точкой большинства сюжетов про революционное движение являются покушения на Александра II и должностных лиц. Первым стало убийство шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения Николая Владимировича Мезенцова 4 августа 1878 г.¹⁰ Затем число упоминаний возрастает в разы. Покушения на императора 14 апреля 1879 г., 19 ноября 1879 г., 5 февраля 1880 г. и его убийство 1 марта 1881 г. становились главными темами на страницах ТЕВ, увеличивая количество тематических публикаций. После 1881 г. в издании фиксируется резкий спад числа каких-либо упоминаний о революционном движении, что характерно и для других церковных периодических изданий. Это объясняется ужесточением цензуры после принятия в 1882 г. «Временных правил о печати». Поэтому распределение публикаций, затрагивающих тему революционного движения, выглядит следующим образом: 1877 г. – 5; 1878 г. – 8; 1879 г. – 24; 1880 г. – 23; 1881 – 20; 1882 г. – 6; 1883 г. – 7; 1884 г. – 2.

Внимательно наблюдая за ходом противостояния правительства и революционного подполья, православные священнослужители задались во-

⁸ Иванов А.А., Амбарцумов И.В., Костромин К.А., Петров И.В., Чемакин А.А. Церковное осмысление социализма: pro et contra // Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX вв. СПб., 2023. С. 5–63.

⁹ Сафонова Ю.А. Пастыри Русской православной церкви о проблеме терроризма... С. 194.

¹⁰ Слово на день священного коронования благочестивейшего государя императора, Александра Николаевича // ТЕВ. Неофициальная часть. 1878. № 18. С. 383–387.

просом, на который, впрочем, сами дали точный ответ: кто же бросил вызов порядкам, существовавшим в России на рубеже 1870–1880-х гг.? Церковные публицисты с прискорбием констатировали, что среди революционеров очень много молодых людей¹¹. Для авторов и редакции ТЕВ не осталось незамеченным участие женщин в революционном движении¹². В целом, говоря о революционной молодежи, православные священнослужители представляли её инфантильной, оторванной от реальной жизни и простого народа¹³. На страницах ТЕВ присутствуют упоминания о работе революционеров среди трудящихся масс. По мнению некоторых публицистов, в пролетарской среде сложились наиболее благоприятные условия для ведения антиправительственной пропаганды. Верно понимая, что рабочие могут впоследствии стать опорой революционеров, авторы тем не менее склонны объяснять «перспективность» этой социальной группы с морализаторских позиций: «Фабричная и заводская жизнь и без того представляет весьма много пищи общественной распущенности и безнравственности»¹⁴. Православные проповедники, будучи в большинстве настоятелями сельских приходов, хорошо осознавали опасность вовлечения крестьян в революционную деятельность и выделяли наиболее вероятных возмутителей спокойствия, а именно – малоземельных общинников¹⁵. Кроме того, редакция ТЕВ информировала читателей об успехах революционной пропаганды. Так, в № 17 за 1879 г. присутствует сообщение о пресечённой в 1877 г. попытке крестьянского восстания в Чигиринском уезде Киевской губернии. Помимо краткого описания обстоятельств «Чигиринского дела» автор предложил неутешительное заключение: «Проповедь так называемых „социал-демократов“ имела достаточное число слушателей, и что сии слушатели не всегда равнодушно относились к словам обольстителей»¹⁶.

Достаточно точно определяя социальную базу революционеров, православные священнослужители стремились выявить их идеологические позиции. На страницах ТЕВ достаточно часто упоминается о популярных в России «лжеучениях» Запада и Европы. Особо выделяется социализм, значительно реже фигурируют коммунизм, анархизм, нигилизм. Тем не менее авторы не придавали им значения ведущей идеологии революционного движения. «Коммунизм» и «анархия» понимались ими как образ будущего, ко-

¹¹ Поучение в день, когда в первый раз читались особо-составленные Св. Синодом два прошения и молитва о потреблении неистовых крамол // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 12. С. 286.

¹² Поучение в день Рождества Пресв. Богородицы // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 19. С. 456.

¹³ Библиографическая заметка // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 14. С. 322.

¹⁴ О проповедовании слова Божия пастырями церкви своим прихожанам // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 13. С. 325.

¹⁵ Поучение к простому народу (в день Казанской Божией Матери) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 14. С. 312.

¹⁶ Кедров К. Зарождение и рост нигилизма (из поучения в день св. пророка Илии) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 17. С. 414.

торый готовили социалисты для России¹⁷. Под «нигилизмом» подразумевали мировоззрение подпольщиков и «прогрессивных» молодых людей в целом, отрицавших существовавшие порядки в стране и обществе¹⁸. При этом теоретическая сторона социализма практически не раскрывалась, лишь отдельные авторы проводили связь между социалистическим учением и материализмом. По мнению православных священнослужителей, в основе материалистической картины мира лежало отрицание всего духовного, идеального¹⁹. С точки зрения верующего человека, таковым являлось всё, созданное по воле Бога: религия, церковь, нормы морали, закон и власть монарха. Так, автор одного из поучений, находясь под впечатлением от судебного процесса над В.И. Засулич, обличал «безумные попытки разрушить всякий порядок церковный, гражданский, семейный»²⁰. Ему вторил протоиерей И.Л. Янышев, ректор Санкт-Петербургской духовной академии. В его «Слове» содержалось предупреждение о намерении революционеров уничтожить проявления «истинно-человеческого существования на земле»: собственность, семейный союз, общественный порядок²¹. Подобный взгляд был присущ и светским властям. В сообщении, опубликованном после убийства генерала Мезенцова, правительство пообещало, что «отныне с неуклонной твердостью и строгостью будет преследовать тех, кто окажутся виновными или прикованными к злоумышлению против существующего государственного устройства, против основных начал общественного и семейного быта и против освященных законом прав собственности»²². В указе, опубликованном после покушения на Александра II 14 апреля 1879 г., сообщалось о «возмутительных учениях, клонящихся к ниспровержению догматов религии»²³. Опираясь на распоряжение властей и собственные представления о материализме, церковные авторы сформулировали единую схему, которая лежала в основе их интерпретации социалистического учения. Согласно ей, социализм – «лжеучение», сторонники которого ставили целью уничтожить фундаментальные общественные институты: светскую власть, церковь, частную собственность, семейные ценности.

Наряду с этим в публикациях ТЕВ прослеживается тенденция дегуманизации оппонентов посредством использования в отношении революционеров «сильных» терминов с негативной коннотацией. В отдельных случаях церковные авторы ставят под сомнение «нормальность» революционеров. Так, преподаватель семинарии иеромонах Гавриил напрямую

¹⁷ Поучение в день, когда в первый раз читались особо-составленные Св. Синодом два прощения и молитва о потреблении неистовых крамол // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 12. С. 283, 289.

¹⁸ Слово в день Преображения Господня // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 16. С. 272.

¹⁹ Наши юноши // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 19. С. 426.

²⁰ Поучение в день празднования чудотворной иконы Божией Матери Владимирской // ТЕВ. Неофициальная часть. 1878. № 14. С. 312.

²¹ Слово протоиерея Янышева // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 12. С. 271–272.

²² Правительственное сообщение // ТЕВ. Официальная часть. 1878. № 18. С. 201.

²³ Указ правительству сенату // ТЕВ. Официальная часть. 1879. № 9. С. 146.

указал на наличие у них психических расстройств²⁴. Иные отказывались верить, что подданные русского царя в здравом уме могут встать на путь терроризма, и выражали надежду на их вразумление: «Пусть это – единичные проявления злой воли только нескольких безумцев (и дай Бог, чтобы они были таковыми!)… да просветит, наконец, благодатным светом своим и тех несчастных безумцев, которым самомнение и другие страсти омрачили головы»²⁵. Большинство же православных священнослужителей не сомневались во вменяемости революционеров. Для них члены тайных обществ являлись «врагами»²⁶, «злодеями»²⁷, «сынами беззакония»²⁸, которые совершали «кровавые» и «ужасные»²⁹ преступления. Позицию православного духовенства, в том числе Тверской епархии, выразил священник из Малой Вишеры Константин Кедров в своем поучении: «это (социал-демократы. – С.Т.) – смертельные враги церкви и отечества, для которых не существует никакой народной святыни, знамя которых: топор, меч и петля, а образ деятельности: беспощадная война против общества, война воровством, грабежом, убийством»³⁰.

Следует учитывать, что на восприятие авторами ТЕВ деяний революционеров значительное влияние оказывали присущие им мировоззрение верующего человека и духовный сан. Любой акт антиправительственной деятельности церковные публицисты признавали одновременно и государственным преступлением, и тяжким грехом. Это объясняет обращение проповедников к религиозным и даже библейским мотивам в выстраивании образа врага.

Опираясь на евангельский принцип «Кесарю кесарево, Божие Богу» (Матф. 22: 21), православные проповедники подчеркивали, что подданный русского императора должен признать его помазанником Божиим и испытывать по отношению к нему верноподданнические чувства. Такой человек «никогда не дерзнет посягнуть на Него (царя. – С.Т.) не только делом, но даже мыслию, даже в намерении»³¹. Церковные публицисты видели в лю-

²⁴ Гавриил, иеромонах. Слово на день Рождества Христова // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 2. С. 27.

²⁵ Слово на день священного коронования благочестивейшего государя императора, Александра Николаевича. С. 384–385.

²⁶ Поучение в день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Александра Николаевича // ТЕВ. Неофициальная часть. 1878. № 5. С. 117.

²⁷ Первухин Г. Слово на 19-е февраля 1880-го года // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 8. С. 131.

²⁸ Определение святейшего синода от 8 мая 1881 г. за № 9 о возношении прилагаемых при сем прошений и молитв во всех церквях во время божественной литургии // ТЕВ. Официальная часть. 1881. № 11. С. 120.

²⁹ Правительственное сообщение. С. 201.

³⁰ Кедров К. Зарождение и рост нигилизма (из поучения в день св. пророка Илии) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 17. С. 410.

³¹ Макарий (Булгаков), митрополит. Слово в день священного венчания и миропомазания благочестивейшего государя императора Александра Николаевича // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 18. С. 438.

бых проявлениях антиправительственной деятельности и покушениях на монарха восстание против установленного Богом порядка, поэтому они подводили своих читателей к мысли, что за спинами революционеров мог стоять только сатана. Ректор Тверской духовной семинарии протоиерей А.В. Соколов связывал возникновение «крамолы» с «древними ухищрениями и давней прелестью древнего человекоубийцы», под которыми он понимал прежде всего вольнодумство, рационализм и отрицание «тайны веры и глубины Божьей»³². Некоторые авторы ТЕВ, потрясенные убийством Александра II, отказывались верить, что это мог совершить человек, даже которого «бес попутал», – они видели в этом действие самого дьявола: «Человек ли это? Нет! Это изверг рода человеческого, достойный общего и вечного проклятия; это, можно сказать, сам дьявол, принявший на себя вид человека»³³.

Ю.А. Сафонова, анализируя тексты церковных публицистов рубежа 1870– 1880-х гг., обращает внимание на зоологические метафоры, которые использовались при описании террористов³⁴. Применение подобного метода прослеживается и на страницах ТЕВ. Стремясь подчеркнуть жестокость революционеров, православные проповедники наделяли оппонентов и их действия «звериными» признаками³⁵. Наряду с терминами «зверь», «звериный» революционеры именовались «змеями», «ядовитыми гадами» и «аспидами»³⁶. Так, священник Успенской церкви села Садыково Тверского уезда Петр Вышеславцев не просто сравнивал тайные организации со «змеиными гнездами», но и подмечал змеиные, «ядовитые» черты в самих революционерах: «Они, быть может, бывают и между нами, но их слова ласковы и приятны, хотя исполнены самого сильного подслащенного яда и тайного зла; их язык, в этом случае, есть смертельное жало, незаметно поражающее наше сердце и наполняющее нас ядовитым злом»³⁷.

Православные публицисты в обличительных текстах стремились убедить верующих в преступности революционеров не только к государственной власти, но и к простому народу. Для убедительности редакция ТЕВ способствовала распространению сомнительных слухов. К примеру, в 1879 г. Россию потрясло известие о пожаре в Оренбурге, в ТЕВ сразу поя-

³² Соколов А.В. Слово в неделю православия // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 5. С. 96.

³³ Поучение при приводе крестьян к присяге (11 марта) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 9. С. 219.

³⁴ Сафонова Ю.А. Пастиры Русской православной церкви о проблеме терроризма... С. 195; Её же. Русское общество в зеркале революционного террора... С. 85.

³⁵ Речь пред панихидою по почившему в бозе государе императоре Александре Николаевиче, сказанная 10-го марта 1881 года // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 7. С. 155.

³⁶ Поучение в день, когда в первый раз читались особо-составленные Св. Синодом два прощения и молитва о потреблении неистовых крамол // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 12. С. 287, 289.

³⁷ Вышеславцев П. Поучение к простому народу, по случаю принесения благодарственного молебства Господу Богу за спасения жизни благочестившего государя 1879-го года ноября 19-го дня // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 1. С. 2.

вилось несколько публикаций, посвященных трагедии, с обвинениями членов тайных обществ в поджоге³⁸.

Формированию антагонизма способствовало признание революционеров чуждым России элементом. Авторы ТЕВ были убеждены, что «проявления социально революционных идей чужды русскому государству и народу, а занесены к нам извне»³⁹. Нередко они прямо называли сторонников социализма «космополитами, ненавистниками родной земли»⁴⁰.

Отдельные проповедники стремились подвести паству к «самостоятельному» выводу. Священник из г. Старицы Николай Троицкий для этого использовал метод отождествления личности монарха с Россией: «Злодеи, видя, что наше русское государство под управлением государя, императора Александра Николаевича более и более растет, ширится и крепнет, позавидовали и задумали погубить нашу русскую землю. Вот они и замыслили: „Убьем русского царя и Русь православная погибнет“»⁴¹. Тем самым враг русского императора воспринимался врагом России. После событий 1 марта 1881 г. Синод от лица РПЦ и даже всей страны в послании «к пастырям и пасомым» отрекся от «крамольников»⁴².

Даже после оглашения официальной позиции РПЦ в ТЕВ продолжали выходить материалы, в которых прослеживалась генетическая связь между революционерами и Россией. Так, протоиерей Иоанн Васильевский (Вознесенский собор г. Тверь) признавал горькие для России и РПЦ факты: «Среди ее (России. – С.Т.) истинных сынов не преумножились ли в новейшие годы сыны непочтительные, непокойные, буйные, хищные, отвергающие и Бога, и всякую власть?... Россия! Бедная и своими же детьми так горько оскорблена!»⁴³. Признавая противников «своими», православные священнослужители пытались понять, почему сыны России и чада Церкви стали вдруг «чужими».

Отвечая на этот вопрос, публицисты выработали концепцию коллективной вины за случившийся в России всплеск революционной активности⁴⁴. Факт существования внутри страны «крамольников» представлялся

³⁸ О проповедовании слова Божия пастырями церкви своим прихожанам. С. 323; Печатение простому народу // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 22. С. 513.

³⁹ Замечательное завещание сельского священника // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 6. С. 103.

⁴⁰ Речь преосвященного Амвросия, епископа Можайского при поминовении генерал-адъютанта Н. В. Мезенцева, в сороковой день его кончины // ТЕВ. Неофициальная часть. 1878. № 20. С. 433.

⁴¹ Троицкий Н. Поучение ученикам и ученицам Старицкого 1 приходского училища 19 февраля 1880 года // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 7. С. 117.

⁴² Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Правительствующего Синода, Преосвященному Савве, архиепископу Тверскому и Кашинскому // ТЕВ. Официальная часть. 1881. № 9. С. 99.

⁴³ Васильевский И. Слово в неделю Вайи // ТЕВ. Неофициальная часть. 1883. № 8. С. 244.

⁴⁴ Сафонова Ю.А. Пастыри Русской православной церкви о проблеме терроризма... С. 196.

как тяжкий грех, который лежит на всех подданных русского царя. Поэтому в представлении священника церкви Успения Пресвятой Богородицы погоста Бежицы Александра Москвина, смерть Александра II – позор для русского народа, ставший карой Божьей⁴⁵.

Церковные публицисты большое внимание уделяли анализу духовного состояния современного им российского общества. Как указывали священнослужители, главным пороком являлся упадок веры, особенно среди молодежи⁴⁶, а также открытое «глумление над верой христианской»⁴⁷. Безверие, критика основ религии и церкви воспринимались как первый шаг к государственной измене⁴⁸. Атмосфера нравственной распущенности, по мнению авторов ТЕВ, также способствовала «рождению» революционеров и цареубийц. Вину за воспитание «крамольников» проповедники возлагали на всё общество в целом и на родителей, которые растили своих детей в духе критицизма и вседозволенности, а также попустительствовали их порокам⁴⁹. Серьёзные опасения у представителей РПЦ вызывало стремление молодых людей к «многознанию». Они были убеждены, что увлечение науками способствовало укреплению материалистических воззрений у юношей и девушек и делало их более восприимчивыми к влиянию «лжеучений»⁵⁰.

Православные священнослужители не могли не замечать прямой связи между реалиями Российской империи, утвердившимися в преобразованный период, и ростом революционной активности на рубеже 1870–1880-х гг. Церковные публицисты с досадой и осуждением сообщали о «пороках», которые поразили некоторых подданных, прежде всего государственных служащих⁵¹. По мнению некоторых священнослужителей, внутреннюю стабильность российского общества подрывал вопрос неравенства. Епископ Дмитровский Амвросий (Ключарев), как и многие проповедники, считал разность имущественных и социальных состояний естественным и, соответственно, вечным явлением человеческой жизни. Тем не менее архиерей справедливо отмечал, что тема неравенства является «исходной точкой всех ложных учений, проповедуемых современными возмутителями обществен-

⁴⁵ Москвин А. Пончение в день в день восшествия на всероссийский престол Александра III-го и блаженной памяти Александра II-го // ТЕВ. Неофициальная часть. 1882. № 12. С. 347.

⁴⁶ Родители и дети // ТЕВ. Неофициальная часть. 1880. № 1. С. 8-9, 14.

⁴⁷ Пончение в день Владимирской Божией Матери // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 14. С. 329.

⁴⁸ Кедров К. Зарождение и рост нигилизма (из пончения в день св. пророка Илии) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 17. С. 413.

⁴⁹ Родители и дети. С. 7, 18; Наши юноши. С. 426–427, 430.

⁵⁰ Амвросий (Ключарев), епископ. Слово в день восшествия на престол благочестившего государя императора Александра Николаевича // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 6. С. 100, 102–105.

⁵¹ Пончение в день празднования чудотворные иконы Божией Матери Владимирской // ТЕВ. Неофициальная часть. 1878. № 14. С. 312.

ногого порядка (социалистами)⁵². Это осознавали и сельские священнослужители, которым приходилось лицом к лицу сталкиваться с пропагандой народников среди крестьян. Именно с влиянием социалистов проповедники связывали распространение в крестьянской среде слухов о грядущем переделе земли⁵³. Наличие на страницах ТЕВ подобных материалов говорит о внимании православных священнослужителей к запросу российского общества на социальную справедливость, хотя об этом они не говорили с церковных кафедр и не писали на страницах периодических изданий.

Череда покушений и судебных процессов над членами подполья заставила представителей РПЦ задуматься о перспективах распространения революционных идей в России. Одни авторы смотрели в будущее с надеждой и воспринимали социализм как болезнь, холеру, которая рано или поздно будет побеждена⁵⁴. Однако большинство не разделяли подобные шапкозакидательские настроения, полагая, что социализм – «это гидра многоголовая, с ней вдруг не справишься»⁵⁵. Говоря о будущем России, наиболее прозорливые проповедники обращали внимание на молодежь. Серьёзные опасения у них вызывало увлечение молодых людей материалистическими идеями: «Материализм... такое направление, которому более всего сочувствует значительная часть нашей молодежи, и день ото дня это направление распространяется все далее и далее, все шире и шире»⁵⁶. Опасения проявлялись в использовании терминов «кусобица» и «смута»⁵⁷. В одном из поучений, опубликованном после смерти Александра II, была поднята тема Смутного времени с указанием, что Россия нашла «опору и счастье в юной отрасли державного царского рода Романовых»⁵⁸. Несмотря на позитивную оценку прошлого, православные священнослужители проводили параллели между кризисом начала XVII в. и современными им событиями.

Таким образом, тверское духовенство сразу же после появления в 1877 г. епархиального периодического издания принимало активное участие в общественном обсуждении революционного движения, пик которого пришёлся на рубеж 1870–1880-х гг. Взгляды публицистов из Тверской

⁵² Слово в день рождения благочестивейшей государыни императрицы Марии Александровны, произнесенное преосвященным Амвросием, епископом Дмитровским, в Московском Богоявленском монастыре, 27-го июля 1879 г. // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 16. С. 374.

⁵³ Поучение к простому народу по поводу ложных толков о переделе земли // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 15. С. 333–337; Поучение к простому народу по поводу ложных толков о переделе земли // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 16. С. 353–360.

⁵⁴ О проповедовании слова Божия пастырями церкви своим прихожанам. С. 325.

⁵⁵ Кедров К. Зарождение и рост нигилизма (из поучения в день св. пророка Илии) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 17. С. 292.

⁵⁶ Родители и дети. С. 547.

⁵⁷ Поучение в день рождения благочестивейшего государя императора Александра Николаевича // ТЕВ. Неофициальная часть. 1879. № 9. С. 202.

⁵⁸ Поучение в день, когда в первый раз читались особо-составленные Св. Синодом два прошения и молитва о потреблении неистовых крамол // ТЕВ. Неофициальная часть. 1881. № 12. С. 292.

епархии в целом вписывались в общий дискурс церковной публицистики. На это указывает обращение редакции ТЕВ к текстам авторов из других епархий. Анализ материалов ТЕВ показал, что православные священнослужители видели в подпольщиках и террористах нечто большее, чем просто угрозу жизни монарха и государственному строю в целом, поэтому в епархии борьба за умы паствы велась в основном путем формирования образа врага. Для этого публицисты использовали механизмы демонизации и дегуманизации оппонента, а также исключения его из социальной нормы через выстраивание оппозиции «мы/они». Авторы ТЕВ представляли социализм с эсхатологических позиций как деструктивную, «сатанинскую» силу. Господствующие верноподданнические нарративы в публичном пространстве, а также влияние профессиональной, паstryрской деятельности не помешали многим проповедникам верно оценить целевую аудиторию социалистов, а также недостатки внутренней политики, ставшие причинами роста протестных настроений. Трезво оценивая состояние российского общества и потенциал революционного движения, православные священнослужители одними из первых осознали неизбежность потрясений, которые ждали Россию в начале XX в.

Список литературы:

1. Иванов А.А. «Первохристианский коммунизм»: русская церковная публицистика второй половины XIX – начала XX вв. о феномене иерусалимской общины // Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 75–89.
2. Иванов А.А. «Правда социализма»: церковная публицистика конца XIX – начала XX века о сильных сторонах социалистического учения // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 386–393.
3. Иванов А.А., Амбарцумов И.В., Костромин К.А., Петров И.В., Чемакин А.А. Церковное осмысление социализма: pro et contra // Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX век / под ред. А.А. Иванова. СПб.: Владимир Даль, 2023. С. 5–63.
4. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., Новый Хронограф, 2002. 272 с.
5. Макаркин А.В. Православие и социализм в начале XX века: борьба, энтузиазм, приспособление, понимание // Тетради по консерватизму. 2022. № 4. С. 13–32.
6. Медзиродски А. «Можно ли христианину быть социалистом?» (Не)примиримость христианства и социализма в революционной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 516–540.
7. Сафонова Ю.А. Паstryры Русской православной церкви о проблеме терроризма. 1879–1881 гг. // Церковь в истории и культуре России. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной памяти преподобного Трифона Вятского (1546–1612 гг.). Киров, 2010. С. 194–197.

8. Сафонова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 гг. М., 2014. – 376 с.

Об авторе:

ТАРАСОВ Сергей Михайлович – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31, каб. 207); e-mail: sezhtarasov@yandex.ru

The revolutionary movement of the 1870s and 1880s as covered by church periodicals (using the Tver Diocesan Gazette as an example)

S.M. Tarasov

Tver State University, Tver, Russia

This article examines the representation of the revolutionary movement in church periodicals, using the Tverskie Eparchialnye Vedomosti as an example. An analysis of issues from 1877 to 1884 reveals that Orthodox clergy were among the first to recognize leftist radicalism as a threat to both the state system and the generally accepted way of life in Russian society. The contribution of individual authors and the editorial board of the diocesan publication to the formation of a negative image of the "internal enemy" is noted. A conclusion is drawn about the depth of the clergy's understanding of the phenomenon of the revolutionary movement. It was established that church journalists accurately defined the social base of the revolutionaries, formulated a framework for understanding their ideology (socialism), and explained the causes of protest sentiments based on the realities of post-reform Russia.

Keywords: *Tver Diocesan Gazette, Orthodox clergy, revolutionary movement, socialism, political terror, image of the enemy.*

About the author:

TARASOV Sergey Mikhailovich – postgraduate student, Department of National History, Tver State University (170100, Russia, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207); e-mail: sezhtarasov@yandex.ru

References:

- Ivanov A.A. «*Early Christian Communism*»: *Russian Church Journalism of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries on the Phenomenon of the Jerusalem Community* // Notebooks on Conservatism. 2022. No. 4. P. 75–89.
Ivanov A.A. «*The Truth of Socialism*»: *Church Journalism of the Late 19th – Early 20th Centuries on the Strengths of Socialist Doctrine* // Christian Reading. 2023. No. 1. P. 386–393.

- Ivanov A.A., Ambartsumov I.V., Kostromin K. A., Petrov I.V., Chemakin A. A. *Church Understanding of Socialism: Pro et Contra // The Orthodox Church and Socialism. Second Half of the 19th – 20th Century* / Ed. by A. A. Ivanov. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2023. P. 5–63.
- Kurbenkov V.A., Kulazhnikov V.V. *Christianity and Socialism in the Late 19th and Early 20th Centuries in the Context of Critique of Socialist Ideology // Science and Modernity*. 2014. No. 1. P. 52–59.
- Leontyeva T.G. *Faith and Progress: The Orthodox Rural Clergy of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries*. Moscow, 2002. 272 p.
- Makarkin A.V. *Orthodoxy and Socialism at the Beginning of the 20th Century: Struggle, Enthusiasm, Adaptation, Understanding // Notebooks on Conservatism*. 2022. No. 4. P. 13–32.
- Medzibrodski A. «*Can a Christian Be a Socialist?*» (In)reconcilability of Christianity and Socialism in Revolutionary Russia // State, Religion, Church in Russia and Abroad. 2019. No. 1–2. P. 516–540.
- Safronova Yu.A. *Pastors of the Russian Orthodox Church on the Problem of Terrorism. 1879–1881 // Church in the History and Culture of Russia*. Collection of materials from the international scientific conference dedicated to the memory of St. Tryphon of Vyatka (1546–1612). Kirov, 2010. P. 194–197.
- Safronova Yu.A. *Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror. 1879–1881*. Moscow, 2014. 376 p..

Статья поступила в редакцию 15.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47)“14”

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.189–200

(о возможной причине происхождения одной хронологической ошибки в отечественных летописях XV века)

С.В. Богданов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Автор обращается к малоизученному сюжету в истории отечественного летописания – датированному сообщению о приезде в Москву митрополита Фотия. Отмечается, что в некоторых отечественных летописях, опирающихся на гипотетический свод конца XIV – начала XV в., указывается на приезд Фотия в Москву в Пасхальное воскресенье 6919(1411) г., но не приводится календарная дата. Автор указывает на то, что календарная дата приезда Фотия в Москву (22 апреля 1410 г.), отражённая в ряде летописей XV в., общим источником которых можно считать ростовский владычный летописный свод начала XV в., не соответствует действительности. Правильная календарная дата отражена в летописи XVII в. – «Тверском сборнике» (23 марта 1410 г.). Автор предлагает объяснение ошибки летописей XV в.: книжники для расчёта даты Пасхи использовали рядовые пасхалии, использование которых приводило к расчёту даты Пасхи не на текущий, а на следующий календарный год.

Ключевые слова: русские летописи, XV век, Пасха, рядовые пасхалии, митрополит Фотий.

Митрополит Фотий скончался в Москве 1 июля 6939 (1431) г., как сообщается в Софийской первой летописи младшего извода (далее – С1мл): «Преставися преосвященный митрополит Киевский и всея Руси Фотий месяца июля в 1 день, и положен бысть в градѣ Москвѣ в церкви Успения святыя Богородицы»¹. Другая точная дата смерти Фотия приводится в Никаноровской летописи: «Того же лета, июля в 2, преставися Фотії митрополит всея Руси и положен бысть во церкви пречистыя Богородица на Москвѣ на десной странѣ, идѣ же бѣ гроб Киприяна митрополита»². Фотий был русским митрополитом 21 год (1410–1431).

В Софийской первой летописи старшего извода (далее – С1ст) в статье 6918 г., сообщающей о приезде Фотия в Москву, указано число лет, ко-

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1851. Т. 5. С. 264.

² Там же. М., 2007. Т. 27. С. 102; М., 2000.

торые он провёл на митрополичьем престоле: «Прииде изъ Ц(а)ряграда на Москву родомъ гречинъ, поставленъ патриархомъ Матфѣемъ при ц(а)рѣ Мануилѣ митрополитъ Фотіи, и велики же кн(я)зы Василии Дмитриевич приять его въ великую любовь, быв же жития его въ с(в)ятительствѣ лѣтъ 22 лѣтъ»³. Этого расчёта нет въ статье 6918 г. Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1) – источнике протографа летописей «Новгородско-Софийского круга» (так мы обозначаемъ летописи, общимъ протографомъ которыхъ былъ такъ называемый «Новгородско-Софийский сводъ»), и летописяхъ этого «круга», С1ст, Новгородской четвёртой (далее – Н4) и Новгородской Карамзинской (далее – НК), а также въ С1мл. Текст въ этой погодной статье въ летописяхъ «Новгородско-Софийского круга» одинаковый и въ сравнении съ Н1 более лаконичный: «Приеха изъ Царяграда Фотіи митрополитъ въ Роусь, родомъ Гречинъ (этого указания нет въ Н1. – С. Б.), поставленъ патриархомъ Матфѣемъ при цари (цесарѣ въ Н1. – С. Б.) Мануилѣ»⁴.

Въ Н1 и въ перечисленныхъ летописяхъ «Новгородско-Софийского круга» сообщение о приезде митрополита Фотия не содержитъ точной даты. Её мы узнаёмъ изъ другихъ летописей, которые представляютъ исследователямъ два варианта записи об этомъ событии: 1) съ указаниемъ на приездъ митрополита Фотия въ Москву «на Великий день» (въ Пасхальное воскресенье) и 2) съ указаниемъ на приездъ митрополита Фотия въ Москву (сначала въ Киевъ, а потомъ въ Москву) въ «Великий день» и съ календарной датой.

Первый вариант читаемъ въ Симеоновской летописи (далее – Сим.), Рогожскомъ летописце (далее – Рог.), въ западнорусскихъ летописяхъ – литовской (Супрасльский списокъ, далее – Супр.⁵) и белорусской (въ Никифоровскомъ списке Белорусской первой, далее – Б1⁶). При этомъ записи значительно отличаются, во-первыхъ, текстуально:

Рог., Сим. (6919)

Супр., Б1 (6918)

Того же лѣта выиде на Русь изо Царяграда митрополитъ Фотіи, на Великъ день, пріяша его въ любовь вси князи Роусстіи, и взрадовашася и возвеселиша вся земля»

Супр.: «прииде изъ Царяграда Фотеи митрополитъ, поставленъ на всю Роускую землю, родомъ Гречинъ, поставленъ патриархомъ Матфеемъ при цари Мануиле и прииде на Москву при великому кн(я)зу Василии Дмитриевичъ на Великъ д(е)нь».

Б1: «Прииде изъ Царяграда Фотеи митрополитъ, поставленъ на Киевъ и на всю Русскую землю, родомъ грѣчинъ. Поставленъ патриархомъ Матфеемъ при цари Мануилѣ, и прииде на Москву при великому князи Василии Дмитреевичи на Великъ д(е)нь»⁷

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Стб. 532. Текстуально такъ же въ Вологодско-Пермской и Никаноровской летописяхъ (ПСРЛ. М., 2006. Т. 26. С. 178; Т. 27. С. 97).

⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 401; М., 2000. Т. 4. С. 409; СПб., 2002. Т. 42. С. 94.

⁵ ПСРЛ. М., 2008. Т. 17. Стб. 53–54; М., 1980. Т. 35. С. 54.

⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 32.

⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 32.

и, во-вторых, хронологически: в Рог. и Сим. приезд Фотия обозначен под 6919-й (1411) г.⁸, в Супр. и Б1 – 6918-й г. Можно заметить, что в Супр. и в Б1 сообщение о приезде митрополита Фотия в целом идентично летописям «Новгородско-Софийского круга» (С1, Н4 и НК1) до слов «прииде на Москву» (присутствуют характерные словосочетания «родом Гречин», «поставлен патриархом Матфеем при цари Мануиле»):

Н1мл, Н4, НК1, С1

Б1

Н1мл: Приеха изъ Царяграда Фотіи митрополить в Роусь, поставленъ патріархомъ Матф'ємъ при цесар'ѣ в Маноуил'ѣ

Прииде из Царяграда Фотеи митрополить, поставленъ на Киев и на всю Русскую землю, родомъ гръчин. Поставленъ патриархомъ Матфеем при цари Мануил'е, и прииде на Москву при великом князи Василии Дмитриевичи на Великъ д(е)нь

Н4, НК1: Приеха изъ Царяграда Фотіи митрополить в Роусь, родомъ Гречинъ, поставленъ патріархомъ Матф'ємъ при цари Мануил'ѣ

С1ст: Прииде изъ Ц(а)ряграда на Москву родомъ гречинъ, поставленъ патриархом Матф'ємъ при ц(а)р'ѣ Мануил'ѣ митрополить Фот'ї, и велики же кн(я)зы Василие Дмитриевич приять его в великую любовь, быв же жития его в с(в)ятительств'ѣ лѣтъ 22 лѣтъ

С1мл: Прииде изъ Царяграда Фотии митрополть, поставленъ патриархомъ Матфеемъ при цари Мануили, прииде на Москву при великому князи Василье Дмитриевичи всеа Роуси⁹

Очевидную текстуальную близость Супр. и Б1 к С1, Н4 и НК в сообщении о приезде Фотия можно воспринимать как свидетельство о том, что источником этого сообщения в западнорусских летописях был в том числе «Новгородско-Софийский свод». Вместе с тем возникает закономерный вопрос: было ли оно дополнено указанием на дату приезда конкретно в Супр. и Б1? Это возможно, поскольку в Б1, как показывает М.А. Шибаев, отражаются «краткие путевые заметки», сделанные кем-то из окружения митрополита Фотия¹⁰. Информацию, представленную в комплексе этих записей (их в Б1 насчитывается 12, они относятся к периоду от 6918 до 6935 г.¹¹), не знают центральнорусские источники; это обстоятельство наталкивает на мысль том, что уточнение о дате приезда Фотия – это черта протографа Б1 и Супр.

Второй вариант записи о приезде митрополита Фотия выделяем в статье под 6918 г. в:

Московско-Академической летописи по Сузdalскому списку (далее – МАк): «В лето [6918] индикта [3] выиде пресщенный митрополить

⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 186; М., 2007. Т. 18. С. 159.

⁹ ПСРЛ. Т. 39. С. 140.

¹⁰ Шибаев М.А. Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 2(49). С. 91–93.

¹¹ Там же. С. 91–92.

Фот^{ки}, Киевский и все^л Риси изъ Цр^лграда на Кыевъ и приде на Москву въ Великъ днь априла кв[22]»¹²;

Ермолинской летописи (далее – Ерм.): «Приде из Царягорода Фот^{ки} митрополитъ на Москву, поставленъ патреярхомъ Матф^еемъ, при царѣ Мануиле; приде же на Великъ день априля 22, и приять его князь великии Василии с честью»¹³;

Московском летописном своде конца XV века (далее – МС): «Приде изо Царягорода на Москву митрополить Фотеи априля 22 на великъ день, поставленъ патриархом Матф^еемъ при царѣ Мануиле, бѣ же родом Гречинъ»¹⁴;

и в Летописном своде 1497 г.¹⁵

Сообщение этих летописей о приезде Фотия в Москву содержит календарную дату – 22-е апреля 1410 г.¹⁶, при этом только в МАк указано, что 1410 г. приходился на г (3-й) индикт (действительно, 3-й индикт соответствовал сентябрьскому 6918-му г.¹⁷). Отметим, что во «Владимирском летописце» (летопись XVI в.) указана иная дата – 29 апреля: «Прииде изо Царягорода Фотии митрополить на Москву на Русскую митрополию, и князь великии Василии Дмитри^евичъ прият его с честью, а поставлен бысть патриархом Матфием при цари Мануилѣ, а приде на Великъ день априля 29 день»¹⁸.

Текст погодной статьи 6918-го г., близкий в текстологическом отношении ко второму варианту, но не идентичный ему, находим в «Предисловии Летописца княжения Тферского благоверных великихъ князей тферскихъ», содержащемся в составе Тверского сборника (далее – Тв; рукопись XVII в.). Здесь указана другая дата приезда митрополита Фотия и празднования Пасхи – 23 марта, и кроме этого из этого сообщения узнаём об иной географии поездки Фотия: «Прииде изъ Царяграда на Русь пресвященный Фот^{ки} митрополить, на свою митрополию въ Киевъ; и потомъ на Москву, месяца марта 23 день, на Великъ день, и прывую службу служилъ на Москвѣ въ святѣй Богородици въ Великъ день»¹⁹. Указание Тв на то, что сначала Фотий приехал в Киев, читаем и в МАк; похожее указание содержится в цитированной выше в Б1 («прииде на Москву... поставленъ на Киев и на всю Русскую землю»). Возможно, оно отражает разделение митрополии, которое отразилось на титуле митрополита: при изучении «Повести

¹² ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Вып. 3. Стб. 539.

¹³ ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 143.

¹⁴ ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 240.

¹⁵ ПСРЛ. М., 1963. Т. 28. С. 92.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 539.

¹⁷ См.: Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 35.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 30. С. 130–131.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485.

о Михаиле Тверском» В.А. Кучкин отметил, что титул «митрополит Киевский и всея Руси» использовался с 1391 по 1448 г.²⁰

Итак, мы имеем общее указание на «Великий день» и три календарных даты: 22 апреля, 29 апреля и 23 марта:

1411 г., «на Великъ день»	1410 г., 22 апреля	1410 г., 29 апреля	1410 г., 23 марта
Рог., Сим., Б1, Супр.	МАк, Ерм, МС, Свод 1497 г.	Вл.	Тв

Между тем можем констатировать, что дата приезда митрополита Фотия в Москву, указанная в МАк. и в других летописях в этой группе, не соответствует действительности, поскольку в 6918-м (и сентябрьском и мартовском 1410 г.) Пасха праздновалась 23-го марта²¹, как правильно указано в Тв. В ближайшие к 1410 г. – в предшествующие и последующие годы – годы Пасха не праздновалась 22 апреля: в 1408 г. Пасха праздновалась 15 апреля, в 1409 г. – 7 апреля, 1411 г. – 12 апреля, 1412 г. – 3 апреля. И только в 6921 (1413/1414) г. Пасха праздновалась 22-го апреля.

Единственная рукопись МАк датируется концом XV – началом XVI в. Она, по мнению Б.М. Клосса, представляет собой оригинал летописного свода²². Как показал ещё А.А. Шахматов, третья часть МАк (1237–1419 г.) – это фрагмент сокращённого ростовского владычного (архиепископского) свода²³. Это мнение с некоторыми уточнениями принимают исследователи²⁴. Протограф третьей части МАк отразился в общем протографе Н4 и С1ст, а также в общем протографе Ерм, Сокращённого свода конца XV в. и Тв²⁵, по всей видимости, именно из него и происходит календарная дата приезда митрополита Фотия. Влияние «Новгородско-Софийского свода» (и восходящих к нему летописей) на формирование «истории о приезде Фотия» в летописях второй половины XV в. придётся исключить по той причине, что в летописях «Новгородско-Софийского круга» не отражены ни привязка к «Великому дню», ни календарная дата приезда митрополита Фотия.

Впрочем, календарная дата могла и не содержаться в тексте ростовского владычного свода (указание на «Великий день» в других летописях, при этом более ранних, чем МАк, и отразивших свод конца XIV – начала XV в., не сопровождается календарной датой). Может иметь значение, что,

²⁰ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 81.

²¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 55, 57.

²² Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1997 г. // ПСРЛ. Т. 1. С. І–К.

²³ Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938. С. 222–230.

²⁴ См.: Лурье Я.С. Летопись Ермолинская // Словарь книжников и книжности древней Руси / отв. ред. Д.С.Лихачев. Л. 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я; Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199; Клосс Б.М. Указ. соч. С. К–Л.

²⁵ Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей... С. 199.

как заключил А.Н. Насонов, общий протограф Ерм и МС – это свод, составленный не ранее 60-х гг. XV в.²⁶ А.Н. Насонов определял его как «свод Феодосия–Филиппа», составленный между 1464–1472 гг. Его составитель взял за основу «свод 1448 г.» и значительно пополнил его по общерусскому своду конца XIV–начала XV в. (источнику Рог. и Сим.), по южнорусскому своду типа Ипатьевской летописи и владимирскому своду первых десятилетий XIII в. Время составления этой компиляции А.Н. Насонов определил до конца 70-х гг. XV в., когда она была использована МС (сводом 1479 г.).²⁷

Предложим ответ на вопрос: откуда же (или как?) в МАк (или протографе этой летописи, или, возможно, в протографе Ерм.) появилась эта дата? Обратим внимание на то, что в 1411-м г. Пасха праздновалась 12 апреля. Предположим, что число «22» в в рукописях конца XV в. появилось вследствие неправильно прочитанной писцом кириллической записи. Стандартная кириллическая запись числа «22» – **кв** (в МАк читается именно она). Запись ближайшего палеографически к этой дате числа – «12» – **ві**. Выскажем предположение, что в протографе МАк было указано «апреля 12», но при последующей переписке, может быть по причине ветхости рукописи, эта дата была прочитана неверно и превратилась в «22» апреля (равным образом можно допустить, что и составитель Владимирского летописца, где мы читаем «29 апреля», не смог различить **ф** от **в** или **г**).

При такой гипотезе уместным будет предположение о том, что календарная дата Пасхи была рассчитана не для 1410-го (6918), а для 1411-го (6919) г. (и сентябрьского, и мартаового года). Можно было бы полагать, что составитель записи ориентировался на свод конца XIV – начала XV в. (понятно, что «свод» – это гипотетическая конструкция; видимо, нужно говорить о «сохранившихся материалах»), в котором, судя по хронологии Рог и Сим, приезд Фотия датирован 6919-м (1411) г. Но эта датировка неверная: Фотий приехал в Москву именно в 1410-м г. – 29-м августа 1410 г. датирована грамота Фотия, адресованная им в Новгород²⁸ (третий индикт, обозначенный в грамоте, соответствует 6918-му сентябрьскому году). Ошибка, по всей видимости, возникла из-за использования в этой статье Рог ультрамартовской датировки, что, по мнению Н.Г. Бережкова, характерно для владимирского и тверского летописания²⁹. Кроме того, во всех летописях этой группы приезд Фотия отнесен к 6918-му г., для которого книжники и могли (или должны были) делать расчёт календарной даты.

²⁶ Насонов А.Н. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 218–222; Его же. История русского летописания XI – нач. XVIII в. М., 1969. С. 260–274.

²⁷ Насонов А.Н. История русского летописания... С. 271–274.

²⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. Стб. 269–276.

²⁹ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 37.

Обратим внимание на то, что анализируемая дата имеет двойной характер: в ней содержится указание и на церковный праздник («на Великъ день») и на день месяца («22 апреля», «23 марта», «29 апреля» или, наконец, «на апрель»). Такой принцип датировки проведён достаточно последовательно в новгородском летописании – такими датам изобилует Н1. А вот в тексте МАк за XIV в. имеется их ничтожное количество³⁰: в подавляющем числе случаев точные даты имеют указание лишь на число и месяц, и всего лишь в трёх случаях при датировке указан только церковный праздник³¹. Между тем в большом количестве двойных дат практически не встречается датировка, приуроченная к переходящему христианскому празднику – Пасхе (Великому дню): во всём тексте С1, Н4 и НК имеется только один такой случай (6724 г.), в Н1 таких примеров нет, тексты иных летописей до середины XV в., в их числе МАк, содержат два таких примера (6724 и 6918 гг.).

Точная датировка по переходящему празднику, в отличие от датировки по дням поминования святых, требовала от летописца расчётов: имея в своём распоряжении рядовые пасхалии, он специально вычислял день празднования Пасхи, когда в погодной статье при датировке события был указан Великий день. В нашем случае очевидно, что при расчётах была допущена ошибка – день Пасхи был определён для 6919 (1411) г. Как это могло произойти?

Для ответа на этот вопрос попытаемся установить, единственный ли это случай подобного рода в исследуемых текстах? Оказывается, что нет.

В тексте статьи 6724 (1216/2017) г. в МАк и в «новгородско-софийских летописях» (С1, Н4 и НК) указано, что встреча князя Мстислава Мстиславича и Константина Всеяводича на р. Саре произошла 9 апреля на «Великъ день»³². Однако в 1216 г. Пасха приходилась на 10 апреля, а 9 апреля Пасха праздновалась в 6714-м (1206) и в следующем 6725-м (1217) г. Казалось бы, что точная дата Пасхи 6724-го г. могла содержаться уже в новгородской владычной летописи, откуда она вместе со всем текстом «Повести о битве на реке Липице» была заимствована в протограф С1ст. Но чтение статьи 6724 г. в Н1 (и старшего, и младшего изводов) эту мысль заставляет отвести: здесь читаем, что встреча Мстислава Мстиславича и Константина Всеяводича на реке Саре состоялась «въ великую субботу, мѣсяця априля въ 9»³³. Эта дата является верной (в этом году Пасха праздновалась 10 апреля), а составитель летописей «новгородско-софийского круга» ошибся.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 535 (1373 г., 15 августа, уточнение – «на праздник Успения пресвятой Богородицы»), 537 (1385 г., 25 марта, уточнение – «на Благовещение пресвятой Богородицы»).

³¹ Там же. Стб. 535 (1375 г., «к Семёнову дню»), 536 (1381 г., «на праздник Воскресения Господня») и 538 (1408 г., «от Рождества пресвятой Богородицы до Петрова дня»).

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 493; Т. 4. С. 188; Т. 6. Стб. 265.

³³ ПСРЛ. Т. 3. С. 55, 255.

В этой же статье С1 присутствует ещё одна дата: «Побѣжени же бывшее полки силнии суздальские мсца апрѣля 22, в чет(верг) в 2 нед(елю) по Пасцѣ»³⁴. Но если бы эта дата была верна, то Пасху в 6724 г. праздновали бы 11 апреля! Невероятность сведений, сообщаемых С1ст, проявляется при обращении к тексту статьи 6724 г. в Н1 (и старшего, и младшего изводов). Здесь сказано, что отряды Юрия и Ярослава Всеволодовичей потерпели поражение «мѣсяця априля въ 21, на святого Тимофея и Федора и Александры цесарица»³⁵. А.А. Кузнецов в данной связи сделал важное наблюдение о том, что в Тв., в отличие от Н1, представлено правильное указание на день памяти святых: на 21 апреля приходился день памяти святого мученика Ианнуария³⁶. По наблюдению исследователя, в Н1 под 21 апреля объединены имена трёх святых, память которых отмечалась в разные дни – 21 (мученицы царицы Александры и мученика Фёдора) и 22 апреля (преподобного Тимофея в Символех)³⁷; изменение же в Тв. имён святых, а также добавление известия о праздновании князьями Пасхи 10 апреля – всё это является следствием «обратного исчисления», то есть вычислением даты, сделанным при составлении непосредственно Тв. («за счѣт хронологической работы составителей Тв»)³⁸ (Исследователь, как он сам указывает, «взял на вооружение» гипотезу Ф.Б. Успенского и А.Ф. Литвиной об особенностях расчёта дат рождения политических деятелей по месяцеслову, то есть по антропонимическому принципу³⁹).

В Н4 и НК читается та же дата, что и в Н1 – 21 апреля, и далее сказано, как в С1, что это был «четвергъ 2 недѣли по Пасцѣ»⁴⁰, поэтому надо думать, что этот текст принадлежит «Новгородско-Софийскому своду» (отметим, что и в Тв. читается, что битва произошла в четверг второй недели по Пасхе; это добавление к дате битвы, читающейся в Н1, А.А. Кузнецов признаёт расширением первоначального текста о событиях на р. Липице, которое было произведено при составлении протографа С1, Н4 и НК). В Н4 и НК представлена верная дата, следовательно, она является протографичной.

Итак, в С1ст содержится явная ошибка: 22 апреля 1216 г. приходилось на пятницу (если бы справедливо было, что, согласно, С1ст Пасха была 9 апреля, то 22 апреля должно было приходиться на субботу). Присутствие дополнения о «второй неделе по Пасхе», заменившей указание на день

³⁴ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 270.

³⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 56.

³⁶ Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века: Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006. С. 286, 289.

³⁷ Там же. С. 286.

³⁸ Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 286.

³⁹ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Пути усвоения христианских имён в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира: история и современность, 2002. М., 2002. С. 92–93.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 4. С. 193; Т. 42. С. 110.

памяти Тимофея и других святых, заставляет думать, что составитель протографа Н4, НК и С1 произвёл расчёт от даты Великого дня, которая была указана в используемом им источнике, и установил, что 21 апреля должно было приходиться на вторую неделю после Пасхи. В этой связи укажем на ещё одно важное наблюдение А.А. Кузнецова: общим для С1, Н4, НК и летописей, испытавших влияние их общего протографа (МС, Воскр. и Ерм.) в изученных исследователем отрывках является выделение дат, связанных с Пасхой и Преполовлением⁴¹. (Со своей стороны мы это утверждение разделяем. В тексте С1 есть, по крайне мере, ещё одно свидетельство использования датировки по Пасхе, ср. «марта в 4, в четверг 4 недели поста»⁴².) А.А. Кузнецов на этом основании высказал убеждение в том, что при календарном оформлении текста «Повести о битве на реке Липице» в протографе С1, Н4 и НК была произведена процедура обратного исчисления на основе совмещения её с пасхально-троицким циклом, который стал использоваться в начале XV в.⁴³ Составитель протографа С1, Н4 и НК, несомненно, должен был иметь чёткое представление об этом цикле.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что летописцы XV в. (при этом летописцы разных канцелярий – новгородской, ростовской, и, возможно, московской велиокняжеской), работавшие над переписыванием текстов конца XIV – начала XV в., производили «обратные» расчёты при определении календарных дат, приходящихся на переходящие праздники «пасхально-троицкого цикла». Как показывают рассматриваемые примеры, при такой работе была допущена однообразная ошибка: расчёт календарной даты Великого дня производился не для текущего, а для следующего календарного года.

В связи с изложенным выше приведём один любопытный факт. На Палее 1445 г., содержащейся в составе рукописного сборника ГБЛ (собр. Тр.-Серг. Лавры, № 180), сохранился автограф Пахомия Логофета (он был в Новгороде в конце 1430-х гг. в канцелярии новгородского архиепископа Евфимия II⁴⁴): «В лето 6953, круг луны 17»⁴⁵. Этот автограф ясно свидетельствует о том, что в распоряжении у Пахомия были таблицы, по которым рассчитывалась дни Пасхи (календарную дату Пасхи невозможно определить без круга луны и вруцелета). Однако Пахомий допустил ошибку: 17-й круг луны в этом столетии приходился на 6952-й г., на 6953-й г. приходился 18-й круг луны⁴⁶. То есть Пахомий Логофет рассчитал календар-

⁴¹ Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 289.

⁴² ПСРЛ. Т. 6. Стб. 296.

⁴³ Там же. Стб. 289, 296, 298

⁴⁴ Шибаев М.А. Житие Сергия Радонежского и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 53–58; Его же. Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод. С. 93–95.

⁴⁵ См.: Прохоров Г.М. Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. С. 176.

⁴⁶ См.: Черепнин Л.В. Русская хронология. С. 54.

ную дату Пасхи не для текущего, а для следующего календарного года, что в рассматриваемом нами случае является симптоматичным признаком.

Не может ли это всё свидетельствовать о том, что в распоряжении у русских книжников первой четверти или середины XV в. (шире – первой половины столетия) были такие рядовые пасхалии, использование которых приводило к подобным ошибкам в расчётах календарных дней переходящих церковных праздников «пасхально-троицкого цикла»? Был произведён расчёт календарной даты Пасхи, для того чтобы установить точную дату приезда митрополита Фотия, но была допущена ошибка. Она была исправлена, как мы думаем, при составлении в XVII в. на Киевщине «Тверского сборника».

Митрополит Фотий приехал в Москву в пасхальное воскресенье 1410 г., т. е. 23-го марта 1410 г.

Список литературы:

1. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 376 с.
2. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1997 г. // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 1.
3. Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века: Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. 539 с.
4. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М.: «Наука», 1974.
5. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Пути усвоения христианских имён в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира: история и современность, 2002 / отв. ред А.В. Назаренко. М., 2002. С. 36–109.
6. Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 190–205.
7. Лурье Я.С. Летопись Ермолинская // Словарь книжников и книжности древней Руси / отв. ред. Д.С.Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я.
8. Насонов А.Н. История русского летописания XI – нач. XVIII в. Очерки и исследования М.: Наука, 1969. – 555 с.
9. Насонов А.Н. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961.
10. Прохоров Г.М. Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я.
11. Черепнин Л.В. Русская хронология. М.: [б. и.], 1944. – 93, [14] с., [5] л.

12. Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1938. – 374 с.
13. Шибаев М.А. Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 2(48). С. 83–95.
14. Шибаев М.А. Житие Сергия Радонежского и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 53–58.

Об авторе:

БОГДАНОВ Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru, ORCID: orcid.org/0000-0003-1462-5856

About the date of Metropolitan Photius's arrival in Moscow (about the possible reason for the origin of one typical chronological error in Russian chronicles of the 15th century)

S.V. Bogdanov

Tver State University, Tver, Russia

The author turns to a little-studied plot in the history of Russian chronicles – a dated message about the arrival of Metropolitan Photius to Moscow. It is noted that in some domestic chronicles, based on a hypothetical code of the late XIV – early XV centuries, Photius's arrival in Poskva is indicated on Easter Sunday 6919 (1411), but the calendar date is not given. The author points out that the calendar date of Photius's arrival in Moscow (April 22, 1410), reflected in a number of chronicles of the 15th century, the common source of which can be considered the Rostov lord's chronicle of the early 15th century, does not correspond to reality. The correct calendar date is reflected in the chronicle of the 17th century. – “Tverskoy sbornik” (March 23, 1410). The author offers an explanation for the error in the chronicles of the 15th century: the scribes used ordinary Easter eggs to calculate the date of Easter, the use of which led to the calculation of the date of Easter not for the current, but for the next calendar year.

Keywords: *Russian chronicles, 15th century, Easter, ordinary Paschals, Metropolitan Photius.*

About the author:

BOGDANOV Sergei Vladimirovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History, The Tver' State University (170100, Russia, Tver', Trekhsvyatsky str., 16/31, off. 207), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru, ORCID: orcid.org/0000-0003-1462-5856

References:

Berezhkov N.G. *Hronologiya russkogo letopisaniya*. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. – 376 s.

- Kloss B.M. *Predislovie k izdaniyu 1997 g.* // Polnoe sobranie russkih letopisej. M., 2000. T. 1.
- Kuznecov A.A. *Vladimirskij knyaz' Georgij Vsevolodovich v istorii Rusi pervoj treti XIII veka: Osobennosti prelomleniya istochnikov v istoriografii*. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2006. 539 s.
- Kuchkin V.A. *Povesti o Mihaile Tverskom: Istoriko-tekstologicheskoe issledovanie*. M.: «Nauka», 1974.
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. *Puti usvoeniya hristianskih imyon v russkih knyazheskih sem'yah XI – nachala XIII v.* // Religii mira: istoriya i sovremennost', 2002 / otv. red A.V. Nazarenko. M., 2002. S. 36–109.
- Lur'e Ya.S. *Genealogicheskaya skhema letopisej XI—XVI vv., vklyuchennyh v «Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi»* // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. L., 1985. T. 40. S. 190–205.
- Lur'e Ya.S. *Letopis' Ermolinskaya* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnej Rusi / otv. red. D.S.Lihachev. L.: Nauka, 1989. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV – XVI v.). Ch. 2: L–Ya.
- Nasonov A.N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nach. XVIII v. Ocherki i issledovaniya*. M.: Nauka, 1969. – 555 s.
- Nasonov A.N. *Moskovskij svod 1479 g. i Ermolinskaya letopis'* // Voprosy social'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii: Sbornik statej k 70-letiyu A.A. Novosel'skogo. M., 1961.
- Prohorov G.M. *Pahomij Serb (Logofet)* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi /otv. red D.S. Lihachev. L.: Nauka, 1989. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV – XVI v.). Ch. 2: L–YA.
- Cherepnin L.V. *Russkaya hronologiya*. M.: [b. i.], 1944. – 93, [14] s., [5] l.
- Shahmatov A.A. *Obozrenie russkih letopisnyh svodov XIV–XV vv.* M.; L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1938. – 374 s.
- Shibaev M.A. *Vladimirskij Polihron i Novgorodsko-Sofijskij svod* // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2012. № 2(48). S. 83–95.
- Shibaev M.A. *Zhitie Sergiya Radonezhskogo i Novgorodsko-Sofijskij svod* // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2006. № 1(23). S. 53–58.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 78(09)

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.201–205

Рецензия на монографию С.В. Сливко «У высоких берегов Амура: хроника музыкальной жизни Хабаровского края (1941–1945)». – Хабаровск : Хабаровская региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Мир говорящих машин», 2025. – 195 с. : ил.

Ю.Н. Зеленская

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
г. Петрозаводск, Россия

В статье представлена рецензия на монографию С.В. Сливко «У высоких берегов Амура: хроника музыкальной жизни Хабаровского края (1941–1945)». Научное издание является результатом комплексного исследования, методологическую основу которого помимо основных общенакальных методов, принципов историзма и научной объективности составил хронологический метод. Автором упорядочены исторические данные, почерпнутые из широкого корпуса источников, о музыкальной жизни Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хабаровский край, хроника, музыка, Мир говорящих машин.

В самом сердце Дальнего Востока, в городе Хабаровске, с 2018 г. работает частный музей «Мир говорящих машин». Основу его экспозиции составляют говорящие машины и аудионосители, выпущенные с 1880 г. по 1980 г. Музей предлагает посетителям групповые и индивидуальные экскурсии, тематические встречи и мероприятия, семейный подкаст «Шуми, Амур», видеоблог «С музыкой рядом», лекционный курс «Школа музыкальных критиков». Особое внимание заслуживает проект «У высоких берегов Амура. Хроника музыкальной

жизни Хабаровского края (1941–1945)», который реализуется с использованием финансовой поддержки Комитета по внутренней политике Правительства Хабаровского края при софинансировании Фонда президентских грантов. Итогом совместной работы директора музея «Мир говорящих машин» Евгении Сочуновны Веретенниковой и кандидата исторических наук, руководителя Центра изучения событий Второй мировой войны и противодействия фальсификации истории Станислава Ва-

димовича Сливко стало издание однотипной книги.

Монография «У высоких берегов Амура...», выполненная в жанре хроники, представляет собой ценное и, без преувеличения, уникальное исследование, погружающее читателя в атмосферу музыкальной жизни Дальнего Востока в один из самых драматичных периодов отечественной истории. Автор-составитель проделал колossalную работу по сбору и систематизации материала, создав не просто научный труд, а музыкальную летопись, где каждая строка передает дух военной поры.

Выбор жанра хроники для освещения музыкальной жизни периода суровых испытаний оказался чрезвычайно удачным. В отличие от классических научных изданий, особенностью которых является обобщение накопленного опыта, введение в научный оборот новых источников, анализ событий, процессов, явлений прошлого, хроника позволяет максимально точно передать пульс времени, запечатлев его в мельчайших деталях. Автор не дает оценок в привычном понимании, основные акценты расставлены С.В. Сливко во вступительном слове – обращении к читателю. При этом последовательность изложения исторического материала, сочетание текстового, визуального и музыкального наполнения создает мощное эмоциональное воздействие. Наличие интерактивного музыкального приложения, созданного на основе экспонатов музея «Мир говорящих машин», позволяет услышать звуки и голоса эпохи («Священная война», «Мишка», «7

Симфония», «Случайный вальс», «Песня военных корреспондентов» и др.). Куар-коды, размещенные в тексте, переносят читателя на сайт музея к аудиофайлам (с. 4, 6, 11, 32, 34, 38, 48, 50, 58, 75, 76, 81, 90, 92, 108, 118, 135, 156, 182). Музыка, несмотря на все тяготы и лишения войны, оставалась неотъемлемой частью жизни советского общества, источником силы, утешения, надежды, веры в Победу.

Монографию отличает привлечение широкого корпуса исторических источников, как письменных, так визуальных и фонодокументов. С.В. Сливко использовали при подготовке издания делопроизводственную документацию из четырех фондов Государственного архива Хабаровского края, источники личного происхождения, материалы периодической печати, фото и аудиодокументы.

Очевидно, название монографии «У высоких берегов Амура...» дано неслучайно. Хабаровский край в годы Великой Отечественной войны являлся тыловым. С 1941 г. регион поставлял для Красной армии и флота оборонную продукцию, боеприпасы и вооружение. Жители края доблестно защищали Родину на фронтах войны. Находясь в тылу, женщины, дети, пожилые граждане собирали теплые вещи и подарки, средства в Фонд обороны, писали письма со словами поддержки на фронт.

Издание состоит из пяти глав, каждая из которых содержит сведения за один военный год.

В главе «1941 год» удалось показать процесс перестройки работы учреждений культуры на военный

лад, формирования «антифашистского репертуара». В программах выступлений появилась военная тематика, раскрывавшая цели и характер войны. Через обращение к историческим победам в Ледовом побоище (с. 26), Куликовской битве (с. 28), Отечественной войне 1812 г. (с. 13) передавалась уверенность в непобедимости Красной армии. Средства, собранные на концертах и мероприятиях, передавались в Фонд обороны.

Вторая и третья главы, посвященные хронике музыкальной жизни в 1942–1943 гг., раскрывают дальнейшее развитие адаптировавшихся к работе в условиях военного времени культурно-досуговых учреждений, творческих коллективов, солистов, агитбригад. Расширялся спектр выступлений в военных частях, госпиталях, Доме Красной армии в г. Хабаровске. Набирали популярность концерты по заявкам бойцов, командиров, политработников. Уделялось внимание организации культурного отдыха производственников, транспортников, колхозников.

Из четвёртой главы, посвящённой 1944 г., следует, что новым веянием стали программы, творческие номера, посвященные освобождению территории СССР от немецко-фашистских захватчиков (с. 125), рассказывавшие, в числе прочего, о героизме защитников Ленинграда (с. 143). Коллектив Молдавского государственного джаза под руководством Ш. Аранова символично заканчивал свои концерты исполнением песни «К победам новым, вперед шагайте» (с. 144).

Заключительная глава передает атмосферу празднования, ликования, радости, которая воцарилась после получения известия о капитуляции Германии, победоносном завершении войны 9 мая 1945 г.

В целом, на страницах монографии автор скрупулезно документирует деятельность Хабаровского краевого радиокомитета, краевых газет, Хабаровского краевого театра музыкальной комедии. Уделяет внимание программам гастролей артистов, творческих коллективов (Л.О. Утесов, И.О. Дуневский, Т. Ханум, ансамбль песни и пляски Тихоокеанского флота, балетно-концертный ансамбль Государственного Ордена Ленина Бурят-монгольского музыкально-драматического театра, джаз-оркестр Д.Я. Покраса и др.). В обширной панораме не потеряли своего места и значение кружки художественной самодеятельности, отдельные артисты, писатели и поэты. Ценно, что рядом с текстом произведения, фотографией его автора представлена краткая биографическая справка, повествующая не только о творческих достижениях, но и во многих случаях боевых, трудовых заслугах. Специальная рубрика «История песни» рассказывает о создании музыкальных композиций (с. 36, 58, 74, 92, 108, 128, 134).

Особый интерес представляет анализ репертуара профессиональных творческих коллективов и кружков художественной самодеятельности, в том числе детских. Наряду с патриотическими песнями, посвященными войне, звучали классические произведения П.И.

Чайковского, С.В. Рахманинова, С.С. Прокофьева и др., что свидетельствует о стремлении сохранить культурное наследие, духовном единении советского народа. Репертуар творческих встреч, передач, концертов отличало жанровое многообразие. Звучала камерная, симфоническая, театральная, эстрадная, народная (русская, украинская, белорусская, грузинская и др.) музыка. На страницах местных газет печатались частушки, транслировавшие отношение к противнику, поддерживавшие боевой дух военно-

служащих, рабочий настрой тружеников тыла.

Станислав Вадимович Сливко в монографии «У высоких берегов Амура: хроника музыкальной жизни Хабаровского края (1941–1945)» показал силу искусства, которое в самые суровые времена оставалось источником мужества, человечности. Книга станет ценным приобретением для музыкантов, историков, культурологов, а также для всех, кто интересуется отечественной историей, ролью музыки в жизни общества.

Об авторе:

ЗЕЛЕНСКАЯ Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33), e-mail: yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

Review of S. V. Slivko's monograph «At the High Banks of the Amur: A Chronicle of the Musical Life in the Khabarovsk Territory (1941–1945). – Khabarovsk: Khabarovsk Regional Public Organization "Cultural and Educational Center "The World of Talking Machines", 2025. – 195 p. : ill.

Yu.N. Zelenskaya

Petrozavodsk State University, *Petrozavodsk, Russia*

The article presents a review of S. V. Slivko's monograph "On the High Banks of the Amur: A Chronicle of the Musical Life in the Khabarovsk Territory (1941–1945)". This scholarly publication is the result of a comprehensive research that combines the basic scientific methods, principles of historicism, and scientific objectivity with the chronological method. The author has organized historical data from a wide range of sources about the musical life in the Khabarovsk Territory during the Great Patriotic War.

Keywords: *The Great Patriotic War, Khabarovsk Territory, chronicle, music, World of talking machines.*

About the author:

ZELENSKAYA Yulia Nikolaevna – the Candidate of History, the Docent, the Department of National History, the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33), e-mail: yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

**Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трехсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются **статьи** кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), **статьи** докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Тексты статей, сообщений и рецензий высылаются по электронной почте главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу). В файле должны содержаться: текст статьи, резюме на русском и английском языках, сведения об авторе на русском и английском языках, транслитерированный список литературы. Сведения об авторе включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, полное название места работы, почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны и адрес электронной почты. на русском и английском языках.

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне листа формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи; **ключевые слова** (до 10 слов или словосочетаний) на **русском и английском языках**. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком **цитированной литературы** на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений название организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потерю статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслирований с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русско-говорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «thebenefitsofthisstudy», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It wasted in this study» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российским

сийскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издаельства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (/, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издаельства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов.**

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется ис-

следовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редакция оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диаграммы) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Национальной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <https://journal.tversu.ru/index.php/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссылок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В.П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail:history.decanat@tversu.ru

URL: <https://journal.tversu.ru/index.php/history>

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

В первом квартале 2026 г. планируется к изданию тематический выпуск: «Конфессиональная история: вторая половина XIX – первая половина XX в.»

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 4 (76). 2025

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 01.12.2025. Выход в свет 05.12.2025.

Формат 70x108¹/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,375.

Тираж 500 экз. Заказ № 229.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.